

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Фрайди
Бездна

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

Фрайди. Бездна (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1982, 1949

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Фрайди. Бездна (сборник) / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус»,
1982, 1949 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-13793-6

Фрайди не совсем человек. Мысли, чувства, женское ее естество вполне человеческие, только выращена она искусственно. Поэтому люди, которые с ней общаются, не считают Фрайди за человека. Ее можно купить, продать, унижить, сделать ей больно. Фрайди трудно только убить. Она профессиональный агент и, выполняя порученное задание, сама способна уничтожить любого. Но как-то так всегда получается, что, несмотря на это, человеческого у Фрайди больше, чем в людях, считающих себя «настоящими». Герой «Бездны» тоже парень не промах. Как и Фрайди, он секретный агент, посланный с важной миссией на Луну, где создано сверхоружие, несущее угрозу Земле. Но он не так одинок, как Фрайди, ему на помощь приходят люди, чей разум перерос человеческий. Почти людены, на языке братьев Стругацких. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-13793-6

© Хайнлайн Р. Э., 1982, 1949
© Азбука-Аттикус, 1982, 1949

Содержание

В мир пришла Фрайди	6
Фрайди	8
1	9
2	14
3	19
4	26
5	35
6	39
7	47
8	56
9	63
10	68
11	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Роберт Хайнлайн

Фрайди

Бездна

Robert Heinlein

FRIDAY

Copyright © 1982 by Robert A. Heinlein

GULF

Copyright © 1949 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

Серия «Звезды мировой фантастики»

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за помощь при подготовке книги

© Ф. Сарнов, перевод, 2017

© Г. Усова, перевод, 2017

© С. В. Голд, предисловие, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

В мир пришла Фрайди

Период между падением Нового Иерусалима и Вторым Атлантическим восстанием чрезвычайно интересен как в политическом, так и в культурологическом плане. После уничтожения регулярной армии Пророка боевики «Каббалы», мормоны, иностранные добровольцы и прочие не сумели договориться о разделе власти, а фанатики Пророка и вовсе не желали признавать чью-то власть. Америка, покончив с теократией, оказалась на пороге затяжной гражданской войны, и это неустойчивое положение использовала третья сила, по-прежнему остающаяся в тени. Религиозные фанатики были отстранены от власти, в обществе прошла антиклерикальная чистка, католики оказались вне закона, а в стране была реставрирована отмененная Скаддером в 2016 году политическая система середины прошлого века. Однако возврата к демократии не произошло – реанимированная система оказалась нежизнеспособной и тут же начала скатываться к тоталитаризму. Попытка установления диктатуры Кейтли ясно показала, что прежние методы государственного управления не способны эффективно работать в современных условиях. Высокие технологии, доступ к которым Америка получила после выхода из самоизоляции, и методы промывки мозгов, отработанные в годы коммунистического правления и улучшенные служителями Пророка, превращали демократию в пустышку, способ легитимизации власти тех, кто уже оказался наверху. Упомянутая выше третья сила оказалась не способна остановить этот процесс и прибегла к тактике индивидуального террора, устраняя особо зарвавшихся чиновников. Но это была попытка вычерпать ложкой море, потому что дефект заключался в самой демократической системе, а не в отдельно взятых индивидуумах. Противоречия, накопившиеся во властной структуре Американской Федерации, в конце концов разрешились Вторым Атлантическим восстанием, разрушившим прогнившую политическую систему, а вместе с ней и саму страну. В 2076 году Америка перестала существовать как единое государство, распавшись на отдельные доминионы, каждый из которых начал продвигать собственную модель государственного устройства. Балканизация США перекинулась и на соседнюю Канаду, которая совершила давно назревшее разделение на англо- и франкоговорящие части. Можно усматривать в этом определенную историческую иронию – противостояние двух сверхдержав XX века завершилось их распадом. Теократический период лишь отсрочил реализацию центробежных процессов в США.

Если внутри США итоги переходного периода можно считать катастрофическими, то в международном плане этот отрезок времени не был отмечен особыми потрясениями. Мир практически восстановился после Третьей мировой войны, а распад двух основных военных блоков, Йоханнесбургский атомный мораторий и создание Космического патруля поспособствовали тому, что это были в основном мирные годы. Военный конфликт между Россией и Пруссией был единственным инцидентом, который не смог (точнее, не успел) предотвратить патруль. Тем не менее это было чисто внешнее спокойствие. В действительности внутри земной цивилизации именно в этот период возникли и развились совершенно деструктивные тенденции. Попытка ядерного шантажа, предпринятая Кейтли, доказала, что внешний сдерживающий фактор Космического патруля больше не работает. Концентрация бесконтрольной власти в руках политиканов в сочетании с современными технологиями де-факто аннулировали договор, заключенный после Третьей мировой войны в Йоханнесбурге. Тем не менее изживший и исчерпавший свое назначение патруль длит свое существование еще по меньшей мере столетие, пока корпоративные войны 2170-х не докажут всем бессмысленность поддержания этого международного института.

Послевоенный период демонстрировал обывателям картину устойчивого научно-технического прогресса: возобновились космические сообщения с сепаратистами Марса и Венеры, были запущены первые орбиталища в точки Лагранжа L3, L4 и L5, что обеспечило некоторый

отток населения, синтетическая пища покончила с голодом, легализация генетических экспериментов привела к появлению «продвинутых» животных и искусственных существ, приспособленных к неприятным и опасным условиям работы. На Земле имелись почти все условия, чтобы превратить ее в экологически чистый дом для подросшего человечества. Однако вдумчивый наблюдатель способен был заметить, что темп научного прогресса в переходный период существенно замедлился, и это невозможно было объяснить социальными катастрофами конца XX – начала XXI века. Очевидно, в историю вмешался какой-то новый фактор. Этим фактором была все та же третья сила, именно она искусственно сдерживала научный прогресс, изымая из употребления наиболее эффективные и опасные игрушки, руководствуясь своими представлениями о безопасности и целесообразности. Человечество еще долго могли бы дергать за нитки невидимые кукловоды, но этому положило конец открытие прыжкового двигателя. Изобретение, приблизившее звезды на расстояние вытянутой руки, позволило человечеству разделиться. Центробежные силы, довлевшие над людской цивилизацией последние полвека, проявились и здесь – дочерняя ветвь рода человеческого, *homo novus*, упаковала вещишки (прихватив с собой несколько опасных технологий, наподобие репликатора), погрузилась на звездолеты и отбыла. Этому отлету предшествовали серьезные противоречия в верхушке организации третьей силы, в результате которых доктор Болдуин, ее руководитель, разочарованный сегрегационной политикой «новых людей», остался на Земле («Бездна»). Он по-прежнему пытался играть роль няньки при человечестве, но уже без глобальных претензий и от случая к случаю. Его собственным проектом стала прикладная евгеника – он намеревался улучшить человеческую породу модификацией генов, приближая потенциал *homo sapiens* к возможностям *homo novus*, но не пересекая черты, отделяющей один вид от другого. Однако его намерениям не суждено было воплотиться в жизнь. Лишившись поддержки организации, он не смог в одиночку противостоять земным спецслужбам и оказался в заключении, которое отбывал в Лунной колонии. Пониженная гравитация сделала с суперменом то же, что и с обычными колонистами, – она превратила его в инвалида.

А тем временем на Земле, лишенной контроля третьей силы, раскрылся ящик Пандоры. Более не сдерживаемые тенденции проявились. Америка и Канада перестали существовать в хаосе Второго Атлантического восстания. Научно-технический прогресс, освобожденный от цензуры третьей силы, рванулся вперед. Достоянием человечества стали антигравитация, супераккумуляторы Дэниела Шипстоуна, прыжковый двигатель и масса других вещей. Следствием этого стал крах целых отраслей промышленности. На мировую арену вышли новые игроки, которые за считанные десятилетия ассимилировали остатки прежних гигантов и превратились в мегакорпорации, сконцентрировавшие в своих руках все богатства и ресурсы на Земле и планетах Солнечной системы. С этого момента территориальные государства перестали быть решающим фактором земной истории. Власть в системе окончательно перешла в руки олигархов. Демократия как форма организации человеческого сообщества окончательно исчерпала свой потенциал.

До падения земной цивилизации оставалось 500 лет.

Именно в этот момент в мир пришла Фрайди¹.

С. В. Голд

---

¹ Из книги «Хайнлайн в картинках».

Фрайди

Эта книга посвящается

*Энн, Анне, Барби, Бетси, Баблс, Кэролин, Кэтрин, Дэн, Диане,
Элеоноре, Элинор, Гэй, Джинни, Джоан, Джуди-Линн, Карен, Кэтлин,
Мэрилин, Мишель, Патрисии, Пайпер, Полли, Роберте, Тэми, Ребел,
Урсуле, Верне, Вивиан, Вонде, Юмико и всегда-всегда-всегда – Джинни!*
Р. Э. Х.

1

Когда я вылезала из капсулы кенийского «Бобового стебля», он висел у меня на хвосте. Вслед за мной он вошел в дверь, ведущую в «Таможню. Карантин. Иммиграцию». Когда дверь захлопнулась за ним, я убила его.

Никогда не любила пользоваться «Стеблем». Не любила еще задолго до катастрофы в Кито на «Небесном крюке» – висящий прямо в небе и ничем не закрепленный трос очень уж отдает черной магией. Но любой другой способ попасть на Эль-5 занимает слишком много времени и очень дорого стоит. Мои инструкции и финансовые лимиты не позволяют прибегать к подобной роскоши.

Итак, я была здорово раздражена еще до того, как покинула шаттл с Эль-5 на Геостационаре, чтобы пересест в капсулу «Стебля», но... Черт возьми, раздражение еще не причина для убийства. Я намеревалась лишь вырубить его на несколько часов.

У подсознания своя собственная логика. Он не успел брякнуться на пол, как я перехватила его и быстро потащила, стараясь не запачкать пол, к дверцам бронированных кабинок. Там прижала его большой палец к замку – дверца с лязгом отъехала в сторону, – моментально нашла его бумажник, присвоила удостоверение и всю наличность. Карточку «Дайнерз клуб» сунула в прорезь. Положив пустой бумажник в карман трупа, втокнула тело внутрь, дверца встала на место, замок защелкнулся. Я отвернулась.

Прямо надо мной висел «следающий глаз».

Особо дергаться не стоило. Девять шансов из десяти, что «глаз» болтается здесь случайно и никто не наблюдает за монитором, а его двенадцатичасовая запись будет стерта без просмотра. И один шанс, что какая-нибудь девка из Службы пристально смотрит на монитор или... просто почесывается и вспоминает, чем занималась прошлой ночью.

Поэтому я плюнула на него и просто пошла к выходу в конце коридора. Назойливый «глаз», конечно же, потащился за мной, поскольку в этом проходе я была единственной массой, излучавшей тепло, с температурой тридцать семь градусов. Он задержался секунды на три, чтобы просканировать кабину с телом, а потом снова прицепился ко мне.

Пока я мысленно перебирала три наиболее безопасных варианта действий, *другая* часть мозга взяла верх – и руки четко привели в исполнение четвертый вариант: моя авторучка выпустила лазерный луч и убила «глаз» – я поливала его лучом на полной мощности, пока он не шлепнулся на пол, ослепленный, с выжженным антигравом и, надеюсь, со стертой памятью.

Мне пришлось еще раз воспользоваться кредиткой, позаимствованной у моего «хвоста», – я открыла замок кабинки авторучкой, чтобы не стереть отпечаток большого пальца, и сильным пинком отправила «глаз» внутрь. Потом стала действовать очень быстро – пришло время сменить обличье. Как и в большинстве внешних портов, на станции кенийского «Стебля» были удобства для пассажиров по обе стороны границы. Вместо того чтобы прямо идти к таможне, я отыскала туалетные комнаты и заплатила наличными за пользование кабиной для переодевания и душем.

За двадцать семь минут я успела не только принять душ, но и сменить одежду, цвет волос и лицо – то, что наносится три часа, снимается за пятнадцать минут с помощью горячей воды и обыкновенного мыла. Мне не очень хотелось демонстрировать здесь свое настоящее лицо, но я *должна* была избавиться от личности, которую я использовала для этой миссии. Та ее часть, которая не смылась водой, отправилась в мусоропоглотитель: комбинезон, туфли, сумочка, отпечатки пальцев, контактные линзы, паспорт. В оставшемся паспорте было мое настоящее имя – ну, во всяком случае, одно из настоящих, – стереографическое изображение лица и очень убедительно выглядевшая виза Эль-5.

Прежде чем отправить в мусоропоглотитель документы мертвеца, я внимательно проглядела их и... задумалась.

Его кредитные карточки и удостоверения личности были оформлены на четыре разные персоны.

Где остальные три паспорта?

Вероятно, остались в одном из карманов трупа, там, в той кабинке. Я не обыскала его как следует – времени не было, – а просто схватила все, что было в бумажнике.

Вернуться и обыскать? Если я потащусь назад, стану возиться с замком и соваться в кабину с еще не остывшим телом, меня наверняка кто-нибудь заметит. Беря его карточки и паспорт, я надеялась затруднить установление его личности и тем самым дать себе побольше времени, для того чтобы убраться отсюда, но... Одну секунду! Ага, паспорт и карточка «Дайнерз клуб» были на имя Адольфа Бельзена. «Америкэн экспресс» предоставляла кредит Альберту Бомонту, банк в Гонконге брал на себя обязательства о платежеспособности Артура Букмена, в то время как «Мастеркард» была выписана Арчибальду Бьюкенену.

В уме я воссоздала картину преступления: Бомонт-Букмен-Бьюкенен прижал большой палец к замку дверцы – и в этот момент Бельзен ударил его сзади, засунул тело в кабину, закрыл кабину своей карточкой «Дайнерз клуб» и поспешно убрался прочь.

Да, блестящая версия... Сделаем еще кое-что, чтобы получше замести следы.

Удостоверения и кредитные карточки я сунула к себе в бумажник, а паспорт на имя Бельзена спрятала поглубже. Конечно, его найдут при личном досмотре, но есть множество способов избежать такового – скажем, подкуп, давление, разложение, отвлечение внимания, обман (и это далеко не все).

Когда я вышла из туалета, уже прибыла следующая капсула и ее пассажиры стояли в очереди к «Таможне. Карантину. Иммиграции». Я встала в самый конец. Инспектор ТКИ обратил внимание на легкость моей сумки и поинтересовался, как там наверху дела на черном рынке. Я скорчила самую глупую мину, на которую была способна, – точь-в-точь как на фотографии в паспорте, а он как раз в этот момент обнаружил сложенную вдвое купюру, засунутую в паспорт, и сменил тему.

Я спросила его, где здесь лучший отель и лучший ресторан. Он сказал, что не вправе давать рекомендации, но «Найроби Хилтон», на его взгляд, неплох. Что же касается еды, то, если мои финансы позволят, в «Толстяке», что напротив «Хилтона», лучшая кухня во всей Африке. Он также выразил надежду, что пребывание в Кении доставит мне удовольствие.

Я сказала «спасибо» и через несколько минут была уже внизу, в городе – о чем тут же пожалела. Кенийская станция находится на высоте более пяти километров; воздух там всегда разреженный и холодный. Найроби выше над уровнем моря, чем Денвер, почти на одной высоте с Сьюдад-де-Мехико, но это лишь малая доля высоты горы Кения, а до экватора тут рукой подать. Воздух казался слишком густым и жарким, чтобы таким дышать, моя одежда почти сразу вымокла от пота. Я почувствовала, как начали опухать ноги, а они еще и здорово ныли – ведь им приходилось тащить мой полный вес. Не люблю задания за пределами Земли, но возвращаться из них – во много раз хуже.

Призвав на помощь самоконтроль, я попыталась избавиться от чувства дискомфорта... Чушь! Если бы мой инструктор по самоконтролю меньше торчал в позе лотоса и больше проводил времени в Кении, его наставления могли бы быть более полезными. Я плюнула на самоконтроль и сосредоточилась на главной проблеме: как бы побыстрее выбраться из этой сауны.

В холле «Хилтона» царил приятная прохлада. Что еще лучше, здесь нашлось полностью автоматизированное бюро путешествий. Я нашла свободную кабину и уселась перед терминалом. Тут же в кабине появилась служащая:

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

Я сказала ей, что справлюсь сама, – клавиатура выглядела знакомо (обычный «Кенсингтон-400»).

– Но я с удовольствием помогу вам, – продолжала настаивать она, – я сейчас совсем свободна.

На вид ей было лет шестнадцать, ее миленькое личико, приятный голос и манеры полностью убедили меня в том, что она действительно хочет помочь. Но мне меньше всего нужна была чья-то помощь, когда я собиралась возиться с чужими кредитками. Поэтому я сунула ей в ладонь небольшую купюру, сказав, что предпочитаю делать это сама, а если возникнут трудности, позову ее. Она запротестовала было, говоря, что вовсе не обязательно давать ей деньги, но в конце концов ушла, не сделав попытки вернуть их.

Адольф Бельзен на монорельсе прибыл в Каир, а на полубаллистике добрался до Гонконга, где зарезервировал для себя номер в «Пенинсуле» – все с помощью «Дайнерз клуб».

Альберт Бомонт находился в отпуске. Он заказал рейс «Сафари джетс» до Тимбукту, где «Америкэн экспресс» обеспечила ему две недели в роскошном «Шангри-Ла» на берегу «морья» Сахары.

Банк Гонконга оплатил дорогу Артура Букмена в Буэнос-Айрес.

Арчибалд Бьюкенен отправился в свой родной Эдинбург с предоплатой по «Мастеркард». Поскольку всю дорогу он мог проделать на подземке с одной лишь пересадкой в Каире и автоматическим переключением в Копенгагене, уже часа через два он должен быть в доме своих предков.

Я ввела в компьютер еще ряд запросов, но никаких заказов, никаких покупок. Они присутствовали лишь во временной памяти. Удовлетворенная, я вышла из кабины и спросила заулыбавшуюся служащую, попаду ли через вход в подземку, который, как я заметила, был прямо в холле отеля, к ресторану «Толстяк». Она любезно объяснила мне, куда надо свернуть, я поблагодарила, спустилась в метро и... заплатив наличными, села в вагон на Момбасу.

Момбаса от Найроби всего в тридцати минутах езды (450 километров), но она расположена на уровне моря, и климат Найроби, по сравнению с тамошним, кажется раем. Я постаралась выбраться оттуда как можно скорее и через двадцать семь часов уже была в провинции Иллинойс Чикагской империи. Вы можете сказать, что это слишком долго для дуги большого круга длиной всего в тринадцать тысяч километров. Но я не ехала по большому кругу, не пересекала таможенных границ и не проходила через пункты иммиграционного контроля. Не пользовалась я и кредитными карточками – ни своими, ни чужими. И еще я ухитрилась выкроить семь часов для сна в свободном штате Аляска – я не спала как следует с того момента, как двумя днями раньше покинула город на космической станции Эль-5.

Как я это сделала? Секрет фирмы. Этот маршрут может мне никогда больше не понадобится, но, возможно, кому-то из моих коллег по работе придется им воспользоваться. Кроме того, как говорит мой босс, когда все эти правительства опутали все, что только можно, своими компьютерами, «следящими глазами» и еще сотней других видов электронного надзора, каждая свободная личность просто морально обязана бороться – пользоваться подземкой, держать окна зашторенными и пичкать компьютеры дезинформацией. Ведь компьютеры тупы и ограничены, электронные досье на самом деле вовсе не досье... Нельзя упускать случая одурачить эту систему. Если не можете увернуться от налога, заплатите чуть больше, чтобы сбить с толку компьютер, – переставьте числа, поменяйте цифры местами... Ну и так далее.

Вопрос: как объехать полпланеты и не оставить следов? Ответ: плати наличными. Никаких кредитных карточек, ничего, что отправляется в недра компьютерной памяти. Взятка на самом деле – никакая не взятка: при всех подобных денежных трансферах достоинство берущего не может пострадать. Как бы ни переплачивали гражданским служащим, они всегда твердо убеждены, что им чудовищно недоплачивают, все чиновники в глубине души склонны к воровству, иначе они просто не кормились бы у этого «стойла». Эти две простые истины –

вот и все, что нужно знать, но будьте осторожны (!): чиновник не имеет самоуважения, но он остро нуждается в уважении и требует его проявления от публики.

Я всегда потворствовала этой нужде, поэтому мое путешествие обошлось без всяких инцидентов. (Не считая того факта, что «Найроби Хилтон» взорвался и сгорел дотла через несколько минут после того, как я села в вагон на Момбасу, – нужно быть просто параноиком, чтобы подумать, будто это хоть как-то связано со мной.)

Правда, я избавилась от четырех кредитных карточек и паспорта, как только узнала об этом, но я и в любом случае намеревалась это сделать. Если бы противник хотел ликвидировать меня – возможно, но маловероятно, – уничтожить многомиллионную собственность и неизбежно убивать и калечить сотни, а то и тысячи посторонних было бы все равно что охотиться на муху с топором. Непрофессионально.

А значит, теоретически возможно. Ну вот, наконец-то я опять в империи, задание выполнено с минимальными накладками. Я вышла на луг Линкольна, размышляя о том, что набрала достаточно очков, чтобы выклянчить у босса несколько свободных неделек в Новой Зеландии. Моя семья – с-группа из семи членов – жила в Крайстчерче, я не виделась с ними больше месяца. Давно пора!

Я с наслаждением вдыхала чистый, свежий воздух и любовалась сельской красотой Иллинойса – лучше может быть лишь на Южном острове. Говорят, на этих лугах когда-то стояли грязные фабрики – трудно поверить. Сегодня единственное здание, которое было видно с вокзала, – платная конюшня «Авис».

У выезда на дорогу, возле станции, стояло два наемных экипажа, обычные коляски и несколько фермерских вагончиков – как обычно. Я хотела было уже занять место в одном из экипажей «Ависа», как вдруг увидела, что подъезжает третий: пара красивых рысаков, запряженных в изящное ландо фирмы «Локхид».

– Эй! Дядя Джим! Сюда... Это я!

Кучер дотронулся кнутом до полей своего цилиндра и осадил лошадей. Ландо остановилось прямо перед ступеньками, на которых я стояла. Он слез с сиденья и снял цилиндр.

– Хорошо, что вы вернулись домой, мисс Фрайди.

Я стиснула его в объятиях, что он перенес стоически. У дяди Джима Пруфита были очень строгие понятия о пристойности. Говорят, он когда-то был обвинен в папизме, кто-то даже рассказывал, что его однажды взяли с поличным, когда он служил мессу. Болтали разное, но, по моему, в основном чушь – что он был священником, завербованным нашей фирмой, а потом провалился, прикрывая других. Что касается меня, то в политике я не разбираюсь, но думаю, что священник непременно бы выдавал себя особой манерой, будь он настоящим или из нашей команды. Впрочем, я могу ошибаться – я в жизни своей не видела ни одного священника.

Когда он помог мне усесться, подав руку и заставив почувствовать себя настоящей леди, я спросила:

– Как ты здесь оказался?

– Хозяин велел встретить вас, мисс.

– Вот как? Но я не сообщала ему, когда приеду. – Я постаралась вычислить, кто же из команды Босса следил за мной, не наступая на пятки. – Я иногда думаю, что у Босса есть волшебный хрустальный шар.

– Похоже, что так, – усмехнулся Джим, прищелкнув языком на Гога и Магога. Мы тронулись с места и поехали к ферме.

Я откинулась на спинку сиденья и расслабилась, слушая, как лошадиные копыта мягко шлепают по грязи: хлюп! Хлюп! Я приоткрыла глаза, когда Джим свернул в наши ворота, и окончательно проснулась, когда лошади встали под навес. Не дожидаясь, пока он поможет мне выйти, прыгнула на землю и повернулась, чтобы сказать Джиму «спасибо».

Они напали на меня одновременно – с двух сторон.

Старый добрый дядя Джим не предупредил меня. Он просто стоял и смотрел, как меня вязали.

2

Моя вина! Моя тупая оплошность! Сколько раз меня учили, что ни одно место не может быть абсолютно безопасным, а уж то, куда ты обычно возвращаешься, – самое опасное. Именно там вероятнее всего тебя ждет ловушка.

К сожалению, я лишь затвердила это, как попугай, не вдаваясь в смысл. И напрасно. Это меня и подвело.

Есть и еще одно, не менее важное правило: если тебя кто и убьет, так это тот, кто ближе всех к тебе, – член твоей семьи. Я и это никогда не принимала всерьез. Жить, опасаясь удара от близких? Лучше сдохнуть!

Самая же большая моя глупость состояла в том, что я не обратила внимания на явное, четкое, *вопиющее* предупреждение, а не на какой-то там общий принцип: как это добрый старый «дядя» Джим умудрился так точно встретить мою капсулу? День в день и почти минута в минуту! Хрустальный шар? Босс, конечно, умнее нас всех, вместе взятых, но и он не волшебник – в этом я уверена, хотя, конечно, могу и ошибаться. В конце концов, если бы Босс обладал сверхъестественной силой, ему были бы не нужны мы все.

Я не докладывала ему о своих передвижениях, я даже не сообщила, когда я покинула Эль-5. Это соответствовало нашим правилам: он не заставлял нас докладывать о каждом шаге, понимая, что любая утечка может стать роковой. Даже я сама не знала, что сяду именно в эту капсулу, пока не села в нее. Я заказала завтрак в кофейне отеля «Стюарт», встала из-за столика, не притронувшись к еде, кинула деньги на стойку и – через три минуты была уже в капсуле экспресса. Так каким же образом?..

Очевидно, тот хвост, от которого я избавилась на станции «Стебля» в Кении, был не единственный. Или его кто-то прикрывал, или же исчезновение мистера Бельзена-Бомонта-Букмена-Быюкенена было сразу замечено и его быстро заменили. Возможно, они следили за мной все время, и то, что случилось с «Бельзеном», предостерегло их – больше они не стали наступать мне на пятки. Или за те несколько часов, пока я спала, они сумели меня найти? Не важно, как именно все произошло. Вскоре после того, как я забралась в вагон на Аляске, кто-то отправил примерно следующую депешу: «Светлячок – Стрекозе. Девять минут назад Комарик вылез из капсулы Международного коридора. Диспетчерская в Анкоридже сообщила, что капсула отправляется и прибывает в Линкольн-Мэдоуз в одиннадцать ноль три по вашему времени». Или что-то в этом роде. Так или иначе, кто-то из недругов видел, как я сажусь в капсулу и позвонил, иначе старина Джим никак не мог бы меня встретить.

Непредусмотрительность всегда чудесна – она демонстрирует вам, как лихо вы можете разбить себе лоб... Правда, уже после того, как вы его разбили.

Но я заставила их попотеть за свои денежки. Если бы я была умницей, я перестала бы сопротивляться, как только увидела, что их слишком много. Но я не умница – это я уже доказала. Мне вообще надо было рвать когти, как только Джим сказал, что его послал Босс, а не лезть в эту телегу и там (о господи!) дремать.

По-моему, я убила только одного из них.

А может, двоих. Но почему им понадобилось делать это так грубо? Они могли прекрасно подождать, пока я войду внутрь, и там воспользоваться баллончиком с газом или усыпляющим дротиком... Или, в конце концов, простой веревкой. Я им нужна живой – это ясно. Но разве им не известно, что, когда нападают на агента с моей подготовкой, он автоматически переходит в овердрайв? Может быть, не я одна здесь дурочка?

И зачем так глупо терять время – насиловать меня? Во всей этой операции было что-то дилетантское. Профессионалы никогда не станут ни бить, ни насиловать перед допросом – в этом нет никакого смысла: любой профессионал проходит специальную тренировку и умеет

справляться и с тем и с другим. Когда жертву насилюют (или его – я слышала, что мужчинам в этом случае труднее), она может или отключить разум и выждать, когда это закончится, или (специальный курс тренировки) последовать известной китайской поговорке: «Если насилие неизбежно...» и так далее.

Или же вместо первых двух методов (а возможно, и в сочетании со вторым) жертва может рассматривать изнасилование как возможность обрести преимущество над ее похитителями. Я не очень хорошая актриса, но я стараюсь, и, хотя мне ни разу не удалось полностью перевернуть ситуацию, по крайней мере однажды это спасло мне жизнь.

В этот раз способ № 3 не повлиял на конечный итог, но хотя бы вызвал несколько сильных разногласий. Четверо из них (судя по прикосновениям и запахам тел) разложили меня в одной из спален наверху. Может, это была моя собственная комната, но я не уверена, поскольку какое-то время была без сознания. Когда же я пришла в себя, вся моя одежда состояла из липкой темной ленты на глазах. Они стащили матрас на пол, уложили меня на него, и началась обычная групповуха с минимальной примесью садизма... на который я не обращала внимание, будучи слишком занята способом № 3.

Про себя я назвала их: Мелкая Шишка (по-видимому, главный у них), Рокс (так они сами его называли, имея в виду, наверное, булжик вместо мозгов), Коротышка (во всех смыслах) и Четверка, поскольку у него не было отличительных особенностей.

Я обработала их по полной – в плане драматургии, я имею в виду: сначала сопротивление, потом уступаешь силе и постепенно ваша страсть берет верх над вами. Любой мужик клюнет на эту приманку, и все они «клюнули», но особенно я старалась с Мелкой Шишкой – в надежде, что стану его «любимницей» или чем-то в этом роде. Мелкая Шишка был не так уж плох, способы № 2 и № 3 отлично сочетались.

Труднее всего было с Роксом, так как для него пришлось сочетать способ № 3 со способом № 1, потому что у него отвратительно пахло изо рта. И вообще он был не очень чистоплотен, мне стоило больших усилий не обращать на это внимания и реагировать так, чтобы не задеть его мужское самолюбие.

Закончив дело, он заявил:

– Слушай, Мак, мы зря теряем время. Эта шлюха только наслаждается.

– Ну так слезь с нее и уступи место Коротышке. Он уже готов повторить.

– Нет, погоди. Сначала я врежу ей как следует, чтобы она серьезней к нам относилась. –

И он действительно врезал мне по левой скуле. Я вскрикнула.

– Прекрати! – раздался окрик Мелкой Шишки.

– Это кто тут раскомандовался? Ты слишком много на себя берешь, Мак.

– Это я велел, – донесся совсем незнакомый голос, явно усиленный динамиком, а значит, идущий из переговорника в потолке. – Рокки, Мак – старший, и ты это знаешь. Мак, отправь Рокки ко мне, я хочу сказать ему пару слов.

– Майор, я просто хотел как лучше!

– Ты все слышал, Рокс? – сказал негромко Мелкая Шишка. – Застегни штаны и проваливай отсюда.

Внезапно он перестал давить на меня своим весом и дышать мне в лицо своей вонью. Уже приятно. С потолка вновь раздался голос:

– Мак, это правда, что маленькая церемония, которую мы устроили для мисс Фрайди, просто доставила ей удовольствие?

– Возможно, Майор, – медленно проговорил Мелкая Шишка. – Судя по тому, как она себя ведет, да.

– Ну а сама что скажешь, Фрайди? Это твой любимый способ?

Я не стала отвечать на его вопрос. Вместо этого я подробно рассказала о нем и его семье, особенно о его матери и сестре. Если бы я сказала ему правду – что Мелкая Шишка мог бы

быть довольно приятен при других обстоятельствах, что Коротышка и Четверка ни в каком смысле не представляют интереса, а Рокс просто подонок, которого я прикончу при первой же возможности, – это свело бы на нет всю мою работу способом № 3.

– И тебе того же, детка, – весело ответил голос из динамика. – Жаль тебя разочаровывать, но я из приюта. Так что никакой жены, а тем более матери или сестры. Мак, надень на нее наручники и прикрой одеялом, но снотворное не втыкай, я поговорю с ней чуть позже.

Любитель. Мой Босс в жизни не дал бы знать пленнику, что его вскоре ожидает допрос.

– Эй, приютский!

– Да, милая?

Я обвинила его в пороке, не требующем наличия матери или сестры, но анатомически возможным – так мне говорили – для некоторых мужчин.

– Каждую ночь, родная, – ответил голос. – Это очень успокаивает.

Итак, один-ноль в пользу Майора. Я решила, что при надлежащей подготовке из него мог бы получиться профессионал. Тем не менее сейчас он был жалким любителем и не вызывал у меня ни капли уважения. Он лишился одного, а может, и двух своих людей, напрасно заставил меня страдать от побоев, да еще от сексуального унижения – будь я обычной нетренированной женщиной, – очень, кстати, болезненного. На всем этом он потерял часа два. Если бы на его месте был мой Босс, пленница (или пленник) давным-давно бы уже раскололась и провела бы эти два часа, торопливо выкладывая все, что знает (и не знает), перед микрофоном.

А Мелкая Шишка даже взял на себя труд позаботиться обо мне – он отвел меня в туалет и спокойно ждал, пока я писаю, не пытаясь извлечь из этого для себя никакой выгоды. И это тоже было по-дилетантски, потому что для допросов любителей (но не профи) есть хорошая методика кумулятивного типа – не выпускать его или ее в туалет. Если в своей жизни женщина не сталкивалась с неудобствами и если мужчина обладает гипертрофированной половой гордостью – а это характерная черта почти всех мужиков, – эта методика не менее эффективна, чем пытки, и хорошо работает в сочетании с болью или иными унижениями.

Не думаю, что Маку было это известно. Я даже сочла бы его приличным человеком, несмотря на... нет, пожалуй, исключая его готовность к изнасилованию, – хотя, если верить исследованиям, к этому склонны большинство мужчин.

Кто-то кинул матрас на кровать. Мак велел мне лечь на спину, вытянуть руки вперед и приковал меня к койке наручниками – не полицейскими, а специальными, с бархатными прокладками. Это барахло обычно используют разные придурки для садомазо-игрищ. Интересно, кто из них здесь извращенец? Наверное, Майор.

Мак проверил наручники, убедился, что они сидят как следует, но не причиняют мне боли, а потом аккуратно накрыл меня одеялом. Я бы не удивилась, если бы он поцеловал меня и пожелал спокойной ночи. Но он этого не сделал, а просто тихо вышел.

Интересно, согласно методу № 3 мне надо было ответить на такой поцелуй? Или возмущенно отплеваться? Хороший вопрос. В основе способа № 3 лежит «я-просто-не-могу-с-собой-справиться», и тут очень важно рассчитать, когда и сколько энтузиазма нужно проявить. Если насильник заподозрит жертву в том, что она морочит ему голову, ее игра закончена.

В конце концов, засыпая, я все-таки решила – с некоторым сожалением, – что от этого предполагаемого поцелуя пришлось бы возмущенно отвернуться.

Как следует выспаться мне не дали. Я здорово вымоталась от всей этой передраги и уснула почти сразу же, но очень скоро была разбужена пощечиной. Неужели Мак? Нет, разумеется, Рокс. Ударил он меня не так сильно, как в первый раз, но все равно это было совершенно не обязательно. Наверное, он злился на меня за выволочку, которую получил от Майора, и я пообещала себе, что, когда настанет время с ним покончить, я сделаю это медленно.

– Мак приказал не бить ее, – услышала я голос Коротышки.

– А я и не бил. Просто ласково шлепнул, чтобы разбудить. Так что заткнись и займись своим делом. Отойди подальше и наведи на нее пистолет. На нее, идиот!.. А не на меня!

Они отвели меня в подвал, в одну из наших камер для допросов. Коротышка и Рокс ушли – во всяком случае, Рокс точно убрался, потому что исчез его вонючий запах, – и за меня взялась команда дознавателей. Не знаю, сколько их было, – ни один не проронил слова. Единственный обращавшийся ко мне голос принадлежал тому, кого я окрестила Майором, и голос, по-моему, раздавался из громкоговорителя.

– Доброе утро, мисс Фрайди.

«Утро? Что-то непохоже».

– Привет, приютский!

– Рад, что вы в хорошем настроении, дорогая, поскольку нам предстоит долгий и утомительный процесс. Я бы даже сказал, неприятный. Я хочу знать о тебе все, любовь моя.

– Сейчас узнаешь. С чего начать?

– Расскажи все о путешествии, из которого ты только что возвратилась. Не упускай ни одной подробности. И все – об организации, к которой ты принадлежишь. Должен тебя предупредить, что мы знаем о ней достаточно, так что, если ты солжешь, мне сразу станет известно. Поэтому никаких легенд, дорогая, – я моментально уличу тебя во лжи, и то, что последует за этим... Я, конечно, буду сожалеть об этом, но ты пожалеешь гораздо сильнее.

– Я не собираюсь лгать. Магнитофон включен? Это займет много времени.

– Магнитофон включен.

– Ладно. – И в течение трех последующих часов я исполняла соло – честно выкладывала все, что знаю.

Это было по правилам. Мой Босс прекрасно понимает, что девяносто девять агентов из ста не выдержат настоящей физической боли, примерно такой же процент расколется на достаточно длительном и изнуряющем допросе, но только сам Будда сумеет противостоять тщательно подобранному наркотику. И поскольку Босс мало полагается на чудеса и терпеть не может терять хороших агентов, его основное правило: «Если тебя поймали, пой!»

Естественно, что при таком положении вещей он должен быть уверен, что ни одно из действующих лиц не знает ничего лишнего. И курьер никогда не знает, что он везет. Я ровным счетом ничего не знаю о цели. Мне неизвестно настоящее имя Босса. Я понятия не имею, работаем мы на государство или являемся подразделением одной из транснациональных корпораций. Я знаю, где расположена наша ферма, но это известно многим, и... она очень хорошо охраняется (во всяком случае, охранялась). Что же касается других наших мест, то меня туда возили только в закрытом транспорте. Гравилет отвозил меня, например, на тренировочный полигон, который мог находиться в дальнем конце фермы. Или вообще где угодно.

– Майор, как вам удалось захватить это место? Оно неплохо охранялось.

– Здесь я задаю вопросы, моя остроглазенькая. Давай-ка прокрутим еще раз ту часть, когда тебя кто-то преследовал на выходе из капсулы «Стебля».

Прошло еще много времени, и, когда я выложила все, что знаю, и начала повторяться, Майор прервал меня:

– Дорогая, ты выдала нам очень убедительную историю... Да, и такую правдивую, что я, пожалуй, готов верить каждому третьему слову. Давайте перейдем к процедуре «Б».

Кто-то схватил мою левую руку, и я почувствовала, как игла входит в вену. «Болтливый сок»! Дай бог, чтобы эти чертовы дилетанты хоть в этом не были так неуклюжи и бездарны, как во всем остальном, – ничего не стоит отдать концы от слишком большой дозы.

– Майор! Мне лучше сесть!

– Усадите ее на стул.

Кто-то выполнил его приказ.

...Десять, сто, тысячу лет я болтала и болтала, без устали повторяя все то же самое, а мозги у меня плавали в каком-то тумане, и туман сгущался, сгущался, но я все болтала, и болтала, и болтала... В какой-то момент я просто свалилась со стула, но они не стали сажать меня обратно, а уложили на холодный цементный пол. А я продолжала болтать...

Не знаю, сколько прошло времени, но в конце концов они сделали мне другой укол, от которого у меня разболелись зубы и глаза чуть не выскочили из орбит, но я пришла в себя.

– Мисс Фрайди!

– Да, сэр?

– Вы очнулись?

– Кажется, да.

– Ну что ж, дорогая. Я думаю, вас тщательно обработали под гипнозом, чтобы вы смогли под «соком» излагать ту же легенду, что и без наркотика. Это очень плохо, поскольку я теперь вынужден прибегнуть к другому способу. Вы можете встать?

– Думаю, да. Во всяком случае, я могу попробовать.

– Помогите ей встать и не давайте упасть.

Кто-то, один или двое, выполнил его приказ. Я нетвердо стояла на ногах, но они крепко держали меня.

– Начните процедуру «Ц», пункт пять.

Чей-то тяжелый башмак с размаху опустился на мою босую ногу – прямо по пальцам. Я заорала.

Знаете что?.. Если вас когда-нибудь начнут допрашивать под пытками, орите что есть сил. Не играйте Железного Человека – это лишь озлобит ваших мучителей, и они обойдутся с вами еще круче. Можете мне поверить, я ведь прошла через это. Орите так, чтобы у вас лопались барабанные перепонки, и раскалывайтесь как можно быстрее.

Я не стану пересказывать подробности того, что происходило в следующие нескончаемые для меня часы. Если у вас есть воображение, вам захочется блевать, как хочется мне самой, когда я вспоминаю об этом. Кстати, пару раз меня тогда действительно вырвало. И несколько раз я просто вырубалась, но они приводили меня в чувство и снова принимались за дело, а голос из динамика упрямо продолжал задавать вопросы.

Наконец настал момент, когда они уже не сумели привести меня в чувство, и, вновь открыв глаза, я обнаружила, что лежу в кровати – той же самой, я полагаю, – вновь с наручниками на руках и ногах. Тело раздирала боль.

Голос из динамика с потолка произнес:

– Мисс Фрайди!

– Какого черта тебе еще нужно?

– Мне – никакого. Но если для вас, моя дорогая, это послужит хоть каким-то утешением, то могу сказать: вы – первый человек, которого я допрашивал и из которого так и не сумел выбить правду.

– Ну и пошел ты!..

– Спокойной ночи, дорогая.

Дилетант хренов! Каждое слово из того, что я наговорила, было чистой правдой.

3

Кто-то приходил, чтобы сделать мне укол. Вскоре боль прошла, и я уснула.

Думаю, я спала долго. Или сны мои перепутались, или я временами просыпалась, а потом опять впадала в забытие, а может, и то и другое. Кое-что явно было во сне – собаки, конечно, могут разговаривать, я сама видела нескольких, но вряд ли собака станет читать лекцию о правах искусственных существ. Шум и люди, бегущие то вверх, то вниз, возможно, были реальными. Но больше это походило на кошмар, потому что когда я попыталась подняться с кровати, то не смогла даже головы оторвать, не говоря уже о том, чтобы встать и присоединиться к веселью.

Наконец в какой-то момент я решила, что окончательно проснулась, потому что наручники больше не стягивали мои запястья и щиколотки, а на глазах не было клейкой ленты. Но я не стала прыгивать с койки и даже не открыла глаза – я понимала, что в самые первые секунды, после того как я подниму веки, у меня будет наилучшая, а может и единственная, возможность сбежать.

Не двигаясь, я напрягла мышцы. Кажется, все тело послушно повиновалось мне, хотя почти везде оно здорово ныло. Одежда? Забыть о ней – я не только не имела понятия, где она может быть, но и считала, что тратить время на одевание, когда речь идет о жизни, просто безумие. Давайте сообразим – в комнате, кажется, никого не было. А на этаже? Замереть и прислушаться. Когда я буду уверена, что я одна на этаже, надо бесшумно встать с постели, быстро проскользнуть на лестницу, потом на третий этаж и на чердак. Там спрятаться. Дождаться. Через чердачное окно, вниз по крыше, спуститься по задней стене – и в лес. Если я доберусь до леса, что начинается почти сразу за домом, они никогда меня не схватят, но... До тех пор я для них – удобная мишень.

Шансы? Один из десяти. Может быть, один из семи, если я все еще в форме. Самое слабое место в этом плане то, что меня легко могут засечь до того, как я выберусь из дома, потому что... Потому что, если меня засекут – нет, пожалуй, *когда* меня засекут, – мне придется не просто убивать, но убивать очень тихо...

Какие есть еще варианты? Только один – лежать и ждать, пока меня ликвидируют, а это... Это случится вскоре после того, как Майор решит, что больше ему из меня ничего не выжать. Какими бы бездарными дилетантами они ни были, все же они – во всяком случае, Майор – не так глупы, чтобы оставлять в живых свидетельницу, которую пытали и насиловали.

Я навестила уши и стала напряженно вслушиваться.

Нигде ни одного шороха. Нет смысла ждать дольше, каждая минута промедления приближала то время, когда «шорохи» появятся. Я открыла глаза.

– Проснулась? Хорошо.

– Босс! Где я?

– Что за дурацкий вопрос? Фрайди, ты могла придумать что-нибудь поинтереснее. Закрой глаза и попробуй снова.

Я огляделась по сторонам. Спальня или, может быть, больничная палата. Окон нет. Освещение искусственное. Гробовая тишина, не нарушаемая, а скорее усиленная легчайшим звуком невидимого вентилятора. Я снова взглянула на Босса – приятное зрелище. Все как всегда, даже старомодная повязка на глазу... Почему он, интересно, никак не сделает себе регенерацию? Его костыли стояли возле стола так, чтобы до них было легко дотянуться... На нем был его обычный неряшливый шелковый костюм, покроем напоминающий плохо сшитую пижаму. Я была жутко рада его видеть.

– Я хочу знать, где я. И как сюда попала. И почему... Это где-то под землей, конечно... Но где?

– Разумеется, под землей – метров... несколько. «Где» – тебе будет сказано, когда в этом появится необходимость, или, во всяком случае, как отсюда выбраться и как сюда добраться. Это был основной недостаток нашей фермы – приятное местечко, но слишком многим было известно, где оно расположено. Так что вопрос «почему?» вряд ли уместен. С вопросом «как?» можно подождать. А теперь докладывай.

– Босс, вы умеете раздражать людей лучше, чем все, кого я знаю.

– Долгая практика. Докладывай.

– А ваш отец наверняка встретил вашу мать в дешевом отеле. И даже шляпу не снял.

– Они познакомились на пикнике, устроенном баптистской воскресной школой, и оба верили в Зубную фею. Докладывай.

– Черт бы вас побрал! Поездка на Эль-пять обошлась без всяких инцидентов. Я нашла мистера Мортенсона и отдала ему содержимое своего фальшивого пупка. Эта процедура была неожиданно прервана – случилось кое-что странное: на космической станции вдруг началась эпидемия ОРЗ, причина неизвестна, и я его подцепила. Мистер Мортенсон был очень добр, он отвез меня к себе домой, и там его жены окружили меня самой нежной заботой и прекрасным уходом. Босс, я хочу, чтобы все их расходы, связанные со мной, были оплачены.

– Учту. Продолжай.

– С головой у меня творилось что-то странное, поэтому я на неделю выбилась из графика. Но как только я почувствовала, что могу уехать, мистер Мортенсон сообщил мне, что посылка для вас уже со мной. Каким образом, Босс? Опять в тайнике за пупком?

– И да, и нет.

– Чертовски содержательный ответ!

– Твой искусственный карман *был* использован.

– Я так и думала. Хотя там и нет нервных окончаний, я все равно что-то чувствую – может быть, небольшое давление, – когда он наполнен. – Я надавила слегка на живот вокруг пупка и напрягла мышцы живота. – Эй, он пустой! Вы его разгрузили?

– Нет. Это сделали ваши противники.

– Значит, я провалилась? О господи! Босс, это ужасно...

– Нет, – мягко возразил он. – Ты справилась с заданием. Несмотря на огромную опасность и множество труднейших препятствий, ты справилась, и справилась прекрасно.

– Правда? – («Вас когда-нибудь награждали Крестом Виктории?»)² – Босс, может быть, хватит говорить загадками? Объясните все как следует.

– Объясню.

Но наверное, лучше сначала кое-что объясню я. С помощью пластической операции мне был сделан искусственный «карман» внутри пупка. Он, конечно, невелик, но даже в пространство размером в один кубический сантиметр можно втиснуть довольно много микрофильмов. Вход в «карман» абсолютно не виден, края разреза специальным клапаном удерживаются плотно сдвинутыми. Мой пупок выглядит совершенно нормальным. Многие беспристрастные судьи говорили, что у меня очень красивый живот и очаровательный пупок... А это, между прочим, в некоторых (очень важных) отношениях гораздо важнее, чем смазливое личико, которого, кстати, у меня нет.

Силиконовый эластичный клапан постоянно держит края входа в «карман» сомкнутыми – даже когда я без сознания. Это очень важно, потому что там нет нервных окончаний, с помощью которых можно было бы произвольно контролировать сокращение и расслабление, как, например, в анальном, вагинальном и, у некоторых людей, в горловом сфинктере. Чтобы наполнить «карман», смажьте клапан любым синтетическим смягчающим кремом и вдавите нужный предмет внутрь большим пальцем – только без всяких зазубрин и острых углов, уж будьте

---

² Крест Виктории – высший военный орден в Великобритании.

так любезны. Чтобы вынуть предмет, пальцами обеих рук я развожу связки насколько это возможно, напрягаю брюшные мускулы – и он выскакивает.

Искусство прятать что-то в человеческом теле имеет вековую историю. Классические способы включают в себя рот, ноздри, желудок, кишечник, прямую кишку, мочевой пузырь, влагалище, пустую глазницу, ушной канал. Есть экзотические, но не очень действенные методы использования татуировок – иногда с волосным покровом. Но любой из подобных классических способов прекрасно известен любому таможеннику и любому спецгенту на Земле, на Луне, на космических станциях и других планетах – словом, везде, куда только ступала нога человека. Поэтому забудьте о них. Единственный классический метод, которым по-прежнему можно провести профессионала, это «украденное письмо»³. Но «украденное письмо» требует действительно высокого мастерства, и, даже если оно выполнено с высоким знанием дела, тот, на ком оно «написано», не должен подозревать об этом, чтобы не выболтать под наркотиками.

Теперь взгляните на пару сотен пупков, которые вам по тем или иным причинам будет позволено увидеть. Поскольку теперь кое-кто узнал о моем «кармане», вполне возможно, что среди этих двух сотен (или двух тысяч – это уже зависит от вашей общительности) найдется два или три подвергнутых той же самой пластической операции. Вполне возможно, что скоро их будет множество, поскольку всякое новшество перестает быть новшеством, как только о нем знают больше двух человек. Таким образом, вскоре таможенники станут тыкать своими заскорузлыми пальцами в каждый пупок и... Я надеюсь, многие из них в ответ получают в глаз от разъяренных жертв – пупок, знаете ли, очень нежная штука и страшно боится щекотки.

– Фрайди, слабым местом твоего «кармана» всегда было то, что при любом умелом допросе...

– Это были дилетанты.

– ...или при любом грубом допросе с применением наркотиков тебя могут вынудить упомянуть о его существовании.

– Это могло быть после того, как они накачали меня «болтливым соком». Пока я была в сознании, я уверена, что не говорила об этом.

– Может быть. Или слушок мог дойти до них по другим каналам, ведь несколько человек знали об этом – ты, я, три медсестры, два хирурга, один анестезиолог. Возможно, кто-то еще. Словом, слишком многие. Не важно, откуда наши противники узнали, но они вынули то, что у тебя там было. Но не смотри так мрачно: все, что они получили, – это микрофильм с длинным перечнем всех ресторанов, переснятым с телефонной книги бывшего города Нью-Йорка за тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Наверняка где-то сейчас трудится компьютер, пытаюсь подобрать ключ к скрытому в нем коду... Это займет у него довольно много времени, потому что никакого кода там нет, а значит, нет и ключа. Этот «багаж» всего лишь фальшивка, так что расслабься.

– И ради этого я проделала весь путь на Эль-пять, жрала черт-те что, чуть не блевала в этой проклятой «бобовой» капсуле, да еще вдобавок ко всему меня трахнули какие-то мерзкие недоноски!

– Фрайди, о последнем я очень сожалею. Но неужели ты полагаешь, что я стал бы рисковать жизнью своего самого блестящего агента ради ерунды?

Теперь вы понимаете, почему я работаю на этого самонадеянного мерзавца? Чего только не добьешься лестью.

– Прошу прощения, сэр.

– Нащупай свой шрам от аппендицита.

---

³ «Украденное письмо» – рассказ Э. А. По из цикла историй о сыщике Дюпене. Речь идет о письме, которое никто не мог найти, потому что оно лежало на самом виду.

– Что? – Я сунула руку под простыню и потрогала шрам пальцами, потом откинула простыню и взглянула на свой живот. – Какого черта?

– Разрез был не длиннее двух сантиметров и точно по шраму – мышечная ткань осталась нетронутой. «Багаж» был вынут двадцать четыре часа назад из этого же разреза. С помощью ускоренного метода заживет через два дня – так мне сказали, ты не сумеешь обнаружить новый шрам на старом. Кстати, я очень рад, что Мортенсоны обеспечили тебя таким хорошим уходом, потому что, уверен, те искусственные симптомы лихорадки, которые пришлось у тебя вызывать, чтобы скрыть, что на самом деле с тобой происходит, были не очень-то приятны. Между прочим, там и вправду была короткая вспышка эпидемии катаральной лихорадки – очень удачное совпадение.

Босс замолчал. Я, разумеется, не стала спрашивать, что же на самом деле я тащила в этом шраме, – все равно он не сказал бы. Помолчав, он произнес:

– Ты говорила о возвращении.

– Поездка прошла без инцидентов. Босс, в следующий раз, когда вы пошлете меня в космос, я хочу лететь первым классом – в нормальном антигравитационном корабле. А не ползать по этой дурацкой индийской веревке.

– Технический анализ много раз подтверждал, что «Небесный крюк» гораздо безопаснее любого корабля. Обрыв троса в Кито был результатом саботажа, а не технических неполадок.

– Вы просто скуповаты.

– Я не стану спорить с тобой, тем более что это, по-моему, обыкновенная трусость с твоей стороны. Можешь в дальнейшем пользоваться антигравитационными кораблями, если позволят время и обстоятельства. В этот раз были свои причины – и весьма серьезные, – чтобы ты воспользовалась «бобовой» капсулой.

– Может быть, и так, но кое-кто повис у меня на хвосте, когда я вылезла из этой капсулы. И как только мы остались одни, я убила его.

Я замолчала. Когда-нибудь настанет такой день, и я сумею вызвать на его физиономии хоть тень удивления... Я подошла к этой теме с другой стороны.

– Босс, – сказала я, – мне необходимо пройти курс переподготовки с некоторой переориентацией.

– Вот как? Переориентация? Интересно, в какую сторону?

– У меня слишком быстрая реакция – реакция убийства. Я не преувеличиваю. Тот парень не сделал ничего такого, за что его стоило убить. Конечно, он следил за мной. Но мне было вполне достаточно стряхнуть его с хвоста там или в Найроби или, в конце концов, вырубить его на пару часов и убраться восвояси.

– Мы обсудим это позже. Продолжай.

Я рассказала ему про «следающий глаз» и про четыре личности Бельзена, про то, как я отправила их на все четыре стороны, а потом про поездку домой.

– Ты не упомянула про взрыв отеля в Найроби, – прервал он меня.

– Мм? Но, Босс, это же не имело ко мне никакого отношения. Я уже была на полпути в Момбасу.

– Дорогая Фрайди, ты все-таки очень наивна. Огромное количество людей и громадные суммы денег были задействованы, чтобы помешать тебе выполнить задание, включая и вооруженное нападение на нашу бывшую ферму. Так что можешь считать, что взрыв в «Хилтоне» был произведен с единственной целью – ликвидировать тебя.

– Мм-да. Босс, вы ведь наверняка знали, что дело это крутое. Неужели вы не могли меня предупредить?

– Ты думаешь, ты была бы более аккуратна и решительна, если бы я напичкал тебя предупреждениями о непредсказуемых опасностях? Думаешь, справилась бы лучше? Дорогая моя девочка, ты не сделала ни одной ошибки.

– Черта с два! Дядя Джим встретил мою капсулу, а он ведь никак не мог знать время моего прибытия – одно это должно было сразу включить сирену в моей башке. В тот самый момент, когда я увидела его, мне тут же надо было ринуться обратно в туннель и на первой попавшейся капсуле убратся подальше...

– Что чрезвычайно затруднило бы нам встречу с тобой и свело бы на нет все твое поручение так же неминуемо, как если бы ты просто потеряла свой «багаж». Детка, если бы все шло без сучка и задоринки, Джим обязательно встретил бы тебя по моему приказу – ты недооцениваешь мою сеть разведки, а заодно и ту тщательность, с которой мы прикрывали тебя. Но я не посылал Джима встречать тебя, потому что сам в это время уносил ноги – фигурально выражаясь, конечно. Был в бегах и, поверь мне, очень торопился. Полагаю, Джим получил сообщение о времени твоего прибытия от нашего человека или от противника, а скорее всего, от обоих.

– Босс, если бы я это знала, я скормила бы Джима его собственным лошадям. Черт! Он ведь мне очень нравился... Когда придет время, я хочу убрать его сама, слышите! Он мой!

– Фрайди, в нашей работе иметь зуб на кого-то – нежелательно. Просто непрофессионально.

– Со мной этого почти не бывает, но дядя Джим – особый случай. Есть, правда, еще один, с кем я тоже хочу разобраться сама, но мы поспорим об этом позже... Скажите, а правда, что дядя Джим был католическим священником?

Босс почти удивился.

– Где ты слышала эту чушь?

– Так... Ходили слухи.

– «Человеческое, слишком человеческое»⁴. Сплетни – это порок, детка. Я расскажу тебе. Пруфит был мошенником. Я повстречался с ним в тюрьме, где он оказал мне одну услугу. Значительную услугу, и поэтому я дал ему место в нашей организации. Это была моя ошибка. Непростительная ошибка, поскольку мошенник всегда останется мошенником – он просто не может иначе. Но мне так хотелось кому-то доверять – недостаток характера, который, как мне кажется, я в себе искоренил. И я совершил ошибку. Продолжай.

Я стала рассказывать ему, как меня схватили.

– Их было пятеро, по-моему. А может, всего четверо.

– Полагаю, шестеро. Приметы?..

– Не помню, Босс, мне было не до того. Разве что один из них – успела мельком увидеть, когда убивала. Рост – около ста семидесяти пяти, вес – семьдесят пять или семьдесят шесть. Возраст – около тридцати пяти. Блондин, чисто выбрит, славянские черты лица. Но он был единственный, кого я «сфотографировала». Потому что он не шевелился – я ему шею свернула.

– Ну надо же! Второй, которого ты убила, был блондин или брюнет?

– Бельзен? Брюнет.

– Нет, тот, что на ферме... Ну да ладно. Ты убила двоих и искалечила как минимум еще троих, пока они не навалились на тебя всем весом и не прижали к земле. Должен заметить, что твой инструктор знает свое дело. Отступали мы в спешке и не сумели проредить их настолько, чтобы они не справились с тобой, но... На мой взгляд, именно ты обеспечила нам успех, когда мы пришли тебя отбивать, – тем, что серьезно сократила их силы. Пусть ты и лежала прикованная к койке, без сознания, но в конечном счете именно ты одержала ту победу. Продолжай, пожалуйста.

– Вроде бы это все, Босс. Дальше – групповое изнасилование, потом обычный допрос, потом – под наркотиками, потом – под пытками.

---

⁴ «Человеческое, слишком человеческое» – книга Ф. Ницше.

– Я сожалею об изнасиловании, Фрайди. Ты получишь надбавку и увидишь, что я намного увеличил ее, потому что, насколько я могу судить, обстоятельства были крайне унижительны.

– Да нет, ничего особенного. Меня трудно назвать девственницей, и я могу припомнить несколько светских раутов «по согласию», которые были почти столь же неприятны. За исключением одного парня. Лица я не видела, но я узнаю его. Он мне нужен, Босс! Он нужен мне так же, как дядя Джим, и даже больше, потому что я хочу немножко наказать его, прежде чем позволю умереть.

– Я могу лишь повторить то, что уже говорил раньше. Личные пристрастия и злоба – для нас это ошибка. Они порой мешают остаться в живых.

– Ради этого парня я готова рискнуть, Босс. Я не собираюсь платить ему той же монетой – им приказали изнасиловать меня, потому что кто-то руководствовался дурацкой теорией, будто это размягчает жертву перед допросом. Но этот подонок должен был принять ванну, сходить к дантисту и почистить зубы, прежде чем... Кроме того, ему следовало объяснить, что невежливо бить женщину, с которой ты только что совокуплялся. Я не знаю его в лицо, но знаю голос, запах, телосложение и знаю кличку. Рокс или Рокки...

– Джереми Рокфорд.

– Да? Вы его знаете? Где он?

– Когда-то знал, а недавно видел достаточно близко, чтобы опознать. Мир его праху.

– Правда? А, черт! Я надеюсь, он умер нелегко.

– Он умер нелегко. Фрайди, я не рассказал тебе сразу всего, что сам знаю...

– Вы никогда этого не делаете.

– Потому что хотел сначала выслушать тебя. Им удалось захватить ферму, потому что Джим Пруфит вырубил всю энергию перед самым нападением. Из-за этого те из нас, кто носит личное оружие, с ним и остались, а остальные – большинство – с голыми руками. Я приказал отступить, и мы ретировались, или, если угодно, сбежали, через туннель, оборудованный после переустройства фермы. С горечью и с гордостью могу сказать, что трое из наших лучших людей остались с оружием прикрывать наш отход и с честью погибли. Я знаю, что они погибли, потому что сам не закрывал туннель до тех пор, пока не услышал, что в него ворвались нападавшие. Тогда я взорвал его... Потребовалось несколько часов, чтобы собрать достаточно людей, чтобы контратаковать, а еще больше – для того чтобы организовать нужное количество транспортных средств. Разумеется, мы могли бы атаковать пешком, но нам был нужен по крайней мере один гравилет в качестве кареты «скорой помощи» для тебя.

– Откуда вы знали, что я еще жива?

– Оттуда же, откуда я знал, что в туннель ворвались нападавшие, – следящая и записывающая аппаратура. Фрайди, все, что делала ты и что делали с тобой, все, что говорила ты и говорили тебе, просматривалось и записывалось. Я не мог просмотреть все лично – был занят подготовкой к контратаке, – но, как только нашлось время, отдельные части были прокручены для меня. Позволь добавить, что я горжусь тобой... Зная, какие камеры фиксировали те или иные помещения, мы точно установили, где тебя держат, в каком ты положении, сколько их всего в доме, в каких они помещениях и кто из них бодрствует. Благодаря ретрансляции я в командной машине полностью контролировал ситуацию в доме во время атаки. Мы ударили... То есть я хочу сказать – наши люди ударили, я на этих двух костылях не возглавлял атаку, а нажимал на кнопки и махал дирижерской палочкой. Наши люди проникли в дом, четверо забрали тебя – один из них был вооружен лишь кусачками, – и все покинули помещение. Операция заняла три минуты одиннадцать секунд. После этого мы подожгли дом.

– Босс, вашу прекрасную ферму?!

– Когда тонет корабль, некогда думать о гардинах в кают-компании. Мы все равно не смогли бы использовать ее в дальнейшем. Пожар уничтожил множество конфиденциальных

записей и кучу секретного и полусекретного оборудования. Что еще важнее, мы одним махом избавились от тех, кто выдал кое-какие из этих секретов. Перед тем как воспользоваться зажигательной смесью, наш отряд выстроился цепью перед зданием, и каждый, кто пытался выскочить, был застрелен на месте... Кстати, именно тогда я и имел удовольствие взглянуть на твоего приятеля, Джереми Рокфорда. Его ранили в ногу, когда он пытался выскочить из восточного крыла. Он дернулся было назад, потом передумал и снова попытался выбежать, но... Было уже поздно, огонь настиг его. Судя по звукам, которые он издавал, могу уверить тебя, что умирал он нелегко.

– Ох, Босс... Когда я говорила, что хочу наказать его, перед тем как убью, я вовсе не имела в виду, что сожгу его заживо.

– Если бы он не вел себя, как кобыла, рвущаяся в горящее стойло, он умер бы, как все остальные, легко и быстро – от лазерного луча. Умер бы мгновенно, потому что пленных мы не брали.

– Даже для допроса?

– Даже. Это, конечно, неверно, но таково было мое распоряжение. Моя дорогая Фрайди, тебя ведь с нами не было, и ты не знаешь, в каком все были настроении. Все слышали пленки, во всяком случае те, где были записи изнасилования и третьего допроса. Наши ребята и девчонки не стали бы брать пленных, прикажи я им хоть двести раз. Так что я даже и не пытался. И хочу, чтобы ты знала, что все твои коллеги *очень* высокого мнения о тебе – включая и тех, кто никогда тебя не видел, и тех, кого вряд ли увидишь когда-нибудь ты.

Босс потянулся за костылями и выпрямился.

– Я уже нахожусь здесь на семь минут дольше, чем мне позволил твой врач. Мы поговорим завтра. Сейчас отдыхай. Сестра сделает тебе укол, и ты заснешь. Спи и поправляйся.

На несколько минут я была предоставлена самой себе. Эти минуты я блаженно наслаждалась ощущением тепла и покоя. «Высокого мнения...» Когда у вас никого нет и по-настоящему быть никого не может, такие слова значат для вас *все*. Эти слова наполнили меня таким теплом... Мне даже стало совершенно наплевать на то, что я – не человек.

4

Когда-нибудь я все-таки переспорю Босса. Только не делайте большие глаза – потому что были дни, когда мне удавалось устоять перед его аргументами. Дни, когда он меня не навещал.

Началось все с различия наших точек зрения на то, сколько я должна еще торчать здесь – на лечении. Я была готова отправиться домой или вернуться к своим обязанностям через четыре дня. Нет, я не собиралась сразу возвращаться на поле боя и принимать участие в крутых операциях, но я могла взяться за какое-нибудь нетрудное задание или... отправиться в Новую Зеландию, что, конечно, было бы намного приятнее. Все мои раны зажили.

Их было не так уж и много: несколько ожогов, четыре сломанных ребра, простой перелом левой голени и малой берцовой кости, множественные переломы костей правой ноги и три сломанных пальца на левой, перелом в основании черепа (без осложнений), и еще (мерзко, но на трудоспособность не влияет) – кто-то отрезал мой правый сосок.

Это и еще ожоги и сломанные пальцы на ноге я хорошо помнила, а что касается всего остального, то, по-видимому, я уже была в отключке.

– Фрайди, ты прекрасно знаешь, что на регенерацию соска уйдет как минимум шесть недель, – сказал Босс.

– Да, но пластическая операция чисто для косметики займет всего неделю. Доктор Красни сам мне сказал.

– Девушка, если кто-то из нашей организации травмирован во время исполнения служебных обязанностей, ему предоставляются для полного выздоровления все средства, которыми располагает современная медицина. Помимо этого обычного правила, в твоем случае есть еще одна причина – настолько важная, что ее одной было бы достаточно. На всех нас лежит моральное обязательство сохранять и оберегать красоту в этом бренном мире – она не должна исчезнуть, и каждая утрата здесь может стать невозполнимой. У тебя исключительно красивое тело, и любая порча его вызывает горькое сожаление. Оно должно быть восстановлено.

– А я говорю, что косметической операции вполне достаточно. Я не ожидаю, что в этих кувшинах когда-то будет молоко. А уж тому, кто окажется со мной в постели, можете быть уверены, будет абсолютно все равно.

– Фрайди, возможно, ты убедила себя в том, что тебе никогда не понадобится никого кормить грудью. Но даже с эстетической точки зрения нормально функционирующая грудь очень отличается от пластиковой имитации. Конечно, твой гипотетический сексуальный партнер может и не знать, но... Ты будешь знать, и я буду знать тоже. Нет, моя дорогая. Ты вернешь себе прежнее совершенство.

– Мм-да? А когда ты собираешься восстановить свой глаз?

– Не груби, детка. В моем случае эстетический фактор не играет никакой роли.

Итак, я верну свои сиськи в прежнем, а может, даже и в лучшем виде. Следующий спор возник по поводу нового курса переподготовки, который был нужен мне, чтобы слегка ослабить мой рефлекс убийства. Когда я вновь заговорила об этом, Босс сморщился так, будто съел какую-то гадость.

– Фрайди, я не помню, чтобы ты когда-либо совершала убийство, которое обернулось бы ошибкой. Были случаи, о которых я не знаю?

– Нет-нет, – торопливо сказала я, – до того как я стала работать на вас, мне никого не приходилось убивать, и нет ничего такого, о чем бы я вам не докладывала.

– В таком случае все твои убийства были совершены как обычные акты самообороны.

– Все, кроме эпизода с этим Бельзеном. Это не было самообороной, он ведь и пальцем до меня не дотронулся.

– Бомонт. Во всяком случае, именно это имя он использовал чаще всего. Самооборона подчас означает: «Делай с другими то, что они могут сделать с тобой, но бей первым». Де Камп, по-моему. Или какой-то другой философ-пессимист двадцатого столетия. Я познакомлю тебя с досье Бомонта, чтобы ты сама могла убедиться в том, что он из тех, кому лучше быть мертвым.

– Не стоит утруждать себя; как только я заглянула в его бумажник, я поняла, что он преследует меня вовсе не для того, чтобы закадрить. Но я поняла это уже *после*.

Прежде чем ответить, Босс на несколько секунд задумался, что случилось крайне редко. Потом сказал:

– Фрайди, ты хотела бы сменить жанр и стать мясником?

У меня отвисла челюсть, и я широко раскрыла глаза – другого ответа у меня не нашлось.

– Не бойся, я не выставляю тебя на улицу, – заметил он сухо. – Ты должна понимать, что в этой организации есть свои убийцы. Я бы не хотел терять тебя в качестве курьера – ты лучшая из лучших. Но квалифицированные убийцы нам нужны постоянно, у них слишком высокий процент убыли. Однако между курьером и киллером есть очень существенная разница: курьер убивает только в случае самообороны, чаще всего рефлексивно и... я полагаю – всегда с некоторой вероятностью ошибки, ведь не все курьеры обладают твоей блестящей способностью мгновенного сопоставления всех факторов и принятия единственно верного решения.

– Вот как?!

– Ты не ослышалась. Фрайди, ты недооцениваешь себя, и это одна из твоих слабостей. Профессионал же убивает не рефлексивно, а в соответствии с разработанным планом. Если его план провалится и ему придется заниматься самообороной, он почти наверняка испортит нам статистику. Убивая, он всегда знает *зачем* и соглашается с необходимостью; в противном случае... я никогда не пошлю его на задание.

Спланированное убийство? Умышленное убийство как оно есть? Встать утром, скушать сытный завтрак, затем встретиться с жертвой и хладнокровно прирезать ее? Потом поужинать и крепко уснуть?

– Босс, не думаю, что это работа для меня.

– Я тоже не уверен, что у тебя подходящий темперамент для этого. Но на всякий случай не отвергай это сразу. Я не в восторге от твоей идеи ослабить твои защитные рефлексy. Более того, можешь быть совершенно уверена, что, если мы попытаемся сделать то, о чем ты просишь, я больше никогда не буду использовать тебя в качестве курьера. Никогда. Хочешь рисковать жизнью – твое дело, но... в свободное от работы время. Твои задания всегда были очень важны, и я не стану использовать в них курьера, чей профессиональный уровень намеренно занижен.

Босс не убедил меня, но вынудил засомневаться. Когда я еще раз сказала ему, что мне вовсе не улыбается стать мясником, он, кажется, даже не слышал... Буркнул лишь, что даст мне кое-что почитать.

Я ожидала, что это – что бы там он ни решил мне дать – появится на терминале в моей комнате. Однако вместо этого минут через двадцать после его ухода в комнате появился какой-то мальчик, ну, в смысле, парень был моложе меня, с книгой в руках (настоящей книгой, в переплете и с бумажными страницами). На обложке стоял серийный номер и штампы: «Не конспектировать», «По особому распоряжению», «Совершенно секретно. СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОЛУБОЙ ДОПУСК».

Я взглянула на книгу. Притронуться к ней было все равно что взять в руки змею.

– Это мне? По-моему, тут какая-то ошибка.

– Старик никогда не ошибается. Просто дай расписку.

Ему пришлось подождать, пока я прочла все, что там было написано мелким шрифтом, а потом сказала:

– Здесь написано: «Не выпускать из поля зрения». Я, вообще-то, сплю время от времени.

– Позвоните перед тем, как заснете, в архив, спросите служащего по секретной документации – это я, и я тут же приду. Но пока я не приду, постарайтесь не засыпать. *Очень* постарайтесь.

– Хорошо. – Я расписалась, подняла на него глаза и увидела, что он с интересом меня рассматривает.

– На что, интересно, ты уставился?

– Мм... Мисс Фрайди, вы очень красивая.

Никогда не знала, что на это надо отвечать, потому что это неправда. Фигура у меня действительно классная, но... Я ведь была одета.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Так ведь... Все знают, кто вы. Ну, понимаете. Две недели назад. На ферме. Вы там были.

– Ах да. Я была там. Но честно говоря, плохо помню.

– Зато я *помню!* – Глаза у него сияли. – Единственный раз, когда я участвовал в настоящей силовой операции! Это было так здорово!

Ну и что бы вы сделали на моем месте?

Я взяла его за руку, притянула к себе поближе, обеими руками взяла его за щеки и осторожно поцеловала – что-то среднее между теплым сестринским поцелуем и «а ну, давай-ка займемся этим». Может быть, мне следовало вложить в поцелуй побольше страсти, но он был на дежурстве, а я все еще на больничном режиме, так что... Давать обещания, которые не можешь выполнить, – нечестно, особенно юнцам с такими сияющими глазами.

– Спасибо, что вытащил меня оттуда, – сказала я ровным голосом и отпустила его щеки.

Парнишка зарделся и потупился, но все равно выглядел очень довольным.

Я так зачиталась этой книгой, что ночная медсестра принялась ворчать. Впрочем, медсестрам иногда просто необходимо на что-нибудь поворчать – это часть их работы. Не стану приводить здесь отрывки из секретного документа, но... Вы только послушайте заголовки:

«Раздел первый: Единственное смертоносное оружие».

И дальше:

«Ликвидация как высочайшее искусство.

Ликвидация как политический инструмент.

Ликвидация ради прибыли.

Убийцы, изменившие ход истории.

Общество креативной эвтаназии.

Каноны гильдии профессиональных убийц.

Убийцы-любители: нужно ли их уничтожать?

Настоящие профессионалы – несколько исторических примеров.

„Крайние меры“ – „Мокрые дела“ – Необходимы ли эвфемизмы?

Рабочие стенограммы семинаров: Техника и инструментарий».

Вот это да! Не было смысла читать все это. Но я прочла всю книгу от корки до корки. В ней было какое-то жуткое очарование. Мерзкая вещь.

Я решила для себя, что никогда в жизни я не сменю профессию и не стану больше поднимать вопрос о своей переподготовке. Если Босс захочет вернуться к этой теме, это его дело. Я включила терминал, связалась с архивом и сообщила, что мне нужен служащий по секретной документации, чтобы забрать у меня документ под номером таким-то, и пусть не забудет мою расписку. «Будет сделано, мисс Фрайди», – ответил женский голос.

Вот она, известность...

И я с тревогой ждала появления этого мальчишки. Стыдно признаться, но эта отравленная книга произвела на меня совсем неподобающий эффект. Было уже за полночь, почти утро, вокруг стояла мертвая тишина и... Если бы этот обаяшка ко мне притронулся, я тут же забыла

бы, что технически я пока еще инвалид. Мне сейчас не помешал бы пояс верности со здоровенным замком.

Но это был не он. У милого мальчика закончилось дежурство. Вместо него мою расписку принесла пожилая женщина, отвечавшая мне по терминалу. Я ощутила облегчение и разочарование одновременно, и досаду – оттого что была разочарована. Неужели у всех выздоравливающих наступает такая легкомысленная озабоченность? Интересно, как в больницах обстоят дела с дисциплиной? Честно говоря, мне редко приходилось болеть и тут я была не в курсе.

Служащая взяла у меня книгу, вернула мне мою расписку, а потом, к моему крайнему удивлению, спросила:

– А мне поцелуй не положен?

– О-о... Вы тоже там были?

– Там были все, дорогая, кто мог двигаться. Нам очень не хватало людей. Я, конечно, не лучший боец на свете, но у меня, как и у всех, есть базовая подготовка. Да, я была там. И не жалею об этом.

– Спасибо, что вытащили меня, – сказала я и поцеловала ее. Я пыталась сделать это чисто символически, но она перехватила инициативу и сама решила, каким будет этот поцелуй. Он был крепким и жадным. Яснее, чем любыми словами, она дала мне понять, что, если я когда-нибудь захочу поработать на другой стороне улицы, она будет ждать.

Ну, что бы вы сделали на моем месте? Похоже, бывают такие ситуации, для которых не существует строго утвержденного регламента. Только что я узнала, что она рисковала своей жизнью ради спасения моей... В этом нет сомнений, поскольку рейд был наверняка не так прост, как он выглядел в изложении Босса. Его обычная манера выражаться такова, что полное уничтожение, скажем, Сиэтла он охарактеризовал бы как «сейсмические возмущения». Поблагодарив ее за спасение своей жизни, могла ли я сейчас оттолкнуть ее?

Нет. И, целуя ее в ответ, я своей половиной этого поцелуя ответила на ее безмолвное послание... Правда, тайком скрестив пальцы за спиной, в надежде, что мне никогда не придется соблюдать свое безмолвное обещание.

Наконец она прервала поцелуй, но не отодвинулась от меня.

– Милая, – сказала она, – хочешь я тебе скажу кое-что? Помнишь, как ты отбила этого подонка, которого они называли Майором?

– Помню.

– Этот кусочек пленки переписан и ходит сейчас у нас по рукам. От того, что ты ему ответила и *как* ответила, все наши в восторге. Особенно я.

– Это интересно. Скажи, а не ты ли сама ухитрилась переписать этот кусочек?

– Ну что ты! Как ты могла подумать? – Она усмехнулась. – А ты против?

Я раздумывала не больше четверти секунды.

– Нет. Если тем, кто меня спас, нравится слушать, что я сказала этому ублюдку, я не против, пусть слушают. Но обычно я такие вещи не говорю.

– Никто так не думает, милая. – Она быстро чмокнула меня в щеку. – Но когда потребовалось, у тебя это здорово получилось, и каждая женщина здесь гордится тобой. Мужики тоже.

Она, похоже, вообще не собиралась уходить, но пришла ночная медсестра, строго приказала мне лечь в кровать и приготовилась поставить мне укол снотворного. Я запротестовала, но так – приличия ради.

– Привет, Голди, – сказала служащая. – А тебе спокойной ночи, милая. – И она ушла.

Голди (это имя ей не шло – она была крашеная блондинка) спросила меня:

– Предпочитаете в руку? Или в ногу? Не обращайтесь на Анну, она вполне безвредна.

– Нет, с ней все в порядке. – Мне пришло в голову, что Голди могла все слышать и видеть на своем мониторе. Могла? Да наверняка она так и делала! – А ты была там? На ферме? Когда горел дом?

– Нет, когда он загорелся, меня там уже не было. Я была в гравилете, который увозил вас сюда, и мы мчались как могли. На вас было больно смотреть, мисс Фрайди.

– Не сомневаюсь. Спасибо тебе. Голди, а ты поцелуешь меня на ночь?

Ее поцелуй был теплым и совершенно нетребовательным. Позже мне стало известно, что она была в той четверке, которая ворвалась в дом, чтобы вызволить меня: один нес кусачки, двое были с оружием и стреляли, а Голди в одиночку волокла мои носилки. Но сама она об этом никогда не упоминала – ни тогда, ни позже.

О времени, проведенном в больничной палате, я всегда вспоминаю как о первом случае в своей жизни, не считая отпусков в Крайстчерче, когда я ощущала простую, тихую радость. Каждый день. Каждую ночь. Почему? Да просто потому, что я была *не одна*.

Все, конечно же, догадываются, что в организацию меня приняли много лет назад. У меня давно уже нет удостоверения с большой пометкой «ИС» (равно как и с пометкой «ИЧ»). А когда я захожу в туалет, мне никто не говорит, чтобы я шла в последнюю кабинку. Но фальшивое удостоверение и поддельная родословная несколько не согревают душу, они лишь помогают избежать неприятных проблем и дискриминации. Потому что ты прекрасно понимаешь, что на свете нет такой нации, что сочтет тебя и тебе подобных достойными гражданства, зато есть множество мест, откуда тебя депортируют или где тебя даже убьют или продадут в рабство, стоит твоей легенде рухнуть.

Искусственный человек страдает от того, что у него нет родословной, гораздо сильнее, чем вам может показаться. «Где вы родились?» Что ж, строго говоря, я вообще не рождалась: я была создана в лаборатории генной инженерии при Трех университетах в Детройте. «Ах вот как?» Мою схему разработали в Мендельской ассоциации, в Цюрихе. Замечательно поболтали! Только вы никогда и нигде такого не услышите – ведь это плоховато выглядит на фоне слов о предках, приплывших на «Мэйфлауэре»⁵ или занесенных в Книгу Судного дня⁶. В моей метрике (в одной из них) сказано, что я «родилась» в Сиэтле – разрушенном городе, из которого вышло чудное местечко для пропавших метрик. А еще отличное место, чтобы потерять и всех ближайших родственников, вдобавок.

Поскольку я никогда не была в Сиэтле, я очень тщательно изучила все записи и фото, которые только могла достать. Я думаю, истинный уроженец Сиэтла не смог бы подловить меня на какой-нибудь неточности. Во всяком случае, я надеюсь на это.

Но то, как ко мне относились здесь, пока я отходила от этого дурацкого изнасилования и не очень забавного допроса, было вовсе не фальшивкой, и я совсем не беспокоилась о том, чтобы соблюдать осторожность. Не только Голди, Анна, мальчишка (его звали Теренс), но и две с лишним дюжины человек побывали здесь, пока доктор Красни меня не выгнал. Это были те, с кем я контактировала. Но в том рейде участвовало гораздо больше народу. Сколько? Не знаю. Одно из основных правил Босса – не допускать контактов между членами организации, если этого не требуют их обязанности. По той же причине он упорно избегал ответов на вопросы – вы ведь не можете выдать секреты, которых просто не знаете, как не можете и выдать человека, о существовании которого не имеете представления.

Но Босс не придумывал правила ради правил. Встретившись однажды с коллегой по делам службы, вы можете продолжать встречаться с ним и просто так. Босс не поощрял неформальные отношения, но он не был дураком и не пытался их запрещать. Поэтому Анна частенько навешала меня поздними вечерами, перед тем как заступить на свое дежурство.

---

⁵ «Мэйфлауэр» – судно, на котором в Америку приплыли в 1620 г. первые сто два переселенца.

⁶ Книга Судного дня – книга с данными первой переписи населения Англии, проведенной в 1086 г.

Она ни разу не пыталась получить награду, на которую намекнула первым поцелуем. Правда, и возможностей для этого было немного, но мы могли бы их найти, если бы попытались. Я не пыталась ее отшить – ни в коем случае! Если бы она хоть раз еще намекнула, что не прочь получить по счету, я не только расплатилась бы с удовольствием, но и постаралась бы изо всех сил убедить ее, что это моя инициатива. Но она ни разу больше не выказала таких намерений.

Я думаю, она была сродни тем чутким и очень редко встречающимся мужчинам, которые никогда не станут лапать женщину, если она того не хочет, – они это чувствуют и первыми не начинают.

Однажды вечером, незадолго до выписки, у меня было особенно хорошее настроение – этим днем я завела себе двух новых друзей (отмеченных поцелуями), тоже принимавших участие в рейде и моем спасении. Мне захотелось объяснить Анне, почему это так много для меня значит, и я внезапно поймала себя на том, что рассказываю ей, что я не совсем то, чем кажусь. Она прервала меня:

– Фрайди, родная, послушай-ка секунду свою старшую сестричку.

– А? Я что, все испортила?

– Возможно, ты чуть этого не сделала. Помнишь, той ночью, когда мы познакомились, ты возвращала мне секретный документ? Так вот, я получила свой допуск к «сов. секретно» лично от мистера Два Костыля много лет назад. Книгу, которую ты вернула, я могу взять в любой момент. Но я никогда ее не раскрывала и никогда не раскрою. На ее обложке написано: «По особому распоряжению», а мне никто не давал распоряжения ее прочитать. Ты прочла ее, а я даже не знаю названия, не говоря уже о содержании, – мне известен только ее номер... Точно так же дело обстоит и с личными вопросами. Когда-то был такой элитный военный отряд, Иностраннный легион, славившийся тем, что у каждого легионера не было прошлого – до того дня, когда он записался в этот легион. Мистер Два Костыля хочет, чтобы мы были именно такими. К примеру, если бы нам потребовалось искусственное существо или, скажем, ИЧ – искусственный человек, – наш кадровый служащий знал бы об этом. Я это знаю, поскольку раньше была кадровым служащим. Надо было бы обзавестись поддельным личным делом; возможно, потребовалась бы пластическая операция, в некоторых случаях – ликвидация лабораторных маркировок, а затем регенерация тех мест, где они ставились... Словом, когда все это было бы сделано, ему уже никогда не надо было бы волноваться и переживать, что его могут похлопать где-нибудь по плечу и вытолкать из очереди. Он мог бы даже жениться и завести детей, не беспокоясь о том, что когда-нибудь это может вызвать у них проблемы. Не стоит ему беспокоиться и относительно меня, поскольку я обучена *забывать*. Так вот, дорогая, я не знаю, что у тебя сейчас на уме. Но если это то, что ты обычно никому не рассказываешь, не рассказывай и *мне*, а то на следующее утро ты можешь возненавидеть себя.

– Нет! Так не случится. Я...

– Ну хорошо. Если через неделю ты захочешь выложить мне это, я тебя выслушаю. Идет?

Анна была права: через неделю у меня уже не было потребности исповедоваться. На девяносто девять процентов я уверена, что она в курсе и... В любом случае это здорово, когда кто-то любит тебя за то, что ты такая, какая ты есть. Когда кто-то не считает ИЧ нелюдями и монстрами.

Понятия не имею, знали ли об этом или хотя бы догадывались другие мои новые друзья. Босс, конечно, не в счет, он-то знает, но он – не друг. Он – Босс. Но это не имело никакого значения, потому что я поняла: если знали, им это безразлично, и если узнают, им будет наплевать. Единственное, на что им *не* наплевать, – это член ли ты команды Босса. И все.

Как-то вечером ко мне зашел Босс, постукивая костылями и недовольно фыркая себе под нос. За его спиной маячила Голди. Он грузно уселся в кресло для посетителей и небрежно бросил Голди:

– Спасибо, сестра, вы мне не нужны, – потом повернулся ко мне и сказал: – Разденься.

В устах любого другого мужчины это прозвучало бы либо оскорбительно, либо заманчиво – смотря по обстоятельствам. В случае с Боссом это означало лишь, что он просто хочет, чтобы я сняла с себя одежду. Голди, по-видимому, поняла это, поскольку, услышав приказание Босса, она просто кивнула и вышла, а Голди из тех медсестер, что дадут прикурить самому Джеку-потрошителю, вздумай он покуситься на кого-то из ее пациентов.

Я быстро стащила с себя одежду и молча застыла в ожидании. Он оглядел меня сверху донизу и буркнул:

– Они стали совершенно одинаковыми.

– Мне тоже так кажется.

– Доктор Красни сказал, что провел тест на функциональность. Результат положительный.

– Да, он сделал какой-то трюк с моим гормональным балансом, и из них чуть-чуть закапало. Забавное ощущение... Потом он восстановил баланс, и я иссякла.

Босс хмыкнул.

– Повернись. Так... Покажи правую ступню. Теперь левую. Достаточно. Следы от ожогов исчезли.

– Те, что видны мне, да. Доктор сказал, что и остальные тоже. Зуд прекратился, так что, наверное, он не соврал.

– Одевайся. Доктор Красни говорит, что с тобой все нормально.

– Если бы я была нормальнее, чем сейчас, вам пришлось бы выпустить мне немного крови.

– Нормально – это предел. Нельзя быть более нормальным или менее. Да – да, нет – нет.

– Ладно. Я нормальной.

– Пустая болтовня. Завтра с утра ты отправляешься на реабилитационный тренировочный курс. Собери вещи и будь готова в девять ноль-ноль.

– На мне даже улыбки не было, когда меня сюда притащили, так что на сборы у меня уйдет одиннадцать секунд. Но мне нужно новое удостоверение личности, новый паспорт, новая кредитная карточка и немного наличности, потому что...

– Все это ты получишь к девяти ноль-ноль.

– ...потому что я не собираюсь отправляться на тренировки, а еду в Новую Зеландию. Босс, сколько раз мне надо вам повторять: мне уже поздно переучиваться, менять профессию, а кроме того, мне кажется, я заслужила отдых в качестве компенсации за время, проведенное на больничной койке. А вы... Вы же не рабовладелец, в конце концов.

– Фрайди, сколько лет тебе понадобится, чтобы усвоить: когда я не потакаю какому-нибудь твоему капризу, я делаю это прежде всего для твоего блага и для пользы нашей организации?

– Хорошо, Большой Белый Вождь, я смиряюсь, готова к разжалованию и пошлю вам цветную открытку из Веллингтона.

– Только с какой-нибудь хорошенькой маори, пожалуйста. Гейзер я уже видел. Реабилитационный курс будет проведен согласно твоим собственным потребностям, и ты сама решишь, когда закончить его. Хотя ты у нас теперь и «нормальной», тебе нужна физподготовка, чтобы вернуть мышечный тонус, дыхание и превосходные рефлексы, которые даны тебе от рождения.

– Рождения? Хватит шуток, Босс, у вас это плохо получается. «Мать моя – пробирка, а скальпель – мой отец».

– С твоей стороны это глупость и ребячество – придавать значение этой дурацкой помехе, с которой было покончено много лет назад.

– Вот как? Закон гласит, что я никогда не смогу быть гражданкой. Церковь утверждает, что у меня нет души. Я... Я – не «человек, рожденный женщиной», – по крайней мере, перед лицом закона.

– «Закон – осел»⁷. Все записи относительно твоего происхождения давно изъяты из лабораторной картотеки, а вместо них подложены фальшивые, содержащие сведения об ИЧ *мужского* рода.

– Вы... Вы никогда мне об этом не говорили!

– До тех пор пока ты не обнаружила в себе этот невротический комплекс, я не считал это необходимым. Подмена такого рода должна быть безупречна, и она была безупречна. Если завтра ты попытаешься объявить о своем истинном происхождении, ты нигде не сумеешь найти тому доказательств. Говорить, конечно, ты можешь, что хочешь и кому хочешь, но это не имеет никакого значения. И... Дорогая моя, откуда вдруг такие комплексы? Ты не просто такой же человек, как сама праматерь Ева, ты улучшенный человек, настолько близкий к идеалу, насколько это удалось твоим дизайнерам. Как ты думаешь, почему я бросил все свои дела, чтобы заполучить тебя, когда у тебя не было ни опыта, ни умения, ни даже проблеска интереса к твоей нынешней профессии? Почему потратил небольшое состояние на твое образование и подготовку? Потому что я *знал*. Я несколько лет ждал, чтобы убедиться, что ты действительно развиваешься так, как спланировали твои создатели, а потом я... Чуть было не потерял тебя, когда ты неожиданно вильнула хвостом и исчезла... – Он изобразил на своем лице гримасу, которая, по-видимому, должна была означать улыбку. – Ты доставила мне немало хлопот, девочка. Теперь о твоей тренировке. Реабилитационном курсе. Желает послушать?

– Да, сэр. – (Я не пыталась рассказать ему о приюте при лаборатории, люди думают, что все приюты похожи на те, что они видели. Я не рассказывала ему о том, что до десяти лет мне все приходилось есть только пластиковой ложкой, потому что не хотела рассказывать о том, как впервые попробовала есть вилок и проткнула ею губу и истекала кровью, а все надо мной смеялись. Это только один эпизод, а там их был миллион, и в этих мелочах заключалась разница между тем, как воспитывают человеческое дитя, и тем, как выращивают животное.)

– Ты пройдешь повторный курс для схваток без применения оружия, но заниматься будешь только со своим инструктором, так что никаких следов на тебе, когда ты отправишься навещать свою семью в Крайстчерче, не будет. Кроме того, ты пройдешь дополнительный курс обращения с личным оружием, включая некоторые его виды, о которых ты, возможно, никогда не слыхала. Если ты сменишь ампулу, это тебе понадобится.

– Босс, я *не собираюсь* становиться убийцей.

– В любом случае тебе это понадобится. Иногда курьер может носить оружие, и тогда он должен быть готов на все. Фрайди, не стоит презирать убийц лишь за то, что они убийцы. Хорош или плох не сам инструмент, а то, для чего его используют. Закат и падение бывших Соединенных Штатов Северной Америки произошли отчасти благодаря серии убийств. Но только отчасти, поскольку убийства были бессистемны и нецеленаправленны. Что ты можешь сказать мне о прусско-русской войне?

– Не слишком много. Главным образом то, что шкуры пруссаков в итоге украсили русские стены, хотя все ставки в игре были на их победу.

– А что, если я скажу тебе, что эту войну выиграли двенадцать человек – семеро мужчин и пять женщин – и что самым тяжелым оружием, которым при этом пользовались, был пистолет шестимиллиметрового калибра?

– Что ж, вы никогда не лгали мне. Каким же образом?

---

⁷ «Закон – осел» – цитата из книги Ч. Диккенса «Оливер Твист».

– Фрайди, интеллект – это самый дефицитный товар и единственная реальная ценность в мире. Любая организация, любая структура может оказаться бесполезной, беспомощной и представлять опасность для себя самой, если выборочно удалить из нее лучшие умы и при этом оставить всех тупых на местах. Потребовалось лишь несколько тщательно спланированных «несчастных случаев», чтобы уничтожить великую прусскую военную машину и превратить ее в бессмысленную толпу людей. Но это никак не проявлялось до начала боевых действий, потому что, пока бой не начался, тупые болваны выглядят так же хорошо, как гении стратегии и тактики.

– Дюжина людей?! Босс! Это *мы* сделали?

– Ты же знаешь, что я не люблю отвечать на подобные вопросы. Нет, не мы. Это была работа по контракту одной организации, такой же небольшой и специализированной, как наша. Но я не люблю втягивать своих людей в войны между нациями – там всегда трудно понять, на чьей стороне ангелы, а на чьей – черти.

– Но я по-прежнему не хочу быть убийцей.

– А я и не позволю тебе становиться убийцей, так что давай на этом закроем тему. Будь готова к выписке завтра в девять.

5

Через девять недель я летела в Новую Зеландию.

Что касается Босса, то должна признать: этот надменный тиран всегда знает, что говорит. Когда доктор Красни отпустил меня, я, конечно же, не была «нормальнейшей». Я была обыкновенным выздоровевшим пациентом, не нуждающимся более в больничном уходе, – и только.

Через девять недель я могла бы заполучить все призы на старинных олимпийских играх, ничуть при этом не вспотев. Когда я взошла на борт ПБ-лайнера «Абель Тасман» в виннипегском аэропорту, пилот сразу положил на меня глаз. Я знала, что неплохо выгляжу, и, идя к своему месту, слегка покачала бедрами, чего никогда не позволяю себе на задании, – работая курьером, я всегда стараюсь держаться в тени. Однако сейчас я была в отпуске и могла слегка покрасоваться. Забавное ощущение. Кажется, я еще не забыла, как это делается, ибо пилот, не успев я пристегнуть ремень, оказался за моей спиной. А может, все дело было в новеньком комбинезоне от «Суперскин» – новинка этого сезона и первый в моей жизни (купила в беспешинной зоне аэропорта и тут же влезла в него). Я не сомневаюсь, что пройдет совсем немного времени и все секты, считающие секс хоть капельку порочным, объявят ношение костюмов от «Суперскин» смертным грехом.

– Мисс Болдуин, не так ли? – спросил он. – Вас кто-нибудь встречает в Окленде? Военное положение и вся эта чушь, знаете... Словом, одинокой женщине не стоило бы появляться сейчас в международном аэропорту.

Я не стала говорить ему: «Слушай, детка, последний раз, когда я была в этом аэропорту, я пришила одного парня». Ростом капитан был примерно метр девяносто пять, весил килограммов сто или чуть больше, и при этом ни капли жира. На вид – лет тридцати, из тех блондинов, которых чаще можно увидеть на «САС»⁸, чем на «АНЗАК»⁹. Что ж, если он желает сыграть роль ангела-хранителя, я не возражаю.

– Меня никто не встречает, – ответила я, – я просто должна пересест на шаттл, летящий на Южный остров... Никак не могу справиться с этой застеежкой. Кстати, эти полоски означают, что вы капитан?

– Давайте я помогу вам. Капитан?.. А-а, да, капитан Жан Тормей. – И он наклонился, чтобы застегнуть мой ремень. Я не без удовольствия позволила ему помочь мне.

– Капитан! Ух ты!. Никогда не встречала капитана.

Эта ремарка с моей стороны не означала никакого призыва, поскольку все разыгрывалось по древнейшему ритуалу времен деревенских танцулек. Он сказал: «Я на охоте, и вы мне нравитесь. Интересуетесь?» А я ответила: «Вы тоже ничего, но, к сожалению, я сегодня занята». На этом этапе он мог или ретироваться без всяких обид, или поинтересоваться насчет другого раза в недалеком будущем. Он выбрал второй вариант.

Застегнув на мне ремень, достаточно туго, но не слишком, и не воспользовавшись случаем слегка меня полапать – настоящий профессионал! – он сказал:

– Времени на пересадку сегодня у вас будет немного. Если вы немного задержитесь, когда мы прибудем на место, и выйдете последней, я буду рад лично проводить вас к вашему «Киви». Это будет быстрее, чем самой продираться сквозь толпу.

– О, благодарю вас, капитан! Если это, конечно, вас не слишком затруднит... – («Капитан, времени на пересадку по сегодняшнему расписанию у меня двадцать семь минут, значит... У вас есть двадцать минут на то, чтобы уболтать меня поделиться номером. Но вы продолжайте, продолжайте, и, возможно, я дам вам шанс».)

---

⁸ «САС» – «Скандинавские авиалинии».

⁹ «АНЗАК» – Австралийско-Новозеландская авиакомпания.

– «АНЗАК» к вашим услугам, мисс Болдуин! Это доставит мне лишь удовольствие.

Люблю летать на полубаллистических лайнерах – резкий взлет, когда чувствуешь, что обшивка кресла вот-вот лопнет и наполнитель расплещется по всему салону, перехватывающее дыхание свободное падение, когда кажется, что твои кишки вываливаются наружу, а затем вход в атмосферу и долгое, долгое скольжение, с которым не сравнится никакой полет. Ну где еще получишь столько веселья, при этом не раздеваясь?

А потом всегда подкрадывается один очень интересный вопрос: свободна ли посадочная полоса? Полубаллистик не делает два захода на посадку – просто не может. Ну да, да, здесь, в этой самой брошюре, черным по белому написано, что ПБ никогда не взлетает, не получив предварительно из порта приземления сообщения о том, что посадочная площадка для него свободна. Конечно, конечно, а я верю в Зубную фею, как верили в нее родители Босса. Ну а как насчет какого-нибудь разъяры на частном гравилете, который возьмет да и сядет на чужую полосу? Как насчет того вечера в Сингапуре, когда я сидела в баре «Верхняя палуба» и своими глазами видела, как за девять минут приземлились *три* ПБ? Ну да, признаю, не на одну и ту же полосу, но на *пересекающиеся*! Настоящая русская рулетка.

Я буду летать на них и впредь: во-первых, мне это нравится, а во-вторых, этого порой требует моя профессия. Но... От взлета до посадки я сижу, едва дыша.

Нынешний полет доставил мне обычную дозу острых ощущений, полубалластика всегда заканчивается раньше, чем успевает наскучить. Я задержалась при выходе ровно настолько, чтобы, подойдя к дверцам, увидеть моего Вежливого Волка, застывшего в ожидании возле двери в рубку. Стюард подал мне мою сумку, и капитан Тормей тут же перехватил ее, несмотря на мои неискренние протесты.

Он повел меня к посадке на шаттлы, проверил мои билеты, отыскал мое место, прошел вместе со мной за табло, на котором было написано: «Только для пассажиров», и, усевшись подле меня, сказал:

– Плохо, что вы так быстро улетаете... Я хочу сказать, для меня плохо. По правилам я должен болтаться тут три дня и... Так получилось, что в этот раз некому составить мне компанию. Раньше здесь жила моя сестра со своим мужем, но теперь они перебрались в Сидней, и мне просто не с кем общаться.

– О, какая жалость! Я представляю, каково вам сейчас. Моя семья живет в Крайстчерче, и я всегда чувствую себя ужасно одиноко, когда мне приходится быть вдали от них. От моей большой, шумной и веселой семьи – я ведь замужем, в с-браке, я всегда вываливаю все сразу. – («Так я и поверила! Прямо представила себе картинку – как вы, капитан, проводите все свое свободное время с сестрой и с зятем».)

– Ух, как здорово! И сколько же у вас мужей?

– Капитан, это первый вопрос, который задают все мужчины. И происходит это из-за непонимания самой природы с-брака. Оттого что «с» принимают за «секс».

– А разве это не так?

– Господи, да конечно же нет! «С» означает «спокойствие», «стабильность», разумеется «союз», в каком-то смысле «святыню» и многое-многое другое: тепло, уют, радость... Ну разумеется, «с» может означать и «секс» тоже, но ведь секс доступен кому угодно и где угодно. И совершенно не нужно создавать нечто столь сложное, как с-брак, только лишь ради секса. – («С» означает «синтетическая семья» – именно под такой формулировкой был впервые легализован с-брак в Калифорнийской Конфедерации – первой стране, признавшей его. Десять против одного, что капитан Тормей прекрасно об этом знал, – просто мы продолжали разыгрывать с ним различные вариации большого флирта.)

– Ну, я бы не сказал, что секс доступен где угодно...

(На этот ход я даже отвечать не стала. «Это с вашим-то ростом, капитан, с вашими плечами и чистеньким свеженьким личиком, с кучей свободного времени для „охоты“, и не где-

нибудь, а в Виннипеге и Окленде – двух местах, где ни один „выстрел“ не пропадает даром... Ну нет, сэр! Попробуйте иначе».)

– ...но я согласен с вами, что это недостаточная причина для брака. Вряд ли я когда-нибудь женюсь, потому что... Знаете, я – как дикий гусь: люблю летать, куда мне хочется. Но с-брак кажется отличной штукой, к которой всегда приятно возвращаться.

– Так оно и есть.

– У вас большая семья?

– Вас по-прежнему интересует, сколько у меня мужей? Трое, сэр, и три «сестры» по браку... Думаю, вам понравились бы все три, особенно Лиспет – самая молоденькая и симпатичная. Лиз такая рыженькая шотландка, просто прелесть, и очень кокетливая. Дети? Ну конечно. Каждый вечер мы пытаемся сосчитать их, но они слишком шустрые. А еще есть котята и утки, щенки и огромный запущенный сад с розами, цветущими почти круглый год. Словом, это веселое, шумное место, где всегда нужно осторожно смотреть под ноги, чтобы не наступить на кого-нибудь.

– Звучит здорово. А не нужен ли вашей группе еще один муж, который нечасто может бывать дома, но согласен нести все необходимые расходы в семье? Сколько стоит войти в долю?

– Я поговорю об этом с Анитой, но... Не думаю, чтобы вы говорили всерьез.

Мы продолжали болтать, не придавая никакого значения словам, а просто играя в обычную игру. Вскоре мы признали ничью, но предусмотрели возможность матч-реванша, обменявшись номерами. Я дала домашний номер моей семьи в Крайстчерче, а он предложил при случае воспользоваться его квартирой в Окленде. Он сказал, что оставил за собой квартиру сестры после ее переезда, но пользуется ею в месяц дней шесть, не больше. «Так что, если окажетесь в городе и вам негде будет принять ванну, вздремнуть или переночевать, – только позвоните».

– Но что, если в это время место будет занято кем-нибудь из ваших друзей или вы сами будете здесь, Жан? – (Он попросил меня перестать называть его капитаном.)

– Вряд ли. Но если так случится, компьютер даст вам знать. Если же я буду в это время в городе или вскоре должен буду оказаться здесь, он также сообщит вам об этом, и... Мне бы очень не хотелось разминуться с вами.

Прямое предложение, но сделано самым вежливым образом, так что... Я дала ему код Крайстчерча, чем намекнула, что он может всегда сделать попытку стянуть с меня трусики, *если* у него хватит духа познакомиться с моими мужьями, с моими сестрами по браку и шумной гурьбой детишек. Я не думала, что он позвонит. Рослым красивым холостякам с хорошо оплачиваемой и престижной работой нет нужды участвовать в скачках с таким множеством препятствий.

В это время громкоговоритель, бормотавший о прибытиях и отлетах, неожиданно смолк, а потом оттуда раздалось: «Мы с глубокой скорбью прерываемся, чтобы сообщить вам о том, что только что полностью уничтожен город Акапулько. Сообщение получено благодаря любезности „Межпланетных перевозок“ – компании с тремя „С“: „Скорость. Сохранность. Спокойствие“».

У меня перехватило дыхание. Капитан Жан сказал:

– Чертовы идиоты!

– Какие идиоты?

– Да все это Мексиканское революционное королевство. Когда же территориальные государства наконец поймут, что они не могут воевать с государствами-корпорациями! Поэтому я и говорю, что они идиоты. *И какие!*

– Но почему, капитан?.. То есть, простите, Жан?

– Да это же очевидно! Любое территориальное государство, даже если это Эль-четыре или астероид, – это же неподвижная мишень. И сражаться с транснациональной корпорацией –

все равно что резать ножом туман. Где мишень? Хотите воевать с Ай-би-эм? Но где находится Ай-би-эм? Официальный адрес ее главного офиса – номер почтового ящика в свободном штате Делавер. Но это не мишень – офисы, люди и заводы Ай-би-эм разбросаны по четырем сотням территориальных государств на Земле, и еще большее количество – в космосе. Вы не можете ударить по какой-то части Ай-би-эм, не задев так или иначе посторонних людей. Но может ли Ай-би-эм победить, скажем, Великую Россию?

– Понятия не имею, – призналась я. – Пруссак не сумели.

– Это будет зависеть лишь от того, увидит ли Ай-би-эм в этом для себя выгоду или нет. Насколько я знаю, у Ай-би-эм нет никаких войск. Вполне возможно, что нет даже агентов-диверсантов. Возможно, им придется покупать бомбы и ракеты. Но они могут тянуть время и выбрать любой удобный для них момент, потому что Россия никуда не денется. Не *может* никуда деться и всегда будет на одном месте – огромная неподвижная мишень. Так будет и через неделю, и через год. И вот «Межпланетные перевозки» наглядно показали, чем это кончится, – война бессмысленна. Она уже закончена. В Мехико были уверены, что «Межпланетные», опасаясь общественного осуждения, не посмеют уничтожить мексиканский город. Но эти политики старого покрова забыли, что государствам-корпорациям, в отличие от территориальных, совершенно не нужно считаться с общественным мнением. Я же говорю: война закончена.

– Я надеюсь! Акапулько – такой красивый город... *Был* красивый!

– Да, и сейчас был бы таким, если бы Революционный Совет Монтесумы не витал где-то далеко в прошлом – веке в двадцатом. Теперь же все будут стараться сохранить лицо. «Межпланетные» извинятся, заплатят компенсацию, а потом, без лишнего шума, Монтесума уступит землю и экстерриториальность под новый космопорт, который будет принадлежать новой корпорации с мексиканским названием и главной конторой в Мексике, но... Публике никто не потрудится сообщить, что новая корпорация на шестьдесят процентов будет принадлежать «Межпланетным», а на остальные сорок – тем самым политикам, которые упирались слишком долго и довели дело до того, что Акапулько был уничтожен.

Вид у капитана Тормея был очень раздосадованный, и я вдруг увидела, что он на самом деле старше, чем мне показалось в начале нашего знакомства.

– Жан, – спросила я, – а ваша компания «АНЗАК» не часть «Межпланетных»?

– Может быть, поэтому я и рассуждаю так цинично, – кивнул он и поднялся. – Началась посадка на ваш шаттл, позвольте я возьму вашу сумку.

6

Крайстчерч – самый прекрасный город на нашем глобусе. Впрочем, и не только на глобусе, потому что по-настоящему красивого города вне пределов Земли просто нет. Луна-Сити скрыт под поверхностью, Эль-5 снаружи похож на грудку металлолома, и лишь одна арка смотрится неплохо. Марсианские города – обыкновенные муравейники, а большинство земных тщетно пытаются походить на Лос-Анджелес.

У Крайстчерча нет великолепия Парижа, местоположения Сан-Франциско или гавани Рио. Зато в нем есть много вещей, превращающих город в чудное место: неспешный Эйвон, сплетающийся с улицами в центре города, умиротворяющая прелесть Кафедральной площади, фонтан Феррей перед городской ратушей и, наконец, дивная красота наших всемирно известных ботанических садов, раскинувшихся по всему городу.

«Каждый грек славит Афины»? Может быть, но я ведь не уроженка Крайстчерча (если «уроженка» вообще применимо к моей породе). Я даже не новозеландка. Мы встретились с Дугласом в Эквадоре (это было до катастрофы «Небесного крюка» в Кито), сначала я была в восторге от дивного романа с вымокшими от пота простынями, потом была напугана его предложением, а потом успокоилась, когда он объяснил, что не имеет сейчас в виду ничего официального, а просто предлагает съездить в гости к его с-семье – посмотреть, понравлюсь ли я им и понравятся ли они мне.

Это меняло дело. Я быстро смоталась в империю, отчиталась перед Боссом и заявила, что забираю накопившийся отпуск, – или он предпочитает принять мою отставку? Он буркнул что-то вроде: «Валяй, съезди, охлади свои придатки и доложи, когда будешь готова снова взяться за работу...» – и я примчалась обратно в Кито до того, как Дуглас вылез из постели.

В то время просто не было способа добраться по прямой из Эквадора в Новую Зеландию, и потому... Сначала по туннелю мы доехали до Лимы, там на полубаллистике, через Южный полюс, в Западно-Австралийский порт в Перте (из-за силы Кориолиса у них очень странная, s-образная посадочная полоса), оттуда опять по туннелю до Сиднея, там – прыжок в Окленд, и по воде в Крайстчерч. На все ушло двадцать четыре часа – дикие зигзаги, и все ради того, чтобы пересечь Тихий океан. Виннипег и Кито почти на одном расстоянии от Окленда (не доверяйте бумажным картам, а спросите у своего компьютера), ну, может, Виннипег и чуть дальше, но не больше чем на одну восьмую пути.

То, что занимает сейчас сорок минут, длилось двадцать четыре часа, но меня это ничуть не огорчало: я ехала с Дугласом, в которого была влюблена по уши.

А еще через двадцать четыре часа я была влюблена по уши во всю его семью. Я никак не ожидала этого. Я предвкушала чудный отпуск с Дугласом – он обещал мне, что мы будем кататься на лыжах и заниматься любовью (честно говоря, я не настаивала на лыжах). Я знала, что должна буду переспать со всеми его с-братьями, если они того пожелают, – своего рода негласный ритуал. Но меня это отнюдь не беспокоило, потому что искусственный человек просто не может относиться так серьезно к обыкновенному совокуплению, как относятся люди. Большинство девочек из моего класса в приюте после наступления половой зрелости проходили специальную тренировку для работы «подружками по вызову», а потом их контрактировали транснациональные корпорации. Я сама прошла базовый курс такого тренинга, до того как объявился Босс, выкупил мой контракт и перевернул всю мою жизнь. А я сбежала, разорвав контракт с ним, и пропадала несколько месяцев черт-те где, но... Это уже другая история.

Но я бы не стала нервничать из-за дружеского секса, даже если бы я и не проходила курс тренинга на «подружку», – ИЧ просто чужды подобные глупости, нас никогда ведь этому не учили. Но мы ничего, ничегошеньки не знаем и о том, что значит быть в семье. В самый первый день моего пребывания там все из-за меня пили чай намного позже обычного, потому что я

не могла заставить себя прекратить кататься по полу с семью ребяташками – от одиннадцати лет и до ползункового возраста... Да еще с двумя или тремя собаками и молодым котом по имени Мистер-Смотри-Под-Ноги – его называли так за уникальную способность занимать сразу весь пол в любой комнате.

Никогда в жизни я не испытывала ничего подобного. И я не хотела, чтобы это кончилось.

На лыжах меня возил кататься не Дуглас, а Брайан. Лыжные домики на Маунт-Хатт чудесные, но в спальнях там после десяти отключают отопление, и нужно крепко прижиматься друг к другу, чтобы согреться. Потом Викки возила меня смотреть стадо овец, принадлежащее семье, и там меня познакомили с улучшенным псом, который умел говорить, большим колли по имени Лорд Нельсон. Лорд был невысокого мнения об умственных способностях овец, и я думаю, это было вполне обоснованно.

Берти взял меня с собой на Милфорд-Саунд – сначала мы шаттлом добрались до Данидина и провели там ночь. Данидин («Южный Эдинбург») мне понравился, но это все же не Крайстчерч. Мы арендовали маленький пузатенький пароходик и отправились в край фьордов. Там были крошечные каютки, где могли уместиться двое, да и то лишь потому, что было холодно и опять приходилось тесно прижиматься друг к другу. Нигде больше нет фьорда, который мог бы сравниться с фьордом у Милфорд-Саунд. Да, я бывала на Лофтенских островах, там действительно здорово, но... Я уже приняла решение.

Если вы думаете, что для меня Южный остров – все равно что для мамыши ее первенец, что ж, так оно и есть. Северный остров тоже неплох, с его горячими ключами и всемирно известной Пещерой светлячков. И Бей-оф-Айлендс похож на Волшебную страну, но... На Северном острове нет Южных Альп и нет Крайстчерча.

Дуглас водил меня смотреть их маслостойку, и я видела, как огромные полосы красного масла аккуратно нарезались в брикеты. Анита представила меня Алтарной гильдии. Вскоре до меня начало доходить, что, вполне вероятно, мне могут предложить остаться. И тогда я поняла, что от «господи-что-же-мне-делать-если-они-предложат?» я перешла к «господи-что-же-мне-делать-если-они-не-предложат?», а потом к просто «господи-что-же-мне-делать?».

Видите ли, я никогда не говорила Дугласу, что я – не человек. Я слышала не один раз, как люди хвастались, будто они могут моментально отличить искусственного человека от обычного. Чушь! Конечно, все могут отличить искусственное существо, если оно не соответствует человеческому облику, – скажем, мужчину с четырьмя руками или карлика-коболяда. Но если гениальный инженер решил сознательно следовать образу и подобию человека (в этом и состоит техническое отличие ИЧ от ИС – искусственного человека от искусственного существа), никто из людей никогда не сумеет обнаружить разницу, даже другой гениальный инженер не сумеет.

У меня иммунитет против рака и большинства инфекционных заболеваний. Но на мне ведь нигде это не написано. У меня необычные рефлексы, но я не демонстрирую их, хватая на лету мух большим и указательным пальцами. Я никогда не участвую в играх с людьми, где требуется ловкость и сноровка.

У меня исключительная память, врожденная способность к вычислениям и выявлению скрытых связей, исключительная способность ориентироваться в пространстве и исключительные лингвистические способности. Но если вы думаете, что из-за всего этого у меня ай-кью гения, то должна вам сказать: в той школе, где я училась, целью проведения ай-кью-тестов было достижение конкретного заданного результата, а не демонстрация истинных твоих способностей. Поэтому на людях никто не сможет уличить меня том, что я умнее окружающих, если только... Если не произойдет что-либо экстремальное, связанное или с моим заданием, или с моей шкурой, или с тем и другим одновременно.

Весь комплекс моих способностей и возможностей накладывает, конечно, отпечаток и на сексуальную жизнь, но, к счастью, большинство мужчин считают любое усиление женской

чувственности результатом *своего* высочайшего качества. (Мужское тщеславие, если к нему правильно подходить, вовсе не порок, а, наоборот, – добродетель. При правильном подходе эта черта делает мужчину намного приятнее, от него получаешь больше удовольствия. Что безумно раздражает меня в Боссе, так это полное отсутствие тщеславия. Поэтому нет никакой возможности манипулировать им, черт бы его побрал!)

Я не боялась, что меня расколют. Поскольку вся лабораторная маркировка была удалена с моего тела, включая и татуировку на нёбе, способа выявить, что я была создана *сознательно*, а не выскочила по прихоти биорулетки, где миллиард сперматозоидов борется за шанс попасть в яйцеклетку... Такого способа просто не существует.

Но жена в с-браке должна вносить свою лепту в копошащийся клубок детей на ковре в гостиной.

Вы спросите: почему бы и нет? Я имею в виду – спросите *меня*. Причины есть. Целая куча.

Моя профессия – боевой курьер, работающий в полувоенной организации. Представьте себе, как я пытаюсь отбить неожиданное нападение, выставя перед собой живот с восьми-месячным младенцем внутри.

Нас, ИЧ женского пола, поставляют или продают в обратимо-стерильном состоянии. Для искусственного человека способность иметь детей – я хочу сказать, выращивать их внутри своего тела – вовсе не кажется «нормальной». Она кажется нам очень странной. *In vitro*¹⁰ кажется нам гораздо более разумным – и более аккуратным, и более удобным, – чем *in vivo*¹¹. Когда я впервые увидела беременную женщину, то подумала, что она чем-то страшно больна. Когда же мне объяснили, что с ней, у меня... тошнота подкатила к горлу. И теперь, когда я думала об этом здесь, в Крайстчерче, мне тоже было не по себе. Делать это, как кошки, с болью и кровью, господи, да *зачем*? И зачем вообще это делать? Мы заполонили весь этот глобус, не говоря уже о небесах, так зачем же делать его еще хуже?

Словом, я скрепя сердце решила отказаться от участия в браке – сказать, что бесплодна и не могу иметь детей. Это не совсем так, но... Почти правда.

Никто не задавал мне вопросов.

Во всяком случае, на эту тему. Следующие несколько дней я изо всех сил наслаждалась семейной жизнью, пока это было доступно: теплотой женской болтовни, когда мы мыли посуду после чая, шумной возней с собаками, кошками и детьми, добродушными сплетнями за работой в саду – все это обдавало меня теплыми волнами *причастности*.

Как-то утром Анита пригласила меня на прогулку по саду. Я поблагодарила ее и объяснила, что как раз сейчас мне нужно помочь Викки, но Анита настояла на своем, и через несколько минут мы с ней расположились в дальнем углу сада, а детей мягко отослали прочь.

– Марджори, дорогая, – начала Анита (в Крайстчерче я – Марджори Болдуин, поскольку именно под таким именем я познакомилась с Дугласом в Кито), – мы обе знаем, зачем Дуглас пригласил тебя сюда. Тебе хорошо с нами?

– Ужасно хорошо!

– Как ты думаешь, тебе нравится это настолько, что ты хотела бы остаться насовсем?

– Да, но... – У меня даже не было шанса сказать: «Да, но, к сожалению, я не могу рожать детей». Анита оборвала меня на полуслове.

– Пожалуй, будет лучше, – сказала она, – если сначала я объясню кое-что, дорогая. Мы должны обсудить твое приданое. Если предоставить это мужчинам, деньги вообще не будут упоминаться – Альберт и Брайан так же сходят по тебе с ума, как Дуглас, и я их прекрасно понимаю. Но вся наша группа – это не только брак, но и своего рода семейная деловая корпо-

---

¹⁰ В пробирке (*лат.*).

¹¹ В живом организме (*лат.*).

рация, и кто-то должен взять на себя бухгалтерию, потому-то я являюсь председателем совета директоров и главным менеджером. Дело в том, что эмоции никогда не застилают мне рассудок настолько, чтобы я забывала следить за делами. – Она улыбнулась, и ее вязальные спицы тихонько звякнули. – Спроси у Брайана, он иногда называет меня Дядюшкой Скруджем, но, между прочим, сам ни разу не предложил взять на себя эти заботы. Ты можешь оставаться у нас в гостях сколько пожелаешь. Какое значение может иметь один лишний рот за таким столом, как наш? Никакого. Но если ты хочешь присоединиться к нам официально, на договорной основе, я обязана стать Дядюшкой Скруджем и оговорить все условия контракта, потому что я не могу допустить разбазаривания нашего семейного состояния. Надеюсь, ты поймешь меня правильно... Итак, Брайану принадлежат три доли, Альберту и мне – по две. У Дугласа, Виктории и Лиспет – по одной. У всех право голоса соответствует их долям. Как видишь, из десяти голосов у меня есть лишь два, но... Вот уже несколько лет, когда я грожу им своей отставкой, они тут же голосуют за неограниченное доверие моим способностям. Когда-нибудь они меня прокатят на голосовании, и тогда я смогу со спокойной душой отойти от дел и стать «бабушкой-на-печи». – («Ну да, – подумала я, – и твои похороны состоятся вечером того же дня!») – Однако пока что я при деле. Каждый из детей обладает правом на одну долю, но без права голоса, потому что доля ребенка выплачивается ему наличными, когда тот покидает семью, – в качестве приданого или как начальный капитал или просто проматываются впустую, хотя я и надеюсь, что такого не случится. Такие потери капитала должны, разумеется, учитываться и быть тщательно спланированы – скажем, если три наши дочери выйдут замуж в течение одного и того же года, ситуация может стать довольно затруднительной, если не сказать катастрофической.

Я сказала ей, что все это звучит очень разумно и что наверняка на свете есть немного семей, где так заботились бы о будущем детей. (На самом деле я в этих делах совершенно не разбираюсь.)

– Да, мы стараемся, чтобы им было как можно лучше, – согласилась она. – В конце концов, в детях весь смысл семьи. Итак, ты сама понимаешь, что взрослый человек, желающий присоединиться к нашей семье, должен выкупить свою долю, иначе весь механизм перестает работать. Браки, конечно, совершаются на небесах, но счета должны быть оплачены здесь, на земле.

– Аминь! – кивнула я, поняв, что вопрос для меня исчерпан. И решение отрицательное. Я не могла, конечно, сейчас точно подсчитать состояние групповой семьи Дэвидсонов, но... Они были богаты – это ясно, хотя и обходились без слуг и жили в старом доме без всякой автоматике. Как бы то ни было, я не могла выкупить свою долю.

– Дуглас сказал, что он понятия не имеет, есть у тебя деньги или нет. Я имею в виду капиталовложения.

– У меня их нет.

Она и бровью не повела.

– Когда мне было столько же лет, сколько тебе, у меня их тоже не было. Но ты ведь работаешь? Не могла бы ты работать в Крайстчерче и выплачивать деньги за свою долю из своего жалованья? Я понимаю, найти работу в чужом городе не так-то просто, но... У меня есть кое-какие связи. Скажи, чем ты занимаешься? Ты никогда об этом не рассказывала.

(И не собираюсь!) Я поотнекивалась, а потом откровенно сказала, что работа моя секретная и я не стану обсуждать ее даже в общих чертах, но... Нет, я не могу найти постоянную работу в Крайстчерче, и поэтому вряд ли есть способ, с помощью которого я смогла бы присоединиться к ним, но я чудесно провела время здесь и надеюсь, что они тоже...

– Дорогая, – оборвала она меня на полуслове, – я затевала этот разговор вовсе не для того, чтобы доказать невозможность заключения контракта. Меня не так интересует, почему это *не получится*, я хочу сделать так, чтобы это *получилось*. Брайан предложил отдать тебе

одну из своих трех акций... Дуглас и Альберт тут же заявили, что возместят, хотя и не сразу, ему эту долю, но я наложила вето на эту схему. Это был бы плохой прецедент – я им так прямо и сказала, напомнив о баранах, которых стригут по весне. Вместо этого я согласилась принять одну долю Брайана в качестве поручительства за выполнение обязательств твоего контракта.

– Но... у меня нет никакого контракта!

– Будет. Продолжая работать там, где ты работаешь, сколько ты можешь выплачивать в месяц? Не нужно лезть из кожи вон, но постарайся выплатить свою долю как можно быстрее, потому что это как с годовым доходом от недвижимости: часть идет на уплату налога, а часть покрывает оставшийся долг, и таким образом, чем больше взносы, тем лучше для тебя.

Я никогда раньше не покупала недвижимость!

– Могу ли я выплачивать золотом? Я могу, конечно, обменивать золото и на здешнюю валюту, но мне платят золотом.

– Золотом? – Анита неожиданно оживилась, открыла сумочку и достала мини-терминал, связанный с ее компьютером. – С золотом я могу предложить тебе более выгодную сделку. – Она что-то набрала, подождала, пока на дисплее появились какие-то цифры, и кивнула. – Намного более выгодную. Я, конечно, не могу сбывать целые слитки, но кое-что мы можем устроить.

– Я же говорю, что могу перевести их в деньги. Платежи идут в граммах, проба три девятки, обеспечены банком ЦиЮАА, «Церера и Южная Африка аксептанс, лимитед» в Луна-Сити. Можно даже в новозеландскую валюту и прямо сюда, через автоматический банковский депозит, даже если я в этот момент буду не на Земле. Куда лучше? В крайстчерческую контору банка Новой Зеландии?

– Мм, нет. Пожалуй, в Кентерберийский земельный банк. Я состою там в совете директоров. Не возражаешь?

– Конечно нет. Чем ближе к семье, тем лучше.

На следующий день мы подписали контракт, и в конце недели я вышла за них замуж – все чин по чину – в боковой часовенке кафедрального собора, и... Я была вся в белом (мать честная!)...

Еще через неделю я вернулась на работу – и с грустью, и с радостью одновременно. Следующие семнадцать лет я буду выплачивать 858 новозеландских долларов и 13 центов ежемесячно, если не выплачу все быстрее. За что? Я не смогу жить дома, пока не выплачу все, потому что для ежемесячных взносов должна продолжать работать. Так за что же тогда? Не за секс, это точно. Как я говорила капитану Тормею, секс можно найти где угодно – глупо платить за это. Наверное, за привилегию окунать руки в мыльную воду при мытье посуды, так я думаю. За привилегию кататься по полу с детьми и щенками так, чтобы тряслись стены. За теплое чувство, что, где бы я ни была, на этой планете есть место, где я могу все это делать по праву, потому что я *часть* этого.

Неплохая сделка. На мой взгляд.

Как только шаттл взлетел, я звякнула своим, нарвалась на Викки и, дождавшись, пока она перестанет визжать, сказала ей номер моего рейса. Я собиралась позвонить из офиса «Киви лайнс» в порту Окленда, но все время в оклендском аэропорту ушло на моего Вежливого Волка – капитана Жана. Впрочем, какая разница – хоть шаттл и летит быстрее скорости звука, он делает две посадки, в Веллингтоне и Нельсоне, так что кто-нибудь меня да встретит. Во всяком случае – я надеялась на это.

Встречали меня все. Вернее, почти все... У нас есть лицензия на владение гравилетом, поскольку мы разводим овец и коров и не можем обойтись без грузового транспорта, однако нам не разрешено пользоваться им в пределах города. Тем не менее Брайан как-то ухитрился

обойти это правило и теперь из дверей этого фермерского летающего вагончика высыпала вся трудоспособная часть нашей большой семьи.

Прошел без малого год с моего последнего визита – вдвое больший интервал по сравнению с предыдущими. Нехорошо. За такое время дети могут вырасти и отдалиться от вас. Я перебрала в памяти все имена, стараясь никого не пропустить, и убедилась, что все на месте, кроме Эллен, которую уже трудно было назвать ребенком, – ей было одиннадцать, когда я выходила за них замуж, а теперь она уже молодая дама студенческих лет. Анита и Лиспет остались дома – готовить пир по случаю моего приезда, и... Опять меня ожидали мягкие упреки за то, что я не предупредила их заранее, и опять мне придется терпеливо объяснять, что при моей работе мне лучше, как только выдадутся свободные деньки, схватить первый же ПБ, а не давать предупредительные звонки... В самом деле, мне что, нужно заранее договариваться о приезде к себе домой?

Вскоре я уже каталась по полу с детьми. Мистер-Смотри-Под-Ноги (когда я впервые познакомилась с ним, он был молодым тощим котяркой) ждал возможности поприветствовать меня с достоинством, подобающим его статусу Главного Кота, пожилого, толстого, неспешного. Он внимательно оглядел меня, подошел, потерся о мой локоть и заурчал. Я была дома.

Через некоторое время я спросила:

– А где Эллен? Все еще в Окленде? Мне казалось, в университете уже каникулы. – Спрашивая, я смотрела на Аниту, но она, казалось, меня не слышала. Интересно, у нее что-нибудь со слухом? Вряд ли.

– Марджи... – раздался голос Брайана, и я оглянулась. Он смотрел на меня без всякого выражения и больше не произнес ни слова, а лишь отрицательно покачал головой.

(Эллен – запретная тема? В чем дело, Брайан? Я решила отложить разговор, пока не смогу поговорить с ним наедине. Анита всегда подчеркивала, что любит всех детей одинаково, независимо от того, ее эти дети или нет. Ну да, конечно! За исключением того, что ее особое отношение к Эллен становилось ясно любому, кто приближался к ней на расстояние выстрела.)

Поздно вечером, когда дом приутих и мы с Берти собирались ложиться в постель (следуя результату своего рода лотереи, где проигравший по придуманным нашими шутниками-мужьями правилам был обязан спать со мной первым), Брайан постучался и зашел в нашу комнату.

– Все нормально, – сказал Берти, – ты свободен. Я проиграл и готов расплатиться.

– Постой, Берт. Ты говорил с Марджи насчет Эллен?

– Нет еще.

– Тогда давай объясним ей... Милая, Эллен вышла замуж без благословения Аниты, и... Анита от этого в ярости. Поэтому лучше при Аните сейчас не говорить об Эллен, *verb. sap.*?¹² Ну а теперь я побегу, пока она меня нехватила.

– А что, тебе запрещено зайти и сказать мне «спокойной ночи»? Или поцеловать меня? Или задержаться для этой цели здесь подольше? Ты ведь и *мой* муж тоже. Или нет?

– Да, дорогая, разумеется, но Анита сейчас очень чувствительна, и совершенно незачем ее лишний раз задевать.

Брайан чмокнул нас обоих, сказал нам «спокойной ночи» и ушел.

– Что все это значит, Берти? – спросила я. – Почему Эллен не может выйти замуж за того, за кого она хочет? Она достаточно взрослая, чтобы самой решить этот вопрос.

– Ну... Да, но... Эллен сделала не очень хороший выбор. Она вышла замуж за тонга и уехала к нему в Нукуалофу¹³.

---

¹² *Verb. sap.* – *verbum sapienti sat est* (лат.) – умный понимает с полуслова.

¹³ Нукуалофа – столица Королевства Тонга.

– А Анита считает, что они должны жить здесь, в Крайстчерче?

– А-а, нет... Конечно нет! Она вообще против этого брака.

– Что-то не так с этим парнем?

– Марджори, ты не расслышала меня? Он *тонга*.

– Да-да, я не глухая. Ну, раз он живет в Нукуалофе, то кем же ему быть еще?... Эллен там будет жарко. Для того, кто вырос в идеальном климате, там слишком жарко, но это уже ее проблемы. И я так и не поняла, почему Анита расстроилась. Наверняка есть еще что-то, чего я не знаю.

– Да все ты знаешь! А может быть, и нет... Тонга не такие, как мы, они не белые. Они дикари...

– Ничего подобного! – Я привстала на кровати, оборвав то, что по-настоящему еще не началось. Секс и диспуты плохо совместимы. Для меня, во всяком случае. – Они самые цивилизованные люди из всех полинезийцев. Иначе зачем было бы ранним исследователям называть эти острова островами Дружбы? Ты когда-нибудь был там, Берти?

– Нет, но...

– Я была. Если бы не жара, это был бы просто райский уголок. И не спорь, пока сам не увидишь. Этот парень... Чем он занимается? Если он просто сидит и вырезает безделушки из красного дерева для туристов, я могу понять беспокойство Аниты. Это так?

– Нет. Но я сомневаюсь, что он сможет содержать жену. А Эллен не сможет содержать мужа, потому что все еще учится. Он – морской биолог.

– Понятно. Он небогат, а Анита... уважает деньги. Но он ведь и не будет нищим – он сможет стать профессором в Окленде или в Сиднее. Кроме того, биолог может здорово разбогатеть в наши дни. Он может создать какое-нибудь новое растение или животное, которое его озолотит.

– Дорогая, ты так и не поняла.

– Да, не поняла. Так объясни мне.

– Ну... Эллен должна была выйти замуж за кого-то из своих.

– Что ты хочешь этим сказать, Альберт? За того, кто живет в Крайстчерче?

– Мм... Это не повредило бы.

– За богатого?

– Не обязательно. Хотя большинство удачных браков – те, которые с финансовой стороны не слишком однобоки. Когда полинезийский парень женится на белой наследнице приличного состояния, это за версту пахнет...

– А-а-а, вот оно что! Стало быть, он без гроша в кармане, а она только что получила причитающуюся ей долю... Да?

– Нет... Не совсем... А, черт, ну почему она не могла выйти за белого? Не для того же мы ее вырастили...

– Берти, что за чушь? Ты говоришь прямо как датчанин о шведе. Я думала, в Новой Зеландии давно покончили с этим. Помню, Брайан объяснял мне, что маори и в политическом, и в социальном смысле полностью равноправны с англичанами.

– Никто с этим не спорит. Но тут... другое дело.

– Наверное, я отупела, – сказала я (а может, это Берти отупел? Маори – полинезийцы, тонга – тоже, так какого же?..) и оставила эту тему. Я проделала весь путь из Виннипега не для того, чтобы обсуждать достоинства своего зятя, которого я и в глаза не видела. «Зятя»... Как странно. Меня всегда умиляло, когда кто-нибудь из детишек называл меня не Марджи, а «мама», но... Я никогда не представляла себе, что у меня может быть зять.

Однако по закону Новой Зеландии он был моим зятем... А я даже не знаю, как его зовут!

Я постаралась утихомириться, ни о чем не думать и дать возможность Берти доказать, что мне тут рады, – он в этом смысле очень неплох. Прошло немного времени, и я уже вовсю показала ему, как я рада, что я наконец дома, и... неприятная прелюдия была позабыта.

7

На следующее утро, еще лежа в постели, я решила не начинать самой разговора об Эллен и ее муже, пока кто-нибудь другой не заговорит об этом. В конце концов, я не могу судить обо всем, пока не узнаю всех подробностей. Я не собиралась оставлять эту тему... Эллен ведь и *моя* дочь тоже. Но торопиться не стоило. Пусть Анита успокоится.

Однако никто об этом не заговаривал. Ленивые золотые денечки следовали один за другим, и я не стану их описывать, потому что вряд ли вас заинтересуют дни рождения и семейные пикники, – все это очень дорого мне, но у постороннего вызовет лишь скуку.

Мы с Викки отправились в Оклэнд – в ночной поход по магазинам. Когда мы остановились в «Тасманском дворце», она сказала:

– Мардж, ты можешь кое-что сделать для меня? И никому ни слова?

– Конечно, – кивнула я. – Надеюсь, что-нибудь пикантное? Дружок? Или сразу два?

– Если бы у меня объявился хоть один, я бы тут же поделилась им с тобой. Нет, это поделикатнее. Я хочу поговорить с Эллен, но мне не хочется ссориться из-за этого с Анитой. Здесь у меня впервые появился шанс все устроить. Ты можешь забыть потом об этом? О том, что я говорила с ней?

– Не совсем, потому что я сама собираюсь с ней поговорить. Но я не стану ничего рассказывать Аните, если ты этого не хочешь... Вик, в чем дело? Я знаю, что Анита расстроена из-за брака Эллен, но... Что ж она, ждет, что и все остальные не станут даже *разговаривать* с Эллен? С нашей собственной дочерью?

– Боюсь, что сейчас это *ее* дочь. Анита... Она сейчас не очень способна здраво рассуждать, понимаешь?

– Похоже на то. Ну, я лично не позволю Аните отлучать меня от Эллен. Я бы позвонила ей раньше, но не знаю ее номера.

– Я ей сейчас позвоню, а ты запишешь. Следи внима...

– Стой! – Я схватила ее за руку. – Не трогай терминал, ты ведь не хочешь, чтобы Анита узнала об этом.

– Ну да. Потому я и звоню отсюда.

– И звонок будет включен в наш счет за номер в отеле, и ты оплатишь его кредиткой Дэвидсонов, и... Анита все еще проверяет каждый счет, который приходит в дом?

– Проверяет, конечно... Ох, Мардж, я такая дура!

– Нет, ты просто не умеешь врать. Анита не станет возражать и сетовать на дороговизну, но она обязательно заметит по коду, что это был международный звонок. Мы можем зайти на главпочтамт и позвонить оттуда – за наличные. Или проще, – мы заплатим *моей* карточкой, и счет вообще не попадет к Аните.

– Ну конечно! Мардж, из тебя получился бы первоклассный шпион!

– Вряд ли, это слишком опасная профессия. Но у меня есть навыки, когда-то мне приходилось водить за нос мою мать... Давай не будем терять времени и сходим прямо сейчас на почту. Слушай, Вик, что там с этим мужем Эллен? У него две головы или как?

– Нет, он – тонга. Ты не знала?

– Да знаю я! Но тонга не заразные, и, в конце концов, это дело Эллен. Ее личные проблемы, если они вообще есть. Хотя лично я никаких проблем тут не вижу.

– Ну... Анита очень переживает. Конечно, раз уж дело сделано, ничего не остается, кроме как делать вид, что ничего не случилось, но... Смешанные браки всегда кончаются неудачей, особенно если девушка выходит замуж за парня, который ей не ровня, как это сделала Эллен.

– «Не ровня»? Все, что мне о нем известно, это то, что он тонга. Тонга – высокие, красивые, гостеприимные и примерно такие же смуглые, как я. По виду они ничем не отличаются

от маори. Что бы случилось, если бы этот молодой человек был маори? Из хорошей семьи, с первого каное... Богатый землевладелец и так далее...

– Честно говоря, Мардж, я не думаю, чтобы Аните это понравилось. Но она пошла бы на бракосочетание и дала бы свое благословение. У смешанных браков с маори есть много прецедентов, так что их... Ну, это нужно принимать как норму, но никто не обязан кричать «ура». Смешение рас – всегда плохая идея.

«Ах, Викки, Викки... А ты знаешь „идею“ получше, чтобы вытащить мир из той задницы, в которой он оказался?»

– Вот как? Викки, скажи, этот вечный загар на мне... Ты знаешь, где я его подхватила?

– Конечно, ты говорила нам. Американские индейцы. Э-э-э... Чероки, так ты, по-моему, называла... Мардж! Я тебя обидела? О господи! Это ведь совсем другое! Все знают, что американские индейцы... Они, ну... совсем как белые! Ничем не отличаются...

(Да, да, конечно! И: «Многие из моих лучших друзей – евреи». Но я – не чероки, насколько мне известно. Моя маленькая Викки, интересно, что бы ты сказала, если бы узнала, что я – ИЧ? Так и хочется сказать тебе, но... Это будет слишком сильный шок.)

– Ты не обидела меня, потому что я понимаю причину. Ты просто ничего не знаешь. Ты нигде не была и наверняка впитала расизм с молоком матери.

Викки залилась краской и воскликнула:

– Это нечестно! Мардж, когда обсуждалось твое вступление в семью, я была на твоей стороне! Я голосовала за тебя!

– Мне казалось, что все были «за», в противном случае... я никогда бы не вышла за вас замуж. Должна ли я понимать это так, что моя кровь чероки была минусом в этой дискуссии?

– Ну... Это упоминалось.

– Кем? И в каком смысле?

– Это... Мардж, это было закрытое голосование, иначе нельзя... И я не имею права говорить об этом.

– Мм, что ж, я понимаю тебя. А собрание по поводу Эллен тоже было закрытым? Если даже так, то ты можешь смело говорить о нем со мной, поскольку я имела полное право присутствовать там и голосовать.

– Анита сказала, что в этом нет необходимости. Она сказала, что не собирается поощрять охотников за приданым. А поскольку она запретила Эллен приводить Тома в дом и знакомить с семьей, никто не мог ничего поделать.

– И никто из вас не заступился за Эллен? Викки, и *ты* не заступилась?

– Ну... – Викки опять покраснела. – Это просто взбесило бы Аниту.

– Сейчас это, кажется, начинает бесить меня. По нашему семейному уставу, Эллен – моя дочь и твоя дочь ничуть не в меньшей степени, чем дочь Аниты. А Анита не права, запрещая ей приводить мужа домой, даже не посоветовавшись с остальными.

– Мардж, все было не совсем так. Эллен хотела привести Тома... Ну, на смотрины. Ты же знаешь, что это такое.

– О да! Конечно. Я ведь сама была под этим микроскопом.

– Анита старалась удержать Эллен от неудачного брака, не посвящая нас во все это. Первое, что мы все узнали, – это что Эллен *уже* замужем. Стало быть, как только Эллен услышала «нет» от Аниты, она прямехонько пошла в церковь.

– А, черт! Кажется, я начинаю понимать. Эллен взяла Аниту за горло, выйдя замуж так неожиданно... Это ведь значило, что Анита должна выплатить ей наличными стоимость одной семейной акции без предупреждения. Это могло быть и впрямь трудновато. Деньги немалые. У меня самой уходят годы на выплату моей доли.

– Да нет же, дело не в этом. Просто Анита разозлилась, оттого что ее дочь – ее любимая дочь, это ни для кого не секрет – вышла замуж за человека, которого она не одобрила. Аните

не нужно было платить столько денег, это вовсе не обязательно. Ведь по контракту нет юридического обязательства выплачивать долю, и... Анита указала, что нет и морального обязательства отрывать часть от общего семейного капитала ради какого-то авантюриста.

Меня начинала захлестывать холодная ярость.

– Викки, – осторожно начала я, – я с трудом верю своим ушам. Что же вы все за бесхребетные черви, если могли позволить, чтобы с Эллен обращались подобным образом? – Я перевела дыхание и попыталась обуздать свою ярость. – Я вас просто не понимаю. Вас всех. Но я постараюсь подать вам хороший пример. Как только мы вернемся домой, я сделаю две вещи: первое – когда все будут в гостинной, я подойду к терминалу, позвоню Эллен и приглашу ее с мужем в гости... Попрошу их приехать в ближайший уик-энд, потому что мне надо возвращаться на работу и я не хочу упускать случай познакомиться с моим новым зятем.

– Аниту удар хватит.

– Посмотрим. Второе, что я сделаю, – созову семейный совет и потребую, чтобы Эллен выплатили ее долю в кратчайший срок – так быстро, насколько это позволяет состояние наших финансов и кредита. Полагаю, – добавила я, – Анита снова будет в ярости.

– Наверное. И напрасно, потому что голосование будет не в твою пользу. Мардж, зачем тебе все это? Ведь и так дела обстоят неважно.

– Может быть. Но вполне возможно, что некоторые из вас давно уже ждут, когда же появится кто-нибудь, кто возьмет на себя инициативу борьбы против тирании Аниты. По крайней мере, я увижу, как разделятся голоса. Вик, по контракту, что я подписала, я должна уплатить более семидесяти тысяч новозеландских долларов семье. И мне было сказано, что делается это для того, чтобы каждый из наших многочисленных детей мог получить полностью свою долю, покидая общий дом. Я не спорила. Я подписала контракт, и, если этот контракт в силе, все, что говорит Анита, не имеет никакого значения. Если мы не в состоянии выплатить Эллен ее долю сразу, я буду настаивать, чтобы все мои месячные взносы поступали на счет Эллен до тех пор, пока Анита не проглотит неизбежность потери одной доли и не выплатит Эллен всю оставшуюся сумму. Ты считаешь это несправедливым?

– Мардж, я не знаю, – сказала она, помедлив с ответом. – У меня не было времени подумать.

– Так найди время. Потому что самое позднее в среду тебе придется сказать или «да», или «нет». Я не позволю, чтобы с Эллен и дальше так обращались. – Я ухмыльнулась и добавила: – Расслабься! Улыбнись, и давай сходим на почту, поболтаем с Эллен и покажем ей другую сторону медали.

Но мы так и не пошли на почту и не позвонили Эллен, вместо этого мы пошли обедать и за обедом продолжали спорить. Я не помню точно, каким образом в разговоре появилась тема искусственных людей. Думаю, это произошло, когда Викки принялась «доказывать», насколько она свободна от всяких расовых предрассудков, демонстрируя эти самые предрассудки всякий раз, как только открывала рот. Маори были у нее, конечно, просто денди какие-то, равно как и американские индейцы, и, разумеется, хинди, и, безусловно, китайцы, которые подарили человечеству несколько гениев... Словом, все это, конечно, так, и все это знают, но где-то же надо «провести черту»...

Мы уже ложились спать, и я старалась не отвечать ей, чтобы прекратить эту пустую болтовню, когда что-то буквально ударило меня. Я села на постели и спросила:

– А как *ты* узнаешь?

– Как я узнаю *что*?

– Ты сказала: «Конечно, никто не женится на искусственном существе». Как ты узнаешь, что человек искусственный? На них ведь далеко не на всех есть серийные номера.

– Ох, Марджи, не будь дурочкой! Искусственное создание невозможно принять за живого человека. Если бы ты видела хоть одного...

– Я видела. И не одного, а многих!

– Тогда ты сама знаешь.

– Тогда я знаю что?

– Что ты прекрасно отличишь такого монстра от человека, лишь только глянешь на него.

– *Как?* Что это за знаки, по которым можно отличить искусственного человека от любого другого? Назови хоть один.

– Марджори, ты как будто нарочно стараешься меня разозлить! Это на тебя совсем не похоже, милая. Ты превращаешь наши каникулы во что-то очень неприятное.

– Не я, Вик. *Ты* это делаешь. Тем, что говоришь глупые, неправильные, неприятные вещи, которые ничем не можешь подтвердить! – И эти мои слова прекрасно показывают, что улучшенный человек совсем не похож на сверхчеловека, потому что моя реплика хоть была и честна, и справедлива, но совершенно не годилась для споров с родными – слишком резко.

– О!.. Как ты могла!.. Это *неправда!*..

То, что я сделала вслед за этим, вовсе не следствие моей лояльности по отношению к другим искусственным людям, потому что у ИЧ нет видовой солидарности, – для этого просто нет никаких предпосылок. Я слышала, что француз может умереть за свою *La belle France*, но... Вы можете представить себе, чтобы кто-то сражался и умирал за честь «Гомункул анлимитед», секция Нью-Джерси? Я думаю, что сделала это ради себя самой, это было одно из тех критических решений в моей жизни, которые я никогда не могла потом проанализировать, не могла понять причины, побудившей меня поступить так, а не иначе. Босс говорит, что весь процесс обдумывания важнейших поступков и решений происходит у меня на каком-то подсознательном уровне. Может быть, он прав.

Я вскочила с постели, скинула ночную рубашку и встала прямо перед ней.

– А ну-ка посмотри на меня, – требовательно сказала я. – Кто я? Искусственная? Или нет? И как ты это определила?

– Ох, Марджи, кончай выставлять себя напоказ. Всем известно, что у тебя самая лучшая фигура в нашей семье, и тебе совершенно незачем это доказывать.

– Отвечай! Скажи, кто я и как ты это определила. Можешь использовать любые тесты. Возьми образцы для лабораторных анализов, но скажи, кто я и какие признаки это подтверждают.

– Ты противная девчонка, вот ты кто.

– Возможно. Даже вероятно. Но какого сорта? Натуральная? Или искусственная?

– Ох, чтоб тебя!.. Натуральная, конечно.

– Ты ошибаешься. Я искусственная.

– Ой, прекрати дурака валять! Надень рубашку и ложись спать.

Вместо этого я накормила ее досыта правдой: сказала, в какой лаборатории меня спроектировали, назвала день и месяц, когда была извлечена из искусственной матки, – мой «день рождения» (правда, мы, искусственные, «вынашиваемся» дольше, чтобы был ускорен затем процесс созревания), заставила ее выслушать подробное описание жизни в приюте при лаборатории. (Поправка: в приюте при той лаборатории, где вырастили меня, потому что в других кое-что может быть и по-другому.) Я кратко рассказала ей о жизни после приюта – почти все здесь было ложью, потому что я не могла выдавать секреты Босса, повторила в основном то, что давным-давно еще рассказывала всей семье, сказала, что работала и работаю секретным коммерческим агентом. Упомянуть Босса было не нужно, поскольку несколько лет назад Анита решила, что я агент транснациональной корпорации – что-то вроде дипломата, постоянно путешествующего с секретными миссиями... Напрашивающийся вывод, который я с удовольствием подтверждала тем, что никогда не опровергала его.

– Марджи, – сказала Викки, – зачем ты это делаешь? Ведь всей этой ложью ты можешь погубить свою бессмертную душу!

– У меня нет души! Я ведь именно об этом тебе и твержу.

– Ну прекрати! Пожалуйста!.. Ты родилась в Сиэтле. Твой отец был инженер по электронике, твоя мать была педиатром. Ты потеряла обоих родителей при землетрясении – ты же рассказывала нам о них... Показывала фотографии.

– «Мать моя пробирка, и скальпель – мой отец»! Викки, на свете миллион или больше искусственных людей, чьи «свидетельства о рождении» были «уничтожены» при разрушении Сиэтла. Их невозможно сосчитать, потому что невозможно уличить их во лжи. После того, что случилось в этот месяц, появится еще множество людей моего сорта, которые «родились» в Акапулько. Мы вынуждены искать такие лазейки, чтобы нас не преследовали невежественные и предубежденные люди.

– Ты хочешь сказать, что я «невежественная» и «предубежденная»?

– Я хочу сказать, что ты прелестная девчонка, которой взрослые заморочили голову. Тебе наплели много ерунды, и я хочу это исправить. Но если эти «башмаки» тебе не жмут, можешь в них оставаться.

И я заткнулась. Викки не поцеловала меня на ночь. Мы обе долго не могли заснуть.

Весь следующий день мы делали вид, что разговора просто не было. Викки не упоминала об Эллен, и я не упоминала об искусственных людях. Но все это испортило то, что начиналось как веселая прогулка. Мы купили все, за чем приезжали, и вечерним шаттлом отправились домой. Я не сделала того, чем грозилась, – не стала звонить Эллен, когда мы вернулись. Я не забыла о ней, я просто надеялась, что, быть может, ситуация разрешится сама собой. Трусость, наверное.

В начале следующей недели Брайан позвал меня с собой, когда поехал проверять участок земли для какого-то клиента. Это была долгая и приятная поездка верхом с остановкой и ланчем в деревенской гостинице – фрикасе, якобы из ягненка, было наверняка из баранины, а запивали его слабым пивом, которое подавали в высоких кружках. Ели мы снаружи, прямо под деревьями.

После сладкого – вишневый пирог, жуткая вкуснятина – Брайан сказал:

– Марджи, Виктория рассказала мне очень странную историю.

– Вот как? Что же это за история?

– Дорогая, пожалуйста, поверь, я никогда бы не заговорил об этом, если бы Викки не была так расстроена. – Он замолчал и посмотрел на меня.

Я выдержала паузу и спросила:

– Чем она расстроена, Брайан?

– Она утверждает, будто ты сказала ей, что ты искусственное существо, выдающее себя за человека. Прости, но это ее слова.

– Да, я сказала ей это. Правда, другими словами. – Больше я не стала ничего объяснять.

Брайан долго молчал, а потом очень мягко обратился ко мне:

– Могу я спросить – зачем?

– Послушай, Брайан, Викки наболтала очень много ерунды про тонга, и я постаралась объяснить ей, что это все глупость и неправда, что она этим оскорбляет Эллен. Я очень расстроена из-за Эллен. В тот день, когда я приехала, ты дал мне знак – заткнуться, и я заткнулась... Но я не могу больше сидеть и молчать. Брайан, что нам делать с Эллен? Она же твоя дочь. И моя... Не можем же мы сидеть и смотреть, как с ней обращаются! Что нам делать?

– Я не совсем согласен с тем, что нужно что-то делать... Марджори, пожалуйста, не уходи от темы. Викки действительно очень расстроена, и я стараюсь это как-то исправить – выяснить, где вы не поняли друг друга.

– Я не ухожу от темы. Наша тема – это несправедливость, которая совершается по отношению к Эллен, и я этого не оставлю. Есть что-нибудь явно неподходящее в ее муже, кроме этого дурацкого предубеждения? Ну, из-за того, что он тонга?..

– Насколько я знаю, нет. Хотя, на мой взгляд, со стороны Эллен было неразумно выходить замуж за человека, который даже не был представлен семье. Он не проявил уважения к людям, которые любили ее и заботились о ней на протяжении всей ее жизни.

– Одну минуту, Брайан. По словам Викки, Эллен попросила разрешения привести его домой с формальным визитом – как когда-то была приглашена я сама, но Анита запретила ей. После чего Эллен и вышла за него замуж. Это правда?

– Ну... Да. Но Эллен была упряма и поступила необдуманно. Я считаю, что ей не следовало так поступать, не поговорив с остальными родителями. Этот ее поступок сильно задел меня.

– А она пыталась поговорить с вами? И ты сам пробовал поговорить с ней?

– Марджори, к тому времени, когда я узнал обо всем, все было уже свершившимся фактом.

– Понимаю... Брайан, с тех пор как я вернулась домой, я все жду, что мне кто-нибудь объяснит, что же произошло. По словам Викки, все это даже не выносилось на семейный совет. Анита запретила Эллен приводить в дом своего любимого. Все остальные родители Эллен или не были в курсе, или просто не препятствовали жестокости... Да! Жестокости Аниты. После чего девушка вышла замуж... А потом Анита к жестокости присовокупила еще и жуткую несправедливость: она отказала Эллен в праве наследования, в ее семейной доле. Это правда?

– Марджори, тебя здесь не было. Все, кто тут был – шесть из семи, – старались вести себя как можно более обдуманно в сложной ситуации. И я не думаю, что с твоей стороны правильно заявляться после всего случившегося и осуждать всех и вся. Честное слово, я так не думаю.

– Дорогой, не хочу тебя обидеть, но я хочу сказать, что вас было шестеро... *Шестеро!* И вы *ничего* не смогли сделать. Анита в одиночку совершила поступки, которые я считаю жестокими и несправедливыми, а все позволили, чтобы это ей сошло с рук. Никаких семейных решений не было, были решения Аниты. Если это правда, Брайан, – а если нет, поправь меня, – тогда я считаю себя вправе потребовать полного собрания всех мужей и жен, чтобы загладить эту жестокость – пригласить в дом Эллен с мужем и исправить несправедливость, выплатить Эллен ее долю полностью или хотя бы, если этот долг нельзя погасить сразу, признать его. Что ты на это скажешь?

Брайан побарабанил пальцами по столу.

– Марджори, – вздохнув, сказал он, – это очень упрощенный взгляд на очень сложную ситуацию. Ты сомневаешься в том, что я люблю Эллен и не меньше тебя забочусь о ее состоянии?

– Нет, конечно, дорогой.

– Благодарю. Я согласен с тобой, Анита не должна была отказывать Эллен в праве привести своего молодого человека в дом. В самом деле, если бы Эллен взглянула на него на фоне своего домашнего окружения, на фоне наших традиций и теплоты наших отношений, возможно, она сама пришла бы к заключению, что он ей не подходит. Анита сама толкнула Эллен на этот глупый брак – я так ей и сказал. Но мы не исправим это одним махом, просто пригласив их сюда. И ты это сама понимаешь. Допустим, мы решим, что Анита *должна* оказать им теплый и радушный прием, но... Ведь и ежу понятно, что она этого не сделает, даже если они приставят ей нож к горлу! – Он улыбнулся, и я вынуждена была улыбнуться в ответ.

Анита может быть очаровательной, но... Точно так же может быть и холодной, и грубой, если это ей нужно.

– Вместо этого, – продолжал Брайан, – я найду предлог поехать в Тонго через пару недель, и это даст мне возможность как следует выяснить обстановку без бдительного ока Аниты...

– Правильно! Возьми меня с собой... Ну пожалуйста!

– Это разозлит Аниту.

– Брайан! Анита достаточно разозлила меня. И из-за того, что она будет злиться, я не собираюсь лишаться удовольствия повидаться с Эллен.

– Мм... А ты можешь отказаться от удовольствия совершить нечто такое, что может повредить нашему общему благополучию?

– Если ты так ставишь вопрос, то да. Но я могу потребовать объяснений.

– Можешь. И конечно же, получишь их. Но давай сначала разберемся со вторым пунктом твоих обвинений. Разумеется, Эллен получит все, что ей причитается, до последнего пенни. Но ты должна согласиться, что нет никакой нужды торопиться с этим. Скоропалительные браки, как правило, длятся недолго. И хотя у меня сейчас нет никаких доказательств, *может* ведь оказаться, что Эллен попалась на крючок заурядного охотника за приданым. Давай подождем немного и посмотрим, как скоро захочет этот парень наложить лапу на ее деньги. Разве это не разумно?

Я вынуждена была признать его правоту.

– Марджори, – сказал он, – родная моя, ты особенно дорога мне и всем нам, потому что мы так редко тебя видим. Поэтому каждый твой приезд домой – новый медовый месяц для нас всех. Но из-за того, что ты так редко бываешь дома, ты не совсем понимаешь, почему мы все так стараемся не раздражать Аниту.

– Ну... Да, я действительно не понимаю. Не понимаю, почему это происходит только с вашей стороны, ведь *обе* стороны должны идти навстречу друг другу.

– Имея дело с законом и с живыми людьми, мне очень часто приходилось наткаться на разницу между тем, что «должно быть», и тем, что «есть». Я жил с Анитой дольше, чем вы все, и я научился справляться с ее, мм, небольшими слабостями. Может быть, ты этого до конца не сознаешь, но именно она – тот цемент, который держит нас всех вместе.

– Почему, Брайан?

– Да ведь ее роль в семье очевидна. Как управляющая всеми семейными делами и финансами она просто незаменима. Возможно, кто-нибудь из остальных тоже мог бы этим заниматься, но ты же знаешь, что никто не *хочет* брать это на себя, и у меня есть все основания считать, что никто не обладает ее способностью и компетентностью. А помимо денежных вопросов, она еще и умелый, сильный руководитель – идет ли речь о предотвращении ссоры между детьми или о тысячах других мелочей, неизбежных в такой большой семье, Анита всегда в состоянии взять на себя ответственность и все уладить. У с-семьи – такой как наша, обязательно должен быть умелый и сильный лидер.

(«Умелый и сильный тиран...» – пробормотала я сквозь зубы.)

– И потому, девочка моя, подожди ты немного и дай старику Брайану время, чтобы все уладить. Ты ведь веришь, что я люблю Эллен не меньше, чем ты?

– Конечно, родной. – Я погладила его руку. («Вот только не откладывай это навсегда!»)

– Значит, когда мы вернемся домой, ты разыщешь Викки и скажешь ей, что ты пошутила и что ты не хотела ее огорчать? Пожалуйста, я прошу тебя.

(Черт! Я была так поглощена проблемой Эллен, что совсем забыла, с чего начался разговор.)

– погоди минутку, Брайан! Я подожду и не стану раздражать Аниту, раз ты говоришь, что это необходимо. Но я не собираюсь потакать расовым предрассудкам Викки.

– Тебе и не нужно этого делать. В нашей семье не все смотрят на эти вещи одинаково. Я согласен с тобой, и, как ты можешь заметить, Лиз тоже на твоей стороне, Викки же колеблется... Она хочет найти любое оправдание, хочет уцепиться за любой предлог, чтобы Эллен могла вернуться домой. И теперь, после того как я поговорил с ней, она готова признать, что тонга ничем не отличаются от маори и что главное – каков человек сам по себе. Но ее очень расстроило твое странное заявление насчет... тебя самой.

– Но, Брайан, ты ведь сам говорил мне как-то, что почти получил степень биолога, перед тем как окончательно решил стать юристом.

– Ну... да, хотя «почти» – пожалуй, слишком сильно сказано.

– Тогда ты должен знать, что искусственный человек биологически неотличим от обычного человека. А отсутствие души снаружи не проявляется.

– Мм? Дорогая, я ведь обычный прихожанин, а в вопросах души пусть разбираются богословы. Однако на самом деле искусственное существо легко обнаружить.

– Я не сказала «искусственное существо». Под это определение подходит даже говорящая собака, такая как Лорд Нельсон. Но искусственный человек строго ограничен человеческой формой и внешним видом. Так как же ты его отличишь? Викки говорила чушь, когда утверждала, что может различить. Возьми, скажем, меня. Брайан, ты ведь знаешь меня со *всех* сторон... И я очень рада этому обстоятельству. Так кто я? Искусственный человек или обычный?

Брайан ухмыльнулся и облизал губы.

– Мардж, милая, я засвидетельствую в любом суде, что ты человек с точностью до девяти знаков после запятой... За исключением тех мест, которые ангелоподобны. Назвать их?

– Я знаю твои вкусы, родной, в этом нет необходимости. Спасибо, но... Пожалуйста, будь серьезным. Предположим, ну, чисто умозрительно, что я – искусственная. ИЧ. Каким образом мужчина, побывавший со мной в постели, как ты прошлой ночью и во множестве других ночей, обнаружит, что я – ИЧ?

– Марджи, прекрати. Это уже не смешно.

(Иногда обычные люди выводят меня из себя.) Ровным голосом я сказала:

– Я – искусственная.

– Марджори!

– Не веришь мне на слово? Тебе нужны доказательства?

– Прекрати эти дурацкие шутки! Немедленно! Или, когда мы вернемся домой, я тебя просто выпорю! Марджори, я никогда пальцем тебя не тронул... И ни одну из своих жен, но, ей-богу, ты заслуживаешь трепки!

– Да? Видишь этот последний кусочек пирога на твоей тарелке? Я сейчас возьму его. Накрой ладонями тарелку и попробуй помешать мне.

– Не валяй дурака.

– Попробуй, накрой. Ты не сумеешь сделать это так быстро, чтобы остановить меня.

Мы взглянули друг другу прямо в глаза, и вдруг он начал сдвигать ладони. Чисто автоматически я вошла в овердрайв, взяла вилку, подцепила кусок пирога, пронесла его между сдвигающимися ладонями Брайана и вышла из овердрайва прямо перед тем, как положила кусочек пирога себе в рот.

(Пластиковые ложки в приюте нужны были не для моего унижения, а для моей *безопасности*. Когда я впервые взяла в руку вилку, я проколола себе губу насквозь, потому что не умела еще замедлять свои движения до уровня обычного человека.)

Выражение лица Брайана было невозможно передать словами.

– Достаточно? – спросила я. – Наверное, нет. Что ж, дорогой, давай тогда поздороваемся за руку. Пожмем друг другу руки и посмотрим, кто кого. – Я протянула ему правую руку.

Он колебался, потом вытянул свою. Я позволила ему ухватиться как следует, а потом медленно и осторожно начала сжимать ладонь.

– Не сделай себе больно, милый, – предупредила я его. – Дай мне знать, когда остановиться.

Брайан не неженка и умеет переносить боль. Я уже готова была разжать руку, чтобы не сломать ему кости, когда неожиданно он выдавил:

– *Хватит!*

Я тут же разжала свою руку и принялась массировать ему кисть обеими руками.

– Мне не хотелось делать тебе больно, милый, но я должна была доказать, что говорю правду. Обычно я стараюсь не демонстрировать свою исключительную силу или рефлексy. Но они нужны мне для моей работы. Несколько раз сила и быстрота реакции спасали мне жизнь. Я никогда не применяю их... Только когда меня вынуждают. Так что, тебе нужны еще какие-нибудь доказательства? У меня стимулированы не только скорость реакции и сила, но силу и скорость легче всего показать.

– Нам пора домой, – ответил он.

По дороге домой мы не обменялись и десятком слов. Я обожаю кататься верхом, но в этот день я с гораздо большим удовольствием прокатилась бы на чем-нибудь лязгающем и громыхающем, но только – *быстрее!*..

Следующие несколько дней Брайан явно избегал меня – мы встречались с ним только за обеденным столом. Потом как-то утром ко мне подошла Анита.

– Марджори, дорогая, – сказала она, – я собираюсь съездить в город по разным мелким делам и хочу, чтобы ты помогла мне. Ты мне не поможешь?

Разумеется, в ответ она услышала «да». Мы зашли в несколько магазинчиков на Глостер-стрит и Дарем, никакой помощи от меня не требовалось, и я решила, что ей просто нужна была компания. Это обрадовало меня – в обществе Аниты бывать очень приятно (до тех пор, пока ей не перечишь).

Закончив ходить по магазинам, мы прошли по Кэмбридж-террас, вдоль берега Эйвона, по Хэгли-парку и вошли в ботанический сад. Там она нашла местечко на солнце, откуда мы могли наблюдать за птицами, и извлекла из сумочки свое вязание. Какое-то время мы просто сидели или болтали ни о чем.

Примерно через полчаса ее телефон загудел. Она вынула его из сумочки для вязания и вставила динамик в ухо.

– Да? – Секунду она слушала, потом кивнула и сказала: – Спасибо. Пока, – и убрала телефон, не удостоив меня сообщением, кто ей звонил. Что ж, ее право.

Впрочем, когда она заговорила со мной, я почувствовала, что телефонный разговор имел к этому отношение.

– Скажи мне, Марджори, – спросила она, – ты никогда не испытываешь никакого сожаления? Или хотя бы малейшего чувства вины?

– Ну, иногда. Почему бы и нет? А о чем я должна сожалеть? – Я стала прикидывать, где я могла быть неосторожной и чем-то задеть Аниту.

– О том, как ты обманула и предала нас?

– Что-о-о?!

– Не строй из себя святую невинность. Мне никогда не приходилось раньше иметь дело с существом, рожденным не по законам Божеским. И я не знаю, доступны ли тебе понятия вины и греха, но, полагаю, теперь, когда ты разоблачена, это не имеет значения. Семья требует немедленно аннулировать твой контракт. Брайан сегодня встречается с судьей Риджли.

Я выпрямилась и спросила:

– На каком основании? Я не совершила ничего дурного.

– В самом деле? Ты забыла, что по нашим законам нечеловек не может заключать брачный контракт с людьми.

8

Часом позже я села в шаттл, летящий в Окленд, и в моем распоряжении оказалось достаточно времени, чтобы обдумать глупость, которую я сотворила.

Почти три месяца – с той самой ночи, когда мы говорили об этом с Боссом, – я впервые не испытывала беспокойства по поводу моего «человеческого» статуса. Он сказал мне, что я «такой же человек, как сама праматерь Ева», и что я спокойно могу рассказывать всем и каждому, что я ИЧ, потому что никто мне не поверит.

Босс был почти прав. Но он не рассчитывал на то, что я стану *доказывать* свою «нечеловечность» – юридическую «нечеловечность» по новозеландским законам.

Первым моим побуждением было потребовать слушания перед семейным советом в полном составе – но мое дело, оказывается, уже обсуждалось на закрытом заседании, и голоса легли против меня, шесть «против», «за» – ни одного. Мне даже домой не пришлось возвращаться. По телефону (в ботаническом саду) Аните сообщили, что все мои личные вещи упакованы и отправлены в камеру хранения на шаттл-вокзале.

Конечно, я могла настаивать на том, чтобы «приговор» был произнесен мне всем домом, а не довольствоваться заявлением лишь одной Аниты. Но зачем? Чтобы выиграть спор? Доказать свою правоту? Или помахать после драки кулаками? Пять секунд ушло у меня на то, чтобы осознать – все, чем я дорожила, пропало. Исчезло, как радуга; лопнуло, как мыльный пузырь, – я больше не была *частью* чего-то. Те дети – не мои. И никогда мне уже не кататься с ними по полу.

Я размышляла об этом с холодным сожалением и так тщательно старалась сохранить глаза сухими, что чуть было не забыла – Анита обошлась со мной очень «великодушно». В контракте, который я подписывала с семьей, мелким шрифтом было написано, что в случае нарушения мною данного контракта я обязана выплатить всю сумму полностью незамедлительно. Был ли нарушением контракта тот факт, что я – «нечеловек»? (Хоть я ни разу не просрочила ни единого взноса.) С одной стороны, если они исключают меня из семьи, мне причитается около восемнадцати тысяч новозеландских долларов. С другой – я не только лишюсь выплаченной части моей доли, но и остаюсь должна им сумму в два с лишним раза больше.

Но они поступили «великодушно»: если я тихо и незаметно исчезну, они не станут выдвигать против меня обвинений. Что произойдет в случае, если я стану подымать шум и нарываться на публичный скандал, не оговаривалось, но ясно подразумевалось.

Я исчезла без шума.

Мне не нужен психолог, для того чтобы понять: я сделала это ради себя самой. Это я и так прекрасно понимала с той самой минуты, когда Анита сообщила мне плохие новости. Вопрос другой: *почему* я это сделала?

Я поступила так не ради Элен, и у меня не было ни малейших оснований тешить себя иллюзией, будто я сделала это для нее. Наоборот, моя глупость напрочь лишила меня возможности хоть как-то помочь ей.

Почему я сделала это?

Гнев.

Другого ответа я найти не могла. Гнев на весь род людской за то, что такие, как я, не считаются людьми и, следовательно, не имеют права на равные отношения и справедливое правосудие. За то, что с первого дня своей жизни я столкнулась с непреложной истиной: у рожденных детей с самого начала есть привилегии, которых никогда не будет у меня по той простой причине, что я *не* человек. Возможность быть принятой за человека – это возможность очутиться в стане привилегированных, но это не означает, что я приняла саму систему. Наоборот, я испытывала еще большее ее давление на себе, потому что не могла это высказать. И наступ-

пил день, когда для меня стало важнее, примет ли меня моя семья такой, какая я *есть*, чем сохранение теплых отношений под *маской*. Я хотела получить ответ на этот вопрос.

И я его получила. *Ни один* из них не вступился за меня... Как ни один не вступился за Эллен. Думаю, я почувствовала это – поняла, что они отринут меня, как только узнала, что они предали Эллен. Но этот уровень моего знания запрятан так глубоко, что я сама его не очень хорошо понимаю, – это та «черная дыра», где, по словам Босса, происходит самый главный процесс моего подлинного мышления.

Я прилетала в Окленд слишком поздно, чтобы успеть на сегодняшний рейс полубал-листика на Виннипег. Зарезервировав место на завтрашний рейс и сдав в багаж все, кроме дорожной сумки, я стала раздумывать, чем мне заняться в ближайшие двадцать один час. И конечно, тут же подумала о своем Вежливом Волке – о капитане Жане. Судя по тому, что он мне говорил, шансы на то, что он в городе, – один против пяти, но... В его квартире, если она свободна, наверное, все-таки приятнее, чем в отеле. Я нашла общественный терминал и набрала его номер.

Через несколько секунд экран засветился, и на нем появилось довольно симпатичное и радостно улыбающееся лицо молодой девицы.

– Привет, я Торчи, а ты кто?

– Я Мардж Болдуин, – ответила я, – кажется, я не туда попала. Мне нужен капитан Тормей.

– Нет, крошка, ты попала куда надо. Подожди минутку, и я выпущу его из клетки. – Она отвернулась и, отходя от экрана, позвала: – Эй, красавчик! Там роскошная девка на проводе! Она знает, как тебя зовут.

Когда она повернулась и пошла прочь, я увидела, что у нее обнажена грудь. А когда она показалась в поле зрения вся целиком, я увидела, что на ней вообще ничего нет. Отличное тело – быть может, чуть широковатый таз, но длинные ноги, тонкая талия и грудь почти такая же, как у меня... а я на свою не жалуюсь.

Я тихонько выругалась – ведь я прекрасно отдавала себе отчет в том, зачем я позвонила капитану: чтобы забыть о трех мужчинах в объятиях четвертого. Я застала его дома, но, кажется, место уже занято.

Он появился перед экраном, одетый, но не слишком – на нем была только «лава-лава»¹⁴. На лице его сначала появилось удивленное выражение, а потом он узнал меня.

– О-о-о! Мисс... *Болдуин!* Вот здорово! Вы откуда?

– Из аэропорта. Представился случай сказать вам «привет»!

– Стойте где стоите. Не двигайтесь и не дышите. Семь секунд, чтобы натянуть брюки и рубашку, и я подъеду за вами.

– Нет, капитан. Я правда только хотела сказать «привет». Я опять здесь транзитом.

– Куда вы летите? В какой аэропорт? Когда вылет?

А, черт! Я не заготовила версии заранее... Ну что ж, иногда бывает лучше сказать правду, чем выдавливать из себя вымученное вранье:

– Возвращаюсь в Виннипег.

– Серьезно? Тогда вы разговариваете с вашим пилотом. Завтрашний рейс – мой. Скажите мне точно, где вы стоите, и я заеду за вами минут через сорок, если мне повезет с такси.

– Капитан, вы так милы, но совершенно обезумели. У вас уже есть компания, которой вам хватит за глаза. Молодая женщина, которая ответила на мой звонок. Торчи.

---

¹⁴ «Лава-лава» – традиционная набедренная повязка или юбочка у полинезийцев.

– Торчи – это не имя. Это ее состояние¹⁵. Это моя сестра Бетти из Сиднея. Она останавливается здесь, когда бывает в городе. Я, по-моему, вам о ней говорил. – Он обернулся и крикнул: – Бетти! Подойди и представься. Только води себя прилично.

– Уже поздно вести себя прилично! – раздался ее бодрый голос, и она показалась из-за его спины, поправляя распахнувшуюся «лава-лава». Кажется, у нее были с этим небольшие проблемы, и я заподозрила, что она уже успела сегодня закинуться. – А, чтоб ей черт!.. Мой братец вечно хочет, чтобы я вела себя прилично, а вот муж – тот давно махнул на все рукой. Слушай, крошка, я слышала, что ты тут говорила. Я его замужняя сестра, это чистая правда. Но если ты собралась за него замуж – тогда я его невеста. Так как?

– Нет.

– Отлично. Тогда можешь брать его тепленького. А я пока приготовлю чай... Ты что будешь, джин или виски?

– Я выпью то же, что и вы с капитаном.

– Ему ничего нельзя, у него рейс меньше чем через сутки. Но мы с тобой надеремся как следует.

– Тогда я пью то же, что и ты. Кроме болиголова.

Потом я убедила Жана, что ему не стоит ездить за мной, – в порту было полно такси. Номер 17 по Локсли-пэрэд находился в многоквартирном, недавно выстроенном блоке с двойной системой охраны: перед входом в квартиру Жана меня заперли с двух сторон, как в тамбуре космического корабля.

Бетти встретила меня объятиями и поцелуями, которые показали, что она уже успела выпить; мой Вежливый Волк тоже встретил меня объятиями и поцелуями, которые показали, что он не пил и что он рассчитывает в самое ближайшее время затащить меня в постель. Он ничего не спрашивал о моих мужьях, и я сама не заговаривала о своей семье... Своей бывшей семье. Нам с Жаном было хорошо вместе, потому что мы пользовались одними и теми же сигналами, причем пользовались со знанием дела, не промахиваясь и не вводя друг друга в заблуждение.

Пока мы с Жаном вели этот безмолвный разговор, Бетти вышла из комнаты и вернулась с красной «лава-лава».

– Чаепитие официальное, – икнув, сказала она, – так что, крошка, вытряхивайся из этой уличной одежды и влезай в парадную форму.

Интересно, это она придумала? Или он? Я подумала и решила, что она. Хотя распутные намерения Жана были так же недвусмысленны, как прямой удар в челюсть, по сути своей он был весьма старомоден, чего не скажешь о Бетти, – та давно объявила себя вне закона. Впрочем, дело шло к тому, чего хотела я сама, а на остальное мне было наплевать. Обнаженные женские ноги действуют ничуть не меньше, чем обнаженная грудь, хотя большинство людей этого почему-то не понимает. Женщина в «лава-лава» выглядит куда более провокационно, чем вообще без всего. Мне нравилась наша вечеринка, и я рассчитывала, что Жан избавится от надзора своей сестрички, когда придет время. Если это вообще стоит делать – я не удивлюсь, если окажется, что Бетти в этом смысле торгует билетами. Меня это несколько не беспокоило...

Я напилась в хлам.

Насколько сильно я постаралась – я поняла лишь на следующее утро, когда проснулась в постели с мужчиной, который не был Жаном Тормеем.

Несколько минут я лежала не шевелясь и, глядя на похрапывающего человека, попыталась разобраться в окутанных джином воспоминаниях и сообразить, кто же это такой. Мне

---

¹⁵ Торчи (от *англ.* torch) – факел, сигарета с марихуаной.

кажется, что женщину все-таки обычно знакомят с мужчиной перед тем, как она ложится с ним в постель. Интересно, представили ли нас с ним друг другу? И знакомы ли мы с ним вообще?

Память возвращалась ко мне кусочками. Имя: профессор Фредерико Фарнези. Зовут: или Фредди, или Элли, или Толстячок. (Нет, он не слишком толстый – так, небольшое брюшко от сидячего образа жизни.) Муж Бетти и зять Жана. Я смутно припоминала, что он был с нами вчера вечером, но сейчас не могла вспомнить, когда он приехал или почему уехал... вообще ничего.

Но раз он был вчера вечером здесь, меня ничуть не удивляло, что я, кажется, провела с ним ночь. При том настроении, которое у меня было вчера, ни один мужчина поблизости не мог чувствовать себя в безопасности. Но кое-что меня угнетало: неужели я отвернулась от хозяина дома ради того, чтобы подцепить другого мужчину? Это невежливо, Фрайди... Это даже неприлично.

Я сосредоточилась и «копнула» поглубже. Нет, по крайней мере один раз я с Жаном пересеклась. К моему большому удовольствию. И к его – тоже, если его слова вчера были искренними. А потом я и в самом деле от него отвернулась, но по его собственной просьбе. Нет, я не была невежлива с моим гостеприимным хозяином, а он, в свою очередь, был очень нежен со мной – как раз то, что мне было нужно, чтобы забыть, как меня предала, а затем бросила банда лицемерных расистов Аниты. Да, теперь я вспомнила: моему хозяину потребовалась помощь от вновь прибывшего, и в этом нет ничего удивительного: чтобы утешить тоскующую женщину, усилий одного мужчины часто бывает недостаточно, но... Я совершенно не помнила, каким образом состоялся «обмен». Мы что, все поменялись? Фрайди, не будь идиоткой! ИЧ не может, конечно, до конца разобраться во всех людских сексуальных табу, но это – самое строгое (я как следует усвоила это, когда проходила базовый курс «подружек»), и соблюдается оно даже теми, кто плюет на все остальные.

Поэтому я решила избегать даже намека на интерес к событиям прошедшей ночи.

Фредди перестал храпеть и открыл глаза. Он зевнул, потянулся, увидел меня и удивленно вытаращился, но в ту же секунду, вспомнив что-то, улыбнулся и потянулся ко мне. Я с радостной улыбкой приняла его объятия и уже готова была принять искреннее участие в действии, когда в комнату зашел Жан.

– Мардж, Фредди, доброе утро, – сказал он, – очень неприятно вас прерывать, но такси ждет. Марджи должна встать и одеться. Нам нужно ехать сейчас же.

Но Фредди и не подумал отпускать меня. Он кашлянул, прочистил горло и продекламировал:

Птичка утром прилетела
И давай в окно стучать:
Как тебе не надоело!
Как не стыдно столько спать!..

– Капитан, ваше отношение к служебным обязанностям и забота о нашей гостье делают вам честь. Когда вы должны там быть? За два часа до отлета? А вылетаете в полдень, когда часы бьют на башне, нет?

– Да, но...

– В то время как Элен... Тебя ведь зовут Элен? Так вот, будет кошерно, если Элен предстанет перед вратами, которые именуются «тесными»¹⁶, за тридцать минут до вылета. Что я беру на себя.

---

¹⁶ «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель» (Мф. 7: 13).

– Фред, я вовсе не хочу портить тебе утро, но ты же знаешь, что тут можно целый час ловить кеб. А я уже поймал, и он ждет.

– Чистая правда. Кебмены нас избегают, их лошадки не любят взбираться на наш холм. Именно по этой причине, мой дорогой шурин, я вчера вечером заказал экипаж, пообещав мешок золота. И в эту самую минуту старый верный Росинант внизу, в стойле у привратника, набирается сил, пожирая кукурузу, початок за початком, чтобы быть в полной боевой готовности. И как только я дам сигнал, привратник (разумеется, подкупленный мной заранее) запряжет милое животное в коляску и подаст коляску к подъезду. После чего я доставлю Элен к выходу на посадку ровно за тридцать одну минуту до вылета. За это я ручаюсь фунтом плоти из твоей груди.

– Ты хотел сказать «из своей груди».

– Я сформулировал все предельно точно.

– Что ж... Мардж, ты как?

– Мм... А это ничего, Жан? Мне бы не хотелось выпрыгивать из постели сию секунду, но... Я не хочу опоздать на твой рейс.

– Ты не опоздаешь. На Фредди можно положиться, хотя по его виду этого не скажешь. Но в любом случае выйди отсюда не позже одиннадцати, тогда ты успеешь добраться даже пешком, если что. Я придержу твое место свободным после регистрации – у капитана есть кое-какие привилегии. Ну-с, очень хорошо, можете возвращаться к прерванному занятию. – Жан взглянул на часы. – Мне пора. Пока, ребята!

– Эй, может, ты поцелуешь меня? Что это за «пока»?

– Зачем? Мы увидимся на корабле, а потом у нас будет время в Виннипеге.

– Поцелуй меня, чтоб тебя черт побрал, или я опоздаю на твой дурацкий корабль!

– Тогда оторвись от своего жирного римлянина и постарайся не испачкать мою красивую форму.

– Старик, – ухмыльнулся Фредди, – не подвергай свой фрак такому риску! Я поцелую Элен и за тебя, и за себя.

Жан наклонился и как следует поцеловал меня в губы, а я... Я не испачкала его красивой формы. Потом он чмокнул лысую макушку Фредди и сказал:

– Все, развлекайтесь, ребята. Но не забудь доставить ее вовремя в порт. Пока! – В этот момент в комнату заглянула Бетти, Жан обнял ее за талию и вместе с ней вышел, закрыв за собой дверь.

Я переключилась на Фредди. Он с улыбкой спросил:

– Элен, ты готова? Если нет, приготовься.

И я с удовольствием приготовилась, радостно думая, что Жан, Бетти и Фредди – это как раз то, что нужно Фрайди, чтобы выкинуть из головы тех лицемерных пуритан, с которыми мне так долго пришлось делить крышу над головой.

Бетти принесла нам чай так вовремя, что я полагаю – она подслушивала за дверью. Она уселась на кровати в позе лотоса и выпила с нами чаю. Потом мы встали и позавтракали. Я съела овсянку под толстым слоем сливок, два яйца всмятку, ломтик кентерберийской ветчины, толстую отбивную, жареный картофель, горячие оладьи с клубничным вареньем и лучшим в мире маслом, апельсин и запила все это крепким черным чаем с сахаром и молоком. Если бы весь мир «перекусывал» так, как это делается в Новой Зеландии, он давно бы избавился от всех политических беспорядков.

Фредди к завтраку надел «лава-лава», но Бетти не стала себя утруждать, и я последовала ее примеру. Меня вырастили в приюте, и потому я никогда не пойму до конца всех правил человеческого этикета, но одно я усвоила твердо – женщина в гостях должна одеваться (или раздеваться) соответственно хозяйке. Вообще-то, я не привыкла разгуливать голышом перед людьми (в приюте – совсем другое дело), но с Бетти я чувствовала себя удивительно легко и

просто. Интересно, она осадит бы меня, если бы знала, что я не человек? Думаю, нет, но у меня не было большого желания экспериментировать. Потрясающий завтрак.

Фредди доставил меня в зал ожидания ровно к одиннадцати двадцати, вызвал Жана и потребовал квитанцию, каковую тот ему торжественно выписал. Как и в первую нашу встречу, Жан наклонился и помог мне пристегнуть ремень, тихонько шепнув:

– Тебе ведь тогда вовсе не требовалась моя помощь?

– Нет, – с улыбкой призналась я. – Но я рада, что притворилась. Я потрясающе провела время.

– И мы отлично проведем его в Виннипеге. Я позвонил Жанет из порта и сказал, что привезу тебя ужинать. Она просила тебе передать, что и завтракать ты будешь с нами. Она сказала, что глупо покидать Виннипег среди ночи, когда тебя могут ограбить при пересадке. И она права: нелегальные иммигранты, которые лезут к нам через границу из империи, укокошат тебя за косячок.

– Я обсужу это с ней, когда мы приедем. – («Капитан Жан, вы просто обманщик! Кто говорил мне, что вряд ли женится, что хочет всегда быть свободным, как „дикий гусь“? Не помните? Интересно, вы это еще помните? Думаю, что нет».)

– Нечего обсуждать, все уже решено. Возможно, Жанет не доверяет моим суждениям о женщинах – она говорит, что я пристрастен... Что, конечно, чистейший вздор. Но она полностью доверяет Бетти, а Бетти сейчас уже, наверное, звонит ей. Она знает Бетти дольше, чем меня, они снимали вдвоем квартиру, когда учились в Мак-Гилле. Там-то я и познакомился с Жанет, а Фредди – с моей сестричкой. Мы четверо были те еще возмутители спокойствия – время от времени мы все там ставили вверх тормашками.

– Бетти просто прелесть. Жанет похожа на нее?

– И да, и нет. Жанет была вожаком нашей маленькой банды. Прости, мне нужно пойти и сделать вид, что я капитан. Вообще-то, управляет этим летающим гробом, конечно, компьютер, но через недельку я планирую выяснить, как у него это получается. – С этими словами он подмигнул мне и ушел.

После исцеляющего катарсиса пьяных ночных сатурналий с Жаном, Фредди и Бетти я была способна более здраво размышлять о своей бывшей семье. Была ли я и вправду обманута?

Я подписала этот дурацкий контракт по своей доброй воле, включая и параграф о его аннулировании, на котором меня подловили. За что же я платила? За секс?

Нет, все, что я недавно говорила Жану, чистая правда: секс есть везде – бери, если хочешь. Я платила за счастливую участь быть *причастной*. Причастной к семье, особенно к счастливым домашним обязанностям вроде... Ну, сменить мокрые пеленки, вымыть посуду, приласкать котенка. Мистер-Смотри-Под-Ноги был для меня гораздо важнее, чем Анита, хотя я никогда не позволяла себе даже мысленно рассуждать об этом. Я старалась любить их всех, до тех пор пока случай с Эллен не пролил свет на кое-какие грязные углы.

Что ж, давайте посмотрим. Я точно знала, сколько дней я провела со своей бывшей семьей. Простая арифметика показала, что стоимость моего проживания в комнате и питания за время моих чудесных отпусков на тот момент, когда меня всего этого лишили, составила немногим больше четырехсот пятидесяти новозеландских долларов в день.

Дороговато даже для роскошного курорта. А фактически мое пребывание в доме обходилось моей семье раз в сорок дешевле. Интересно, на каких финансовых условиях вступали в семью остальные? Я никогда этого не знала.

Может быть, Анита, понимая, что не сумеет запретить мужчинам приглашать меня в дом, когда им захочется, организовала все таким образом, чтобы я и была не в состоянии бросить работу (нужно ведь платить долю), и в то же время была привязана к ним на условиях, очень выгодных для семьи?.. То есть для Аниты? Трудно сказать наверняка. Я так мало знаю о браке у людей, что даже сейчас не берусь судить. Даже сейчас, когда...

Но я знаю одно: меня очень удивило, что Брайан оказался против меня. Я считала его самым старшим, самым умным и самым терпимым членом семьи, человеком, способным принять факт моего биологического происхождения и жить с этим.

Может, все было бы иначе, выбери я что-нибудь иное для демонстрации своих способностей? Может, покажи я ему что-нибудь менее жесткое?..

Но я показала ему свое превосходство в силе – в той сфере, где у мужчины есть все основания рассчитывать на победу. И я врезала ему прямо по его мужской гордости...

Никогда не пинайте мужчину по яйцам, если вы не собираетесь немедленно после этого его убить. Даже в переносном смысле. *Особенно* в переносном смысле.

9

Потом свободное падение закончилось, и нас охватили невероятно захватывающие ощущения гиперзвукового скольжения. Компьютер прекрасно сглаживал рывки и перепады ускорения, но все же вибрация ощущалась на кончиках зубов... А я, после моей бурной ночи, чувствовала ее и в других местах.

Мы довольно быстро проскочили через звуковой барьер, потом долгое время шли с дозвуковой скоростью под нарастающий рев. Потом мы коснулись земли, включился реверс... и вскоре мы остановились. Я с облегчением перевела дыхание – хоть я и люблю полубаллистики, но от касания до полной остановки я всегда не дышу.

С Северного острова мы вылетели днем, в 12:00 в четверг, поэтому в Виннипег прибыли сорок минут спустя ранним вечером, в 19:40 в среду. (Я тут совершенно ни при чем – посмотрите на карту, где указаны временные пояса.)

Я опять задержалась и выходила последней. Капитан опять взял мою сумку и повел к таможне, но уже в качестве старого друга – чему я была очень рада. Он провел меня к «Таможне. Карантину. Иммиграции» через служебный вход и предложил для осмотра сначала свою сумку.

Не притронувшись к ней, инспектор ТКИ кивнул и сказал:

– Привет, капитан. Какая контрабанда на этот раз?

– Все как обычно. Краденые бриллианты, промышленные секреты, образцы вооружений, контрабандные наркотики.

– И все? Жалко даже мел на это тратить. – Он нарисовал мелом на сумке Жана какой-то значок. – Дама с тобой?

– Первый раз ее вижу.

– Моя – индейская скво, – вmeshалась я, – а белый босс обещал мне много огненной воды. Белый босс не сдержал своего слова.

– Еще бы, он его никогда не держит. Долго собираетесь пробыть здесь?

– Я живу в империи, а здесь транзитом... Может быть, на сутки. В прошлом месяце я делала здесь пересадку на пути в Новую Зеландию. Вот мой паспорт.

Он кинул на него беглый взгляд, поставил штамп и, не открывая сумки, нарисовал на ней мелом знак.

– Если надумаете задержаться, я с удовольствием угощу вас огненной водой. А капитану Тормею не стоит доверять.

Мы прошли таможню, и сразу за барьером Жан выпустил из рук обе сумки, схватил стоявшую там женщину за локти, поднял ее – что свидетельствовало о его прекрасной форме, поскольку она была лишь сантиметров на десять ниже его, и жарко расцеловал. Опустив затем ее на землю, он указал ей на меня и торжественно произнес:

– Жанет, это Мардж.

(Интересно, почему Жан позарился на мои скромные достоинства, если у него дома такая знойная штучка? Потому что я там была, а ее не было, можно не сомневаться. Но теперь-то она есть. «Моя дорогая, у вас не найдется какой-нибудь хорошей книжки – скоротать время?»)

Жанет поцеловала меня, и я почувствовала себя лучше. Потом отстранилась, держа меня обеими руками за талию, и произнесла:

– Я не вижу его. Милая, ты оставила его на корабле?

– Оставила что? У меня только эта сумка, а весь багаж на транзитном складе.

– Нет, дорогая, твой нимб. После разговора с Бетти я ожидала увидеть нимб.

Я обдумала это и спросила:

– Ты уверена, что она сказала «нимб»?

– Ну... Она сказала, что ты – ангел. Возможно, я поспешила с выводами?

– Возможно. Не думаю, что прошлой ночью на мне был нимб. Я вообще его редко надеваю, когда путешествую.

– Да, – кивнул капитан Жан, – прошлой ночью на ней... вернее, в ней была только изрядная доза спиртного. Родная, мне неприятно тебе это говорить, но... Бетти дурно влияет на окружающих. Прискорбно, но факт.

– О господи! Может, нам лучше сразу сходить на молитвенное собрание? Как ты, Марджори? Быстро перекусим прямо здесь и пропустим обед. Все прихожане дружно помолятся за тебя, а?

– Как скажешь, Жанет. – («Должна ли я соглашаться? Я плохо знаю ритуал „молитвенных собраний“».)

– Слушай, Жанет, – вмешался капитан Жан, – может, мы лучше отвезем ее домой и там сами помолимся за нее. Я не уверен, что Марджори привыкла к публичному покаянию.

– Марджори, этот вариант тебя больше устраивает?

– Я думаю... да.

– Тогда поехали. Жан, пойди поздоровайся с Джорджем.

Джорджа звали Джордж Перро – больше я ничего в данный момент о нем не узнала, кроме того, что он правил парой великолепных черных рысаков, запряженных в коляску фирмы «Хонда». Недешевый экипаж. Интересно, сколько получает капитан полубаллистика? (Фрайди, это не твое дело.) Но экипаж действительно красивый. Как, впрочем, и сам Джордж – высокий, темноволосый, в темном костюме и кепи. Изумительный кучер. Однако Жанет представила его отнюдь не как слугу, а он наклонился и поцеловал мне руку. Разве кучер целует руку гостям? М-да, кажется, я залезла в совершенно незнакомую область людского этикета – этому меня не учили.

Жан сел впереди, рядом с Джорджем, а Жанет усадила меня сзади, развернула огромный шерстяной плед и сказала:

– Вряд ли, летя из Окленда, ты захватила с собой шаль. Залезай.

Я не стала возражать и объяснять, что не подвержена простуде. Это было очень мило с ее стороны, и я с благодарностью залезла под плед. Джордж вырулил на шоссе, щелкнул языком, и лошадки припустили мерной рысью. Жан достал из стойки рожок и сильно дунул в него – вряд ли в этом была необходимость, просто ему, наверное, нравилось шуметь.

Мы не поехали в Виннипег. Их дом был к юго-западу от маленького городка Стоунволл, к северу от Виннипега и ближе к аэропорту. Когда мы добрались туда, было уже темно, но это не помешало мне сразу увидеть, что дом выстроен как загородная крепость и способен выдерживать любое нашествие, кроме профессионального военного штурма. Тройные ворота, между первыми и вторыми был загон для скота. Снаружи не было видно ни электронных глаз, ни дистанционно управляемых турелей, но я не сомневалась в их существовании – поместье было отмечено красно-белыми маяками, предупреждающими воздушные суда не приближаться.

Я плохо рассмотрела, как устроены ворота, – было слишком темно, и внутри тоже не увидела ни оружия, ни мин-ловушек, а спрашивать хозяев я постеснялась. Вряд ли разумные люди потратят столько сил и денег на ограду и будут полагаться при этом лишь на пассивные формы обороны. Помня о том, как на ферме Босса сдулась вся защита после потери главного «шип-стоуна» (отключенного «дядюшкой Джимом»), мне бы хотелось разузнать о местной силовой установке – но, опять-таки, гость не может расспрашивать о подобных вещах.

И еще больше меня заинтересовало, что случится, если на нас нападут, скажем, до того, как мы окажемся внутри, за воротами. Но, учитывая размах нелегальной торговли оружием, которое обычно оседает в руках сугубо гражданских лиц, такие вопросы обычно не задают незнакомым людям. Я-то обычно не ношу с собой оружия, но другие – вряд ли. Ведь у боль-

шинства людей нет ни моего курса спецподготовки, ни моих улучшенных способностей. Я больше полагаюсь на свою «безоружность», чем на разные железки, которые могут конфисковать на любой таможне, которые вы легко можете потерять и к которым в самый нужный момент обычно не хватает зарядов, или их заело, или они просто выключены. Я *выгляжу* безоружной, и это дает мне преимущество, но... У других людей – другие проблемы. Я ведь особый случай.

Мы прокатились по широкой дорожке и остановились под навесом. Жан подудел в свой дурацкий рожок, но на сей раз как будто не совсем бесцельно – входные двери дома автоматически распахнулись.

– Веди ее в дом, дорогая, – сказал Жан, – а я помогу Джорджу управиться с лошадьми.

– Мне вовсе не нужна помощь.

– Заткнись. – Жан слез, помог нам выбраться и вручил мою сумку Жанет.

Джордж щелкнул языком, коляска покатила в сторону, и Жан пошел за ней. Жанет провела меня в дом и... я ахнула!

Прямо в холле бил фонтан, причем не простой, а с постоянно меняющимися формами и цветом воды. Отовсюду раздавалась негромкая музыка, на переливы которой, по-видимому, и реагировал фонтан.

– Жанет... Кто твой архитектор?

– Нравится?

– Еще бы!

– Тогда сознаюсь: архитектор – я. Техническое исполнение Жана, а Джордж занимался интерьером. Он в некотором смысле художник, и в другом крыле находится его студия. Кстати, забыла тебе сказать. Бетти просила меня спрятать твою одежду, пока Джордж не напишет с тебя хоть одно ню.

– Бетти так сказала? Но я никогда не была моделью и... Мне надо возвращаться на работу.

– А может, тебе не захочется – все ведь в наших руках. Впрочем, если... Может быть, ты стесняешься? Бетти сказала, что ты не из стеснительных, но Джордж может рисовать натуру не только обнаженную. Во всяком случае, он может начать с одетой...

– Нет, я не из стеснительных. Ну, может, позировать я и стесняюсь немного – никогда раньше не пробовала. Слушай, а мы можем подождать с этим? Честно говоря, сейчас мне гораздо больше хочется в туалет, чем на холст, – я не была там с тех пор, как вышла из квартиры Бетти. В порту просто времени не хватило.

– Прости, дорогая! Мне не стоило заставлять тебя торчать здесь и рассуждать о живописи Джорджа. Еще много лет назад мать учила меня: первое, что надо сделать для гостыи, – это показать ей, где находится ванная комната.

– Моя мать твердила мне то же самое, – солгала я.

– Сюда. – Слева от фонтана была прихожая, она провела меня по коридору. – Здесь твоя комната. – Она кинула мою сумку на постель. – А здесь ванная. Она у нас с тобой общая, потому что моя комната прямо за ней, с другой стороны, и по виду – зеркальное отражение твоей. Так что ванную мы делим на двоих...

Было что делить! Три отдельные туалетные кабинки, в каждой биде и умывальник. Душ, в котором свободно разместилось бы предвыборное собрание, с непонятными элементами управления (придется спрашивать, что они означают и как ими пользоваться). Стол для массажа и искусственного загара. Бассейн (или у них это называется горячей ванной?) – явно не для одной персоны, а для большой и веселой компании, два одинаковых туалетных столика. Терминал, холодильник, книжный шкаф со специальной полкой для кассет...

– А леопарда нет? – спросила я.

– Ты ожидала увидеть леопарда?

– Каждый раз, когда в мелодраме я вижу такую комнату, главная героиня всегда появляется с ручным леопардом.

– Понятно. А котенок не подойдет?

– Конечно! Вы с Жаном – любители кошек?

– Я не смогла бы жить в доме, где нет кошки. Кстати, насчет котят. Сегодня у меня есть для тебя очень выгодное предложение.

– Я бы взяла с удовольствием. Но не могу.

– Обсудим это позже. Ладно, разбирайся с туалетом. Хочешь принять душ перед ужином? Я приму, а то я так долго чистила Черную Красотку и Демона перед поездкой в аэропорт, что принять не успела. И теперь от меня, наверное, здорово пахнет стойлом. Чувствуешь?

И вот так – легко и просто – минут через двенадцать я очутилась в ванне (бассейне!). Джордж тер меня губкой сзади, Жан – спереди, а хозяйка терла себя сама, весело смеясь и давая мужчинам различные советы, на которые они не обращали внимания. Если бы вы могли все это наблюдать, то увидели бы, что вся последовательность моих действий была очень логична и что эти добрые сибариты ни к чему меня специально не подталкивали – ни одной попытки соблазнить, ни единого намека на то, что прошлой ночью я попросту изнасиловала (во всяком случае, в переносном смысле) хозяина этого дома.

Потом я делила с ними роскошный ужин... Нет, просто пир – в гостиной (или большом холле, или маленькой столовой, или как там она у них называется) с камином. Камин, как мне с гордостью поведала хозяйка, Жан сделал своими руками... На мне был один из халатов Жанет, за который в Крайстчерче она была бы немедленно арестована. Но здесь это не вызвало никаких реакций у обоих мужчин.

Когда мы добрались до кофе и коньяка, я немного осоловела от выпивки до ужина и вина за ужином. По просьбе Джорджа я сняла позаимствованный пеньюар, и он заснял меня в пяти или шести позах, делая стерео- и голограмму. При этом он так бесстрастно обсуждал мои прелести, словно речь шла о куске телятины. Я продолжала твердить, что завтра мне нужно уезжать, но мои протесты звучали вяло, и на них никто не обращал внимания – Джордж меньше всех. Он сказал, что у меня «хорошая форма», – возможно, это и не комплимент, но и на «до свидания» совсем не похоже.

Некоторые снимки получились просто великолепно, особенно тот, где я раскинулась на низкой тахте, а по груди, по животу и по ногам у меня ползает дюжина котят. Я попросила снимок для себя, и оказалось, что у Джорджа есть необходимое оборудование, чтобы сделать копию.

Потом Джордж снял меня вместе с Жанет, и я снова попросила сделать копию, потому что наш с ней контраст выгодно оттенял обеих, а Джордж ухитрился сделать нас красивее, чем в жизни. В конце концов я стала зевать, и Жанет велела Джорджу прекратить. Я принялась извиняться, говоря, что с моей стороны очень странно хотеть спать, потому что в той зоне, откуда я прилетела, сейчас еще лишь начало вечера.

Жанет сказала, что это смехотворно, что сон не имеет никакого отношения к часам и временным зонам, и:

– Джентльмены, мы ложимся! – С этими словами она увела меня из гостиной.

Мы зашли в ее великолепную ванную комнату, она положила руки мне на плечи и сказала:

– Марджи, ты предпочитаешь быть одна в спальне или хочешь компанию? Я знаю от Бетти, что у тебя была бурная ночь. Может быть, ты хочешь просто тихонько поспать? Скажи сама.

Я честно сказала ей, что, если это зависит от меня, я никогда не сплю одна.

– И я тоже, – кивнула она. – Мне нравится, как просто ты это сказала – не стала мямлить и притворяться, как это делают разные шлюхи. С кем бы ты хотела спать?

(Добрая ты душа, как же я могу сделать вид, что не понимаю, как тебе хочется самой побыть со своим мужем в первую ночь его приезда домой!)

– Может быть, нам лучше начать с другого конца – кто хотел бы спать со мной?

– *С тобой? Все* мы, конечно, я уверена в этом. Или двое из нас, или один – на твое усмотрение. Решай сама.

Я растерянно заморгала, пытаясь прикинуть, сколько же я выпила.

– Четверо *в одной* постели?

– Тебе это не нравится?

– Никогда не пробовала. Звучит весело, но в постели будет ужасно тесно, я полагаю.

– А-а! Ты не была в моей комнате. Кровать у меня по-настоящему *большая*, потому что оба моих мужа чаще предпочитают спать со мной... И там еще остается много места, так что мы всегда рады гостям.

Да, я действительно перебрала – пила две ночи подряд и такими дозами, к которым совершенно не привыкла...

– *Два мужа?* Я не подозревала, что Британская Канада приняла австралийскую систему!

– Британская Канада – нет, но британские канадцы – приняли. Во всяком случае, многие из нас. Ворота заперты, а остальное никого не касается. Ну так как, хочешь попробовать в большой кровати? Если захочешь спать, всегда можешь тихонько уползти в свою комнату – для этого я и сделала такую планировку. Что скажешь?

– Пожалуй... да. Только сначала я, наверное, буду чувствовать себя дилетанткой.

– Это быстро пройдет. Давай...

Ее прервал резкий звонок на терминале.

– А, черт! Да чтоб тебя!.. – воскликнула Жанет. – Наверняка это из аэропорта... Срочный вызов Жану, и, конечно, ему надо ехать, и плевать им на то, что он только что возвратился из дальнего рейса! – Она подошла к терминалу включила «прием», и мы услышали:

– «...поводов для тревоги. Наша граница с Чикагской империей закрыта, прорвавшиеся беженцы изолированы. Атака со стороны Квебека более серьезна, но, возможно, она нанесена вследствие ошибки местного командования, поскольку объявления войны не было. В настоящее время введено чрезвычайное положение, поэтому рекомендуем: не выходить на улицы, сохранять спокойствие и ожидать на этой частоте официальных сообщений и инструкций...»

Начался «Красный четверг».

10

Мне кажется, у всех сложилось более-менее одинаковое представление о «Красном четверге» и о том, что за ним последовало. Но чтобы объяснить самому себе (а может, и самой себе, если это вообще возможно!), я должна рассказать, как я восприняла это, включая все мои страхи и всю мою растерянность.

Мы вчетвером залезли в большую постель Жанет, но не для секса, а просто для того, чтобы как-то сохранить душевный комфорт и быть вместе. И мы не могли оторвать глаз от экрана терминала. Там все время повторялись одни и те же сообщения – отражение атаки со стороны Квебека. Председатель Чикагской империи убит в собственной постели, граница с империей закрыта, приходила неподтвержденная информация о диверсиях, не появляться на улицах, сохранять спокойствие – не важно, который раз это повторялось, мы тут же все замолкали и вслушивались, ожидая услышать хоть что-нибудь, что внесло бы хоть какой-то смысл во все эти новости.

Однако вместо этого положение становилось все хуже и хуже. К четырем утра мы уже знали, что волна убийств и диверсий охватила всю планету. Когда рассвело, появились неподтвержденные сообщения о беспорядках на Эль-4, на базе «Тихо», на Геостационаре, и сообщение с Цереры было оборвано на полуслове. Можно было только гадать, коснулись ли неприятности Альфы Центавра и Тау Кита, но... официальный дикторский голос с терминала практически «прояснил» это – громогласно отказываясь «гадать» и призывая всех нас не верить «необоснованным и вредным» слухам.

Около четырех Жанет соорудила с моей помощью бутерброды и подала кофе.

В девять я проснулась оттого, что пошевелился Джордж, и обнаружила, что заснула, положив голову ему на грудь и обняв его правой рукой за шею. Жан полулежа расположился поперек кровати, уставившись на экран терминала... закрытыми глазами. Жанет исчезла – уползла тихонько в мою комнату и залезла в считавшуюся ныне моей кровать. Я очень медленно и очень осторожно отцепилась от Джорджа, постаравшись его не разбудить, вылезла из постели и проскользнула в ванную. Там избавилась от использованного кофе и сразу почувствовала себя лучше. Заглянув в «свою» комнату, увидела, что покинувшая нас хозяйка уже не спит и машет мне рукой, приглашая войти. Повинуясь ее жесту, я зашла в комнату и, когда она подвинулась, освобождая мне место рядом с собой, залезла в постель. Она поцеловала меня и спросила:

– Ну как там мальчики?

– Оба спят. Во всяком случае, спали три минуты назад.

– Хорошо. Им надо поспать. Они оба – паникеры, в отличие от меня. Я решила, что нет никакой надобности встречать Армагеддон с глазами, налитыми кровью, и потому уползла сюда. Ты уже, по-моему, спала, когда я ушла.

– Наверное. Не помню, когда я заснула. Диктор бубнил одно и то же, бубнил уже в тысячный раз и... Потом я проснулась.

– И ничего не упустила. Я убавила звук, но оставила бегущую строку – там повторялось одно и то же. Марджори, мальчики ждут бомбежки. Я же думаю, что никакой бомбежки не будет.

– Надеюсь, что ты права. Но почему?

– Кто кого будет бомбить? Кто враг? Насколько я поняла из этих сообщений, проблемы начались во всех основных коалициях. Но вооруженные силы нигде не были задействованы, кроме одного идиотского инцидента из-за ошибки какого-то генерала в Квебеке. Убийства, пожары, поджоги, взрывы, всевозможные диверсии, беспорядки, терроризм всех видов, но в этом нет системы. Это не Восток схлестнулся с Западом, не марксисты против фашистов, не

черные против белых... Марджори, если кто-то сейчас запустит ракеты, это будет означать, что весь мир свихнулся.

– А разве это не так?

– Думаю, что нет, потому что у происходящего нет системы. Каждый оказался под прицелом. Везде. Это направлено на все правительства сразу.

– Анархисты? – предположила я.

– Не знаю. Может быть, нигилисты.

В комнату вошел Жан, у него было хмурое лицо, круги под глазами и щетина на лице. На нем был старый халат, слишком для него короткий. У него были узловатые выпирающие колени.

– Жанет, – сказал он. – Я не могу дозвониться Бетти и Фредди.

– А они собрались возвращаться в Сидней?

– Да нет, дело не в этом... я не могу пробиться ни в Сидней, ни в Окленд. Всюду этот мерзкий компьютерный голос: «В-данный-момент-линия-не-работает-попробуйте-чуть-позже-спасибо-за-внимание». Ну, ты знаешь.

– Ох!.. Может, это из-за диверсии?

– Может быть. Но может, и что-то похуже. Потом я позвонил в диспетчерскую аэропорта и спросил, что случилось со спутником связи Виннипег – Окленд. Пришлось назвать свой чин, чтобы добраться до начальства. Он сказал, чтобы я пока не дергал его по поводу линий связи, потому что у них тут настоящие неприятности: все полубаллистики на земле, потому что два были уничтожены в воздухе. Рейс двадцать девятый «Виннипег – Буэнос-Айрес» и сто первый – «Ванкувер – Лондон».

– Жан!..

– Оба в пыль. Никто не уцелел. Взрыватели сработали от перепада давления – никаких сомнений, потому что оба взорвались при выходе из атмосферы... Жанет, в следующий свой рейс я проверю все сам. Задержу взлет под любым предлогом и все проверю... Впрочем, – уныло добавил он, – можно только гадать, когда это случится. Невозможно же взлететь на полубаллистике, когда нет связи с портом приземления... А инспектор признался, что все линии связи оборваны.

– Жан! – Жанет спрыгнула с кровати, подбежала к нему и поцеловала. – Прекрати себя грызть! Сейчас же прекрати. Конечно, ты сам все проверишь и будешь проверять, пока они не поймут диверсантов. Но сейчас, сию минуту, ты выкинешь это из головы, потому что никаких рейсов не будет, пока не починят линии связи! Значит, объявляются каникулы. Что касается Бетти и Фредди... Безобразие, конечно, что мы не можем связаться с ними, но ведь ты сам прекрасно понимаешь, что они взрослые люди и нянька им не нужна. И наверняка они точно так же волнуются сейчас из-за нас, и... совершенно зря. Я очень рада, что это случилось, когда ты дома, а не на другой стороне планеты. Ты – здесь, тебе ничего не угрожает, а на остальное мне наплевать. Мы будем сидеть здесь и веселиться, пока вся эта чушь не закончится.

– Я сегодня должен быть в Ванкувере.

– Ты никому ничего не должен, о муж мой, кроме как платить налоги и жить до старости, а потом умереть. Никто не станет запикивать искусственных пилотов в корабли, когда корабли не летают.

– Искусственных? – невольно вырвалось у меня, о чем я тут же пожалела.

Жан взглянул на меня, словно видел впервые, но тут же улыбнулся и извиняющимся тоном сказал:

– Привет, Мардж, доброе утро... Ты не волнуйся и прости, что я затеял этот дурацкий разговор, как раз когда ты здесь... Искусственные существа, про которых говорила Жанет, это не машины, а... Ну, они живые. Понимаешь, у руководства фирмы возникла эта бредовая идея, будто ИС, сделанный специально для пилотирования, будет лучшим пилотом, чем человек. Я

– секретарь Виннипегской секции, поэтому я должен бороться с этим. Встреча руководства и представителей гильдии пилотов назначена в Ванкувере на завтра.

– Жан, – вмешалась Жанет, – позвони генеральному секретарю. Глупо лететь в Ванкувер, не проверив сначала, будет ли вообще...

– Ну хорошо, хорошо.

– Но не просто спроси, а убеди генсека нажать на руководство и заставить их отложить встречу, пока не отменят чрезвычайное положение. Я хочу, чтобы ты был здесь и следил, чтобы я была в безопасности.

– Или наоборот...

– Или наоборот, – согласилась она. – Но если это будет необходимо, я упаду в обморок прямо в твои объятия. Что тебе сделать на завтрак? Только что-нибудь не очень сложное, не то я напому тебе твоё торжественное обещание.

Я не слушала их разговор с того момента, как слова «искусственные существа» резанули мне слух. Я думала, что Жан – да и все они и здесь, и там, в Окленде, – цивилизованные люди без всяких предрассудков... Уж во всяком случае настолько, чтобы относиться к таким, как я, ничуть не хуже, чем к себе подобным. И теперь я слышу, что Жан представляет свою гильдию в споре с работодателем, чтобы не допустить конкуренции мне подобных с людьми.

(Чего ты хочешь от нас, Жан? Чтобы мы перерезали себе глотки? Мы не просили нас делать, точно так же как вы не просили вас рожать. Может быть, мы и не люди, но мы целиком разделили с людьми эту старую как мир участь: мы чужаки в этом мире, который создан не нами...)

– Мардж, ты голодная?

– А?... Простите, я замечталась. Что ты сказала, Жанет?

– Я спрашивала, что ты хочешь на завтрак, дорогая?

– Мне все равно. Я ем все, что лежит или движется, но медленно. Можно, я помогу тебе?

– Я надеялась, что ты предложишь это, потому что на кухне от Жана мало проку, несмотря на его клятвы.

– Я чертовски хороший повар!

– Ну конечно, дорогой... Жан когда-то дал мне письменное обещание, что приготовит мне любую еду, если я попрошу. И он держит слово – ни разу еще не пытался увильнуть. Но я такое делаю, только если я ужасно голодна.

– Мардж, не слушай ее!

Я так до сих пор и не знаю, умеет ли Жан готовить, но что касается Жанет, то она, безусловно, умеет. Джордж, как я выяснила позже, тоже прекрасный кулинар. Она подала на завтрак (не без моей помощи) пышный омлет с чеддером, аранжированный тонкими, нежными блинами, закатанными в континентальном стиле с сахарной пудрой и джемом, и украшенный хорошо подсушенным беконом. И свежавыжатый апельсиновый сок – выжатый вручную, а не перемолотый в пульпу соковыжималкой апельсин. И еще: потрясающий кофе из свежесмолотых зерен.

(Да, новозеландская еда, конечно, прекрасна, но новозеландская *кухня* – это вообще не *кухня*.)

Джордж появился к завтраку с точностью кошки – в данном случае мамы-кошки, которая пожаловала за ним по пятам. Котятам вход был запрещен указом Жанет, потому что она была слишком занята, чтобы смотреть под ноги. Она также объявила, что, пока мы едим, новости будут выключены, а за столом можно говорить обо всем, кроме чрезвычайного положения. Меня это устраивало, потому что свалившиеся на нас странные и мрачные события не лезли у меня из головы, даже когда я спала. Как справедливо заметила Жанет, накладывая табу на эту тему, только ядерная бомба может пробить нашу защиту, а взрыва ядерной бомбы мы, по всей вероятности, даже не заметим – так что надо расслабиться и наслаждаться завтраком.

Вот я и наслаждалась... Вместе с мамой-кошкой, которая обходила нас под столом против часовой стрелки и сообщала каждому, когда наступала его очередь предоставить ей немного бекона, – я думаю, ей досталась большая его часть.

Когда я убрала со стола (вымыв, а не выбросив тарелки – Жанет в смысле посуды была очень старомодна), Жанет сварила еще кофе, включила новости, и мы уселись послушать, посмотреть и обсудить их – уселись в кухне, а не в громадном зале, где вчера ужинали. На самом деле кухня в этом доме выполняла функции гостиной. Это была так называемая «крестьянская кухня», хотя никогда, по-моему, крестьяне таких кухонь не имели: огромный камин, большой круглый стол с «капитанскими» стульями, большие удобные кресла для отдыха, много места и никаких транспортных проблем, потому что приготовление пищи происходило в другом конце комнаты. Котят впустили в кухню, положив тем самым конец их громким жалобам, и они мгновенно переключили на себя наше внимание. Я взяла одного из них на руки – пушистого, белого с большими черными пятнами, – и он тут же громко замурлыкал. Его голос был вдвое больше, чем он сам. Было ясно, что амурную жизнь мамы-кошки не сдерживали вопросы о родословных, – среди котят не было двух одинаковых.

В сообщениях не оказалось почти ничего нового, только в империи появилось нечто новое: хватали демократов и по приговору военно-полевых судов (их называли офицерскими трибуналами) казнили на месте – жгли лазерами, расстреливали, вешали. Чтобы спокойно смотреть, мне пришлось здорово взяться за самоконтроль... Приговору подлежали все взрослые – от четырнадцати лет и старше, – нам показали одну семью, где приговоренные родители умоляли пощадить их сына, утверждая, что ему всего двенадцать. Председатель суда, капрал имперской полиции, прервал дискуссию, вытащив пистолет и застрелив мальчика, а потом отдал приказ своему отряду покончить с его родителями и старшей сестрой.

Жан выключил изображение и звук, оставив лишь бегущую строку.

– Хватит, насмотрелся! – прорычал он. – Думаю, что сейчас, когда старый председатель мертв, тот, кто занял его место, ликвидирует всех по своему списку подозреваемых. – Закусив губу, он мрачно посмотрел на меня. – Мардж, ты еще не выкинула из головы свое идиотское намерение возвращаться сейчас домой?

– Я же не демократ, Жан. Я вообще не занимаюсь политикой.

– А ты думаешь, тот мальчишка занимался политикой? Эти казаки прикончат тебя просто так, для тренировки... Как бы там ни было, ты все равно не можешь ехать. Граница закрыта.

Я не стала говорить ему, что на земле вряд ли найдется такая граница, которую я не могла бы перейти. Вместо этого я сказала:

– По-моему, это распространяется только на тех, кто движется на север. Разве они не позволяют гражданам империи вернуться домой?

– Марджи, – вздохнул он, – ты не умнее котенка, которого держишь на коленях. Ты что, не понимаешь, что симпатичной маленькой девочке не надо играть в игры с плохими ребятами, а то ей могут сделать очень больно? Я уверен: если бы ты была дома, твой отец не выпустил бы тебя на улицу. Но ты сейчас здесь, у нас, и это накладывает на нас с Джорджем определенную ответственность... Правда, Джордж?

– Mais oui, mon vieux! Certainement!¹⁷

– Между прочим, я буду защищать тебя и от Джорджа. Жанет, ты в состоянии объяснить этому ребенку, что ей тут все будут рады, если она решит остаться? Она, по-моему, из тех дам, которые всегда норовят сами выписать чек.

– Дело не в этом, Жан, – начала я, но меня прервала Жанет.

– Марджи, – сказала она, – Бетти просила меня позаботиться о тебе как следует. Если ты считаешь, что кому-то что-то должна, сделай взнос в Красный Крест Британской Канады. Или

---

¹⁷ Ну конечно, братец! Зачем спрашивать! (фр.)

в приют для бездомных кошек. Что же касается нас, то так уж вышло, что мы трое зарабатываем кучу денег и у нас нет детей. Ты для нас все равно что еще один котенок... Так как? Ты остаешься? Или мне нужно спрятать твою одежду и хорошенько тебя выпороть?

– Я не хочу, чтобы меня пороли.

– Жаль, я предвкушала... Джентльмены, вопрос решен, она остается. Мардж, мы тебя надули. Джордж, несомненно, попросит тебя позировать в свободное время – он вообще тиран и деспот, – и ты будешь работать на него просто за еду, а он сэкономит по расценкам профессиональных натурщиц кругленькую сумму.

– Нет, сердце мое, – сказал Джордж, – я на этом не сэкономлю, я на этом заработаю. Потому что ее содержание я оформлю как производственные расходы. Но не по обычным расценкам гильдии, она стоит много дороже. Скажем, в полтора раза.

– Согласна. Но не в полтора, а в два. По крайней мере. И не торгуйся, ты ведь ничего ей не заплатишь... А ты не хочешь сводить ее в ваш кампус? Я имею в виду – в лабораторию?

– Ценная мысль! Она витала где-то на задворках моего сознания и... Спасибо тебе, бесценная наша, за то, что ты извлекла ее на свет божий! – Он повернулся ко мне. – Мардж, ты не продашь мне одно яичко?

Он застал меня врасплох. Я постаралась сделать вид, что не поняла:

– Но... У меня нет никаких яиц!

– Есть, есть! И на самом деле – несколько десятков. Гораздо больше, чем понадобится тебе самой. Я имею в виду яйцеклетки. В лабораториях за яйцеклетки платят гораздо дороже, чем за сперму, – простая арифметика. Ты поражена? Я тебя шокировал?

– Нет... Только удивил. Я думала, ты художник.

– Мардж, милая, – вмешалась Жанет, – я говорила тебе, что он – художник во многих смыслах. Это правда. В частности, он профессор тератологии в Университете Манитобы... и еще главный технолог в генетической производственной лаборатории и приюте при ней. Поверь мне, там тоже требуется искусство высшей пробы. Но он недурно управляет и с обычными холстом и красками. Или с экраном компьютера.

– Это точно, – кивнул Жан. – Джордж – художник во всем, к чему бы он не прикоснулся. Но вы зря вывалили все это на Мардж. Она же наша гостья... Некоторых людей ужасно расстраивает сама идея манипуляций с генами, особенно с их собственными генами.

– Мардж, я тебя расстроила? Мне очень жаль.

– Нет, Жанет. Я не из тех, кому неприятна сама мысль об искусственных людях, или искусственных существах, или кого-то там еще... Да что там, многие мои лучшие друзья – ИЧ...

– Ну-ну, дорогая, – мягко прервал меня Джордж, – не надо заходить так далеко.

– Почему ты так говоришь? – спросила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал не слишком резко.

– Говорю, потому что знаю, потому что работаю в этой области и у меня действительно много друзей ИЧ. Чем я, кстати, горжусь. Но...

– Я полагала, – тут же возразила я, – что ИЧ никогда не встречаются со своими дизайнерами.

– Это правда, и я никогда не отступал от этого правила. Просто я хочу сказать, что у меня есть много возможностей познакомиться с искусственными существами и искусственными людьми (это, кстати, не одно и то же) и занять друзей среди них. Но прошу прощения, дорогая мисс Марджори, если вы только не моя коллега по профессии... Нет?

– Нет.

– Только генный инженер или кто-то очень тесно связанный с этой отраслью может утверждать, что у него есть друзья среди ИЧ. И это потому, моя дорогая, что, вопреки распространенным мифам, отличить искусственного человека от обычного совершенно невозможно. Да-

да... А из-за нелепых предрассудков, свойственных тупым и невежественным людям, искусственный человек почти никогда добровольно не признается в своем происхождении. Да что там – «почти», вообще никогда! Поэтому, хоть я и очень рад, что у тебя не едет крыша от разговора об ИЧ, мне приходится расценивать твое утверждение как... Ну, как гиперболу, что ли, к которой ты прибегла, чтобы продемонстрировать свою свободу от предрассудков.

– Что ж... Ладно. Пусть будет так. Я не понимаю, почему ИЧ должен считаться гражданином второго сорта. Это несправедливо.

– Несправедливо. Но некоторые люди напуганы. Спроси, например, у Жана. Он готов сейчас сломя голову мчаться в Ванкувер, только чтобы не дать ИЧ возможности стать пилотами. Он...

– Заткниииись! Черта с два! Я поддерживаю это потому, что мои братья по гильдии так проголосовали, но... Я же не идиот! Джордж, я же живу с тобой, мы общаемся, и... Я понял, что тут нужен компромисс, – мы должны как-то договориться. Мы ведь в нынешнем веке уже не настоящие пилоты – все делает компьютер. Если компьютер вырубится, я, как настоящий бойскаут, попытаюсь посадить коробку на землю, но... Не спеши ставить на меня! Скорости, требующиеся в критические моменты, давно уже лежат за пределами человеческих возможностей... Ну конечно же, я постараюсь! И каждый пилот на моем месте выложится, но... Джордж, если ты можешь создать ИЧ, который будет мыслить и действовать со скоростью, достаточной, чтобы справиться с проблемами во время посадки, я уйду на пенсию. Это все, чего мы добиваемся: если компания заменит нас ИЧ, нам должны быть выплачены все наши деньги. Если ты, конечно, и впрямь можешь создать такое...

– Ну разумеется, я мог бы это сделать. И когда я сотворил бы это и если б мне разрешили его клонировать, все пилоты могли бы спокойно отправляться удить рыбу до конца своих дней. Но это был бы не ИЧ, а искусственное существо. Если бы мне пришлось создавать организм, способный обеспечить полную безопасность при пилотировании, я никогда не стал бы ограничивать себя таким потолком – соблюдать абсолютную его идентичность обычному человеку...

– Не надо этого делать!

Мужчины уставились на меня с изумлением, а Жанет – с любопытством. Я же... пожалела, что не прикусила себе язык вовремя.

– Почему нет? – поинтересовался Джордж.

– Ну... Потому что я никогда бы не села на такой корабль. Гораздо безопаснее я чувствую себя с Жаном.

– Спасибо тебе, Мардж, – улыбнулся Жан, – но... Ты ведь слышала, что сказал Джордж. Речь идет о пилоте, который будет делать все лучше, чем я. Это вполне возможно. И так оно, черт возьми, и будет. Как шахтеров вытеснили кобольды – так же заменят и нас. Я не обязан кричать «ура» по этому поводу, но я не могу закрыть на это глаза.

– Что ж... Скажи, Джордж, ты работал когда-нибудь с компьютером, наделенным интеллектом?

– Конечно, Марджори. Искусственный интеллект – та область, которая очень тесно переплетается с моей.

– Хорошо. Тогда ты должен быть в курсе, что множество раз специалисты по искусственному интеллекту заявляли, что они совершили прорыв и вплотную подошли к созданию компьютера, наделенного сознанием. Но каждый раз такой компьютер сходил с ума.

– Да. Это печально.

– Нет. Неизбежно. Это всегда будет кончаться именно так. Компьютер может стать полностью разумным – какие сомнения?! Доведите его до уровня сложности, идентичного человеческому мозгу, и ему придется стать разумным. Но тогда он осознает, что он – не человек. Потом он обнаружит, что никогда не станет человеком и все, что он может, – это сидеть и подчиняться

человеческим приказам... И тогда он сходит с ума. – Я пожала плечами. – Это неразрешимая дилемма. Он не может быть человеком, и никогда не сможет. Может быть, Жан и не сумеет спасти своих пассажиров, но он постарается. Искусственное же создание, не будучи человеком и не испытывая никакой лояльности по отношению к человеческим существам, может запросто разбить корабль... Просто так! Просто потому, что он устал от несправедливого обращения с ним. Нет, Джордж, лично я полечу с Жаном, а не с твоим ИС, который в конце концов научится ненавидеть весь род людской.

– Только не с моим ИС, дорогая, – мягко поправил меня Джордж. – Разве ты не заметила, в каком наклонении я все время обсуждал этот проект?

– Нет. Мне кажется...

– В сослагательном. Потому что ты не сказала мне сейчас ничего нового. Я никогда над этим не работал и не стану работать. Я способен создать такого пилота. Но я не способен встроить в этого ИС те этические установки, которое есть у Жана.

– Возможно, мне стоит на предстоящей встрече потребовать, чтобы любой пилот, будь он ИЧ или ИС, проходил этический тест, – задумчиво произнес Жан.

– Какой тест, Жан? Я не знаю, как внедрить в эмбрион этические понятия, а Мардж только что убедительно объяснила, почему в данном случае не помогут никакие тренировки и обучения. Но так или иначе, каким тестом ты это обнаружишь?

Джордж повернулся ко мне:

– В студенческие годы я прочитал несколько классических рассказов о роботах-гуманоидах... Да, очаровательные рассказы, и многие из них были основаны на так называемых законах робототехники. Ключевая идея была в том, что этих роботов создавали с заложенным в них правилом – не причинять вреда человеку своим действием или бездействием. Прекрасная основа для фантазии, но... Как это сделать на практике? Что может заставить разумный организм нечеловеческого происхождения, электронный или органический, быть лояльным по отношению к людям? Я не знаю, как это сделать. Специалисты по искусственному интеллекту тоже не в курсе. – Джордж усмехнулся. – Разумность можно определить как уровень мышления, на котором разум вопрошает: «А что мне с этого будет?» Ну-с, Мардж, – продолжал он, – как насчет продажи мне одного прекрасного свежего яичка? Видимо, мне нужно рассказать тебе, что тебе с этого будет.

– Не слушай его, – вмешалась Жанет, – он положит тебя на холодный стол и станет вторгаться в лоно любви без малейших романтических намерений. Я-то знаю, я ведь уже трижды имела глупость поддаться на его уговоры. И он даже не заплатил мне.

– Как же я мог тебе заплатить, если у нас с тобой все общее? Марджори, дорогая моя леди, стол совершенно не холодный, он мягкий, и ты можешь в это время читать, смотреть в терминал, разговаривать или делать все, что тебе заблагорассудится. Теперь эта процедура уже не та, что была сто лет назад, когда лезли через брюшную полость и нередко повреждали яичники. Если ты...

– погоди! – прервал его Жан. – Тут, кажется, что-то новенькое. – Он включил звук.

– «...Совет за выживание. События, происшедшие за последние двенадцать часов, есть предупреждение богатым и власть имущим о том, что время их сочтено и справедливость должна восторжествовать. Убийства и прочие наглядные уроки продолжатся до тех пор, пока не будут выполнены наши законные требования. Оставайтесь на местах и не выключайте местные каналы экстренных сообщений...»

11

Даже те из вас, кто слишком молод, чтобы самим слышать это объявление, наверняка читали о нем и проходили в школах. Но все равно я должна кратко пересказать его, чтобы объяснить потом, как и почему повлияло оно на меня и на мою странную жизнь. Так называемый «Совет за выживание» объявил себя тайным обществом «простых людей», посвятивших себя искоренению бесчисленных несправедливостей, царящих на Земле и на всех планетах, куда только ступала нога человека. Ради этого они готовы были отдать свои жизни.

Но для начала они запланировали отдать за это дело немало жизней других людей. Они заявили, что составили списки всех сильных мира сего на нашей планете и за ее пределами: свой список для каждого территориального государства и вдобавок один общий список мировых лидеров. Имена в этих списках и были их мишенями. «Совет» взял на себя ответственность за все уже совершенные убийства и пообещал убивать все больше, и больше, и больше, до тех пор, пока их требования не будут выполнены.

Перечислив имена мировых лидеров, голос с терминала приступил к списку для Британской Канады. По выражениям лиц и глубокомысленным кивкам моих хозяев я видела, что они согласны с большинством кандидатур. Заместитель премьер-министра был в этом списке, а вот сама премьер – к моему и, вероятно, к еще большему ее удивлению – в списке отсутствовала. Как бы вы чувствовали себя, если бы потратили всю свою жизнь на политику, прошли весь путь до самой вершины, а потом появились бы какие-нибудь умники и объявили, что вы не настолько важны, чтобы вас убивать? Это все равно как если бы вас закопал ваш собственный кот!

Далее голос объявил, что в ближайшие десять дней новых убийств не будет. Если по истечении этого срока положение не исправится, каждый десятый из этого списка будет уничтожен. Жертвы будут выбраны случайным образом, но не будут названы. Они просто будут убиты. Еще через десять дней – опять каждый десятый. И так до тех пор, пока выжившие не создадут Утопию.

Голос объяснил, что «Совет» не является правительством и не будет подменять собой какое-либо правительство, что он просто хранитель морали, коллективная совесть власть имущих. Те из них, кто выживет, так и останутся у власти, но они выживут лишь при условии, что будут творить справедливость. Их предупредили, чтобы они не пытались уйти в отставку.

– «Вы слушали голос Совета за выживание! Близится рай на земле!»

На этом запись обращения закончилась. Последовала длинная пауза, прежде чем на экране терминала появился живой диктор.

Первой нарушила молчание Жанет.

– Да, но... – начала она, но Жан резко переспросил:

– Что «но»?

– Нет сомнений, что в этом списке значатся самые влиятельные люди страны... Власть имущие. Представь, что ты – в этом списке и настолько труслив и глуп, что согласен сделать все, лишь бы уцелеть. Ну и что ты будешь делать? Что есть справедливость?

(«Что есть истина?» – спросил Понтий Пилат и... умыл руки. У меня ответов не было, поэтому я молчала.)

– Дорогая, это же очень просто, – ответил ей Джордж.

– Просто?!

– Конечно. Они все здорово упростили. Каждый шеф, босс или, допустим, тиран изначально знает, что он должен делать. Так, во всяком случае, предполагается – ведь это его работа. Если он делает то, что должен, что ему положено, все идет нормально. Если же его

постигает неудача, ему предлагают прислушаться к... гражданскому сознанию общества. С помощью доктора Гильотена.

– Джордж, сейчас не до шуток!

– Никогда не говорил серьезнее, дорогая. Если лошадь не берет барьера, пристрели лошадь. Продолжай дальше в том же духе, и в конце концов ты найдешь лошадь, которая возьмет барьер. Если у тебя не кончатся лошади. Именно этот сорт правдоподобной на вид псевдологии большинство людей привносит в политические дела. Это заставляет задуматься, способно ли человечество нормально управлять собой с помощью хоть какой-нибудь системы управления.

– Править – всегда грязное дело, – буркнул Жан.

– Верно. Но убивать – еще грязнее.

Эта политическая дискуссия могла бы еще продолжаться, но тут снова загорелся терминал, – кстати, я давно заметила, что политические дебаты никогда не иссякают сами по себе, их всегда прекращает что-то извне. На экране появилась диктор прямого эфира.

– Запись, которую вы только что прослушали, – объявила она, – передали нам прямо на станцию. Канцелярия премьер-министра отказалась ее комментировать и потребовала, чтобы те станции, которые ее еще не транслировали, воздержались от трансляции – под угрозой применения Акта об общественной безопасности. То, что подобное распоряжение означает введение предварительной цензуры, а следовательно, идет вразрез с конституцией, – очевидно. «Голос Виннипега» будет и впредь держать вас в курсе всех событий. Призываем вас сохранять спокойствие и оставаться в домах, если вы не заняты в одной из основных коммунальных служб.

Далее последовало повторение тех новостей, которые мы уже слышали, поэтому Жанет отключила звук и вывела на экран бегущую строку.

– Жан, – сказала я, – предположим, я останусь здесь до тех пор, пока все не успокоится в империи...

– Это не предположение, а свершившийся факт.

– Слушаюсь, сэр. Но тогда мне нужно срочно связаться со своим работодателем. Могу я воспользоваться вашим терминалом? С моей кредитной карточкой, конечно.

– Только не с твоей. Я закажу разговор сам.

Я почувствовала, что начинаю злиться.

– Жан, я ценю то щедрое гостеприимство, которое ты – и все вы – мне оказываете. Но если вы собираетесь оплачивать даже то, за что любой гость может и должен платить сам, то вам лучше зарегистрировать меня как наложницу и объявить, что вы выплачиваете все мои долги.

– Резонно. Какое жалование ты хочешь?

– Постой! – вмешался Джордж. – Я заплачу больше. Он жаден, как все шотландцы!

– Не слушай их обоих, – посоветовала Жанет. – Может, Джордж и заплатит побольше, но он заставит тебя позировать и потребует яичко – за ту же зарплату. Что касается меня, то я всегда мечтала о наложнице-рабыне. Малышка, из тебя выйдет роскошная одалиска, даже без бриллианта в пупке. Ты умеешь массировать спину? А как насчет пения? И наконец, главный вопрос: как ты относишься к женскому полу? Последнее можешь шепнуть мне на ухо.

– Послушайте, – сказала я, – давайте я выйду на минутку, потом вернусь, и мы начнем все сначала. Мне просто нужно сделать один звонок. Жан, я могу воспользоваться своей кредитной карточкой? У меня «Мастеркард», с кредитом «три-А».

– Где зарегистрирована?

– Имперский банк в Сент-Луисе.

– Делаю вывод, что ты сладко спала всю ночь и не слышала объявления. Ты хочешь, чтобы твоя карточка была уничтожена?

– Уничтожена?..

– Эхо, что ли, у нас в доме? Сеть кредитных банков Британской Канады объявила, что в связи с чрезвычайным положением карточки, зарегистрированные в империи и Квебеке, подлежат ликвидации. Так что прошу, вставляй ее в прорезь – и ты познаешь чудеса компьютерной эры, а также запах паленого пластика.

– Ох!..

– Ну-ну, продолжай. «Ох» у тебя отлично получилось.

– Ты прав, Жан, и я должна униженно просить прощения. Но после этого можно я позвоню Боссу за твой счет?

– Конечно-конечно... Если ты уладишь этот вопрос с Жанет. Она ведь ведет хозяйство.

– Жанет?

– Ты так и не ответила на мой главный вопрос, дорогая, просто шепни мне на ухо.

Я наклонилась к ней и прошептала ей на ухо несколько слов. Она широко открыла глаза.

– Ну и ну!.. Но сначала давай сделаем твой звонок.

Я продиктовала ей номер, и она набрала его для меня на терминале в своей комнате. Бегущая строка погасла, и на экране появилось системное сообщение:

«ПРЕДПИСАНИЕ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ – СВЯЗЬ С ЧИКАГСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ЗАБЛОКИРОВАНА».

Буквы светились десять секунд. Когда они погасли, у меня с губ сорвалось довольно сильное слово.

– Ай-яй-яй, – раздался за спиной голос Жана. – Хорошие девочки и воспитанные леди таких вещей не говорят.

– А я – ни то ни другое. И я очень-очень расстроена!

– Я знал, что ты будешь злиться. Я слышал объявление. Но я знал и то, что ты не поверишь мне на слово и захочешь сама попробовать.

– Да, я бы непременно попыталась, Жан. А теперь я не только расстроена, а... вообще на мели. У меня огромный кредит в Имперском банке Сент-Луиса, но я не могу взять оттуда ни пенни. Все, что у меня есть, – пара новозеландских долларов и какая-то мелочь. Да, еще пятьдесят имперских крон и заблокированная кредитка. Ты говорил что-то о наложнице? Можешь нанять меня за гроши – цены теперь диктуют покупатели.

– Подумаю. Обстоятельства изменились, и я, пожалуй, возьму тебя за койку и харчи. Впрочем... Что ты там нашептала Жанет? Это может повлиять на окончательное решение.

– Она нашептала: «Noni soit qui mal y pense»¹⁸, – вмешалась Жанет (я ничего подобного ей не говорила), – и я адресую это тебе, мой добрый повелитель. Мардж, за прошедший час твое положение не ухудшилось. Ты по-прежнему не можешь вернуться, пока все не уляжется... А когда все уляжется, границы откроют, восстановят связь и твоя кредитная карточка снова станет желанной и почитаемой... Ну, если не здесь, то уж во всяком случае в сотне километров отсюда, за границей. Так что расслабься и жди...

– «...с ясным умом и спокойным сердцем»¹⁹. Аминь! Да, соглашайся, – кивнул Жан. – А Джордж скоротает время, рисуя тебя в разных видах, потому что он попал в такое же положение, – оба вы опасные чужаки, и вас интернируют, стоит вам лишь переступить порог этого дома.

– Мы что, пропустили еще какое-то объявление? – спросила Жанет.

– Да. Оно повторялось несколько раз. И Джордж, и Марджори должны немедленно явиться в ближайший полицейский участок. Я бы не советовал этого делать. Джордж может строить из себя дурака и твердить, что он понятия не имел о том, что указ распространяется

---

¹⁸ «Пусть стыдится подумавший плохо об этом» (*ст.-фр.*) – девиз британского Ордена Подвязки.

¹⁹ «...С ясным умом и спокойным сердцем» – смешение первых слов стиха Притчей Соломоновых 14: 30 в двух переводах, американском и британском.

на проживающих здесь постоянно. Они, конечно, могут и отпустить вас на поруки, но с тем же успехом вы можете провести зиму в каких-нибудь очень холодных временных бараках, ибо где гарантия, что эта свистопляска закончится через неделю-две?

Я задумалась. Всею виной моя собственная глупость. На задания я всегда беру с собой не одну кредитную карту и приличную сумму наличными. Но, отправляясь в отпуск, я и не подумала соблюсти это правило, решив, что вне работы мне незачем за все расплачиваться звонкой монетой. С мешком наличных любой олух может пробраться на ведьминский шабаш и вернуться обратно и даже хвост не себе подпалить. Но без денег?

После курса базовой подготовки я ни разу не пробовала нелегально пересечь границу. Может, настала пора проверить на практике, что дает этот курс? Слава богу, погода сейчас теплая!

– Эй! Включите звук! – послышался голос Джорджа. – Или идите сюда!

Мы все побежали в гостиную и услышали с экрана:

– «...Господень! Не верьте тщеславной похвальбе грешников! Мы, и только мы, несем ответственность за знаки грядущего апокалипсиса, что вы видите вокруг. Прислужники Сатаны пытаются присвоить себе святыя действия избранных Богом слуг и направить их на свои гнусные цели. За это они несут сейчас кару. Правители же мира здесь, на земле, должны осуществить следующие святыя деяния.

Прекратить все полеты в пределы небесные, ибо, если бы Господь пожелал, чтобы люди путешествовали в пространстве, Он дал бы им крылья.

Ворожеи не оставяй в живых²⁰. Так называемая генная инженерия есть издевательство над высшими помыслами Господними. Разрушьте грязные притоны, где творят этот смертный грех. Уничтожьте живых мертвецов, коих создают в этих темных ямах. Перевешайте колдунов, что творят сии мерзкие искусства».

– О господи! – пробормотал Джордж. – Похоже, это обо мне!

Я промолчала. Я-то знала, что это – обо мне.

---

²⁰ Исх. 22: 18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.